

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПОЛИТИКА РОССИИ
НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ**
**(к 100-летию договоров с Ираном,
Афганистаном и Турцией)**

Москва
2022

ББК 63.3(2)7-6(2Р)(5Ирн)(5Аф)(5Ту)
П50

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Н. М. Мамедова, канд. экон. наук, ФГБУН ИВ РАН

Составитель
О. Е. Митрофаненкова, канд. ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
М. С. Каменева, канд. филол. наук, ФГБУН ИВ РАН
Н. Р. Масумова, канд. экон. наук, МГИМО

П50 **Политика** России на южных рубежах: к 100-летию договоров 1921 года с Ираном, Афганистаном и Турцией : коллективная монография / Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Центр изуч. стран Ближ. и Сред. Востока ; [отв. ред. Н. М. Мамедова ; сост. О. Е. Митрофаненкова]. – Москва : ИВ РАН. – 2022. – 278 с.

ISBN 978-5-907543-63-8 (в пер.)

Монография посвящена начальному периоду формирования внешней политики советской России, подписавшей в 1921 г. первые договоры с Афганистаном, Ираном и Турцией. Дается анализ особенностей взаимоотношений молодого советского государства с южными соседями и сложной геополитической и экономической ситуации в этих странах, а также характеристика содержания договоров и последствий их реализации. Приводятся также оценки договоров отечественными и зарубежными исследователями как в период их подписания, так и в настоящее время.

Книга представляет интерес для специалистов по Ближнему и Среднему Востоку и всех, кто интересуется отечественной историей.

ББК 63.3(2)7-6(2Р)(5Ирн)(5Аф)(5Ту)

ISBN 978-5-907543-63-8 (в пер.)

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**RUSSIA'S POLICY
ON THE SOUTHERN BORDERS**

**To the 100th anniversary of the treaties
with Iran, Afghanistan and Turkey**

Moscow
2022

*Approved for publication by the Academic Council
of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor

N. M. Mamedova, Cand. Sci. (Econ.), IOS RAS

Compiler

O. E. Mitrofanenkova, Cand. Sci. (Hist.), IOS RAS

Rewires

M. S. Kameneva, Cand. Sci. (Philol.), IOS RAS

N. R. Masumova, Cand. Sci. (Econ.), MGIMO University

Russia's policy on the southern borders (to the 100th anniversary of the treaties with Iran, Afghanistan and Turkey) : collective monograph / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, The Near and Middle East Study Center ; ed. N. M. Mamedova, comp. O. E. Mitrofanenkova. – Moscow : IOS RAS, 2022. – 278 p.

ISBN 978-5-907543-63-8 (в пер.)

The monograph is devoted to the initial period of formation of the foreign policy of Soviet Russia, which signed in 1921 the first treaties with Afghanistan, Iran and Turkey. It analyzes the peculiarities of relations of the young Soviet state with its southern neighbors and the complex geopolitical and economic situation in these countries, as well as the content of the treaties and the consequences of their implementation. It also gives the assessment of the treaties by domestic and foreign researchers, both at the time of their signing and at the present time.

The book is of interest to experts on the Near and Middle East and all those who are interested in national history.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Глава I. Иран	16
Советско-иранский договор 1921 г. и его актуальность (<i>Арабаджян З. А.</i>)	16
Геополитическая ситуация в Иране накануне и после подписания советско-иранского Договора от 26 февраля 1921 г. (<i>Марьясов А. Г.</i>)	24
Экономические разделы Договора 1921 г. и последствия их реализации (<i>Мамедова Н. М.</i>)	32
Некоторые аспекты внешней политики монархии Пехлеви (<i>Полищук А. И.</i>)	53
Влияние советско-иранского договора на ирано-английские отношения (<i>Федорова И. Е.</i>)	67
Договор 1921 г. и его значение для победы СССР во Второй мировой войне (<i>Сажин В. И.</i>)	77
Договор 1921 г.: оценки иранских авторов (<i>Дунаева Е. В.</i>)	90
Французские востоковеды о советско-персидском договоре 1921 г. (<i>Зотова Ю. А.</i>)	107
Советско-персидский договор о дружбе 1921 г. как первый шаг к обретению современным Ираном реальной независимости (иранский взгляд на договор 1921 г.) (<i>Зотова Ю. А., Мохаммаднежад Нешели Мохаммад Махди</i>)	130
Глава II. Афганистан	146
Советско-афганский договор 1921 г. и его значение для Афганистана и РСФСР (<i>Митрофаненкова О. Е.</i>)	146
Развитие двусторонних торгово-экономических отношений между Россией и Афганистаном (1921–2021) (<i>Окимбеков У. В.</i>)	154
Сотрудничество РСФСР/СССР и Афганистана в военной сфере (1920–1930-х гг.) (<i>Слинкин М. М.</i>)	165

Глава III. Турция.....	179
К вопросу о роли российской финансовой помощи в развитии политического сотрудничества с Турцией в период подписания Московского договора 1921 г. (<i>Ульченко Н. Ю.</i>) ...	179
Московский договор 1921 г. и его значение для советско-турецких отношений в оценках турецких ученых (<i>Иванова И. И.</i>)	192
Московский договор 1921 г. и территориальные проблемы в советско-турецких отношениях на заключительном этапе Второй мировой войны в оценках турецких исследователей (<i>Болдырев А. В.</i>)	200
Карсский договор 1921 г. во внешней политике Турции (по материалам работ современных турецких исследователей) (<i>Гаджиев А. Г.</i>)	217
Бухарское золото для турецкой революции? К вопросу об источниках советской финансовой помощи правительству ВНСТ (Великого национального собрания Турции) (<i>Васильев А. Д.</i>)	232
Приложения	244
Summary	269
Список авторов.....	276

CONTENTS

Introduction.....	9
Chapter I. Iran	16
The Soviet-Iranian treaty of 1921 and its relevance (<i>Arabadzhyan Z. A.</i>)	16
The geopolitical situation in Iran on the eve and after the signing of the Soviet-Iranian Treaty of February 26, 1921 (<i>Mariyasov A. G.</i>)	24
Economic sections of the Treaty of 1921 and consequences of its implementation (<i>Mamedova N. M.</i>)	32
Some aspects of the foreign policy of the Pahlavi monarchy (<i>Polishchuk A. I.</i>).....	53
The influence of the Soviet-Iranian treaty on Iranian-British relations (<i>Fedorova I. E.</i>).....	67
Treaty of 1921 and its significance for the victory of the USSR in World War II (<i>Sazhin V. I.</i>)	77
Treaty of 1921: assessments of Iranian authors (<i>Dunaeva E. V.</i>)	90
French Orientalists on the Soviet-Persian Treaty of 1921 (<i>Zotova Y. A.</i>)	107
The Soviet-Persian Treaty of Friendship of 1921 as the first step towards the acquisition of real independence by modern Iran (Iranian view of the Treaty of 1921) (<i>Zotova Yu. A., Mohammadnejad Nesheli Mohammad Mahdi</i>)	130
Chapter II. Afghanistan.....	146
The Soviet-Afghan Treaty of 1921 and its significance for Afghanistan and the RSFSR (<i>Mitrofanenkova O. E.</i>)	146
Development of bilateral trade and economic relations between Russia and Afghanistan (1921–2021) (<i>Okimbekov U. V.</i>)	154
Cooperation between the RSFSR/USSR and Afghanistan in the military sphere (1920s–1930s) (<i>Slinkin M. M.</i>)	165

Chapter III. Turkey	179
On the issue of the role of Russian financial assistance in the development of political cooperation with Turkey during the signing of the Moscow Treaty of 1921 (<i>Ulchenko N. Y.</i>)	179
The Moscow treaty of 1921 and its significance for Soviet-Turkish relations in the assessments of Turkish scientists (<i>Ivanova I. I.</i>)	192
The Moscow Treaty of 1921 and Territorial Problems in Soviet-Turkish Relations at the Final Stage of World War II in the Assessments of Turkish Researchers (<i>Boldyrev A. V.</i>)	200
Kars Treaty of 1921 in Turkish Foreign Policy (Based on the Works of Contemporary Turkish Researchers) (<i>Gadzhiev A. G.</i>)	217
Bukhara gold for the Turkish revolution? On the question of the sources of Soviet financial assistance to the government of the VNST (<i>Vasiliev A. D.</i>)	232
Application	244
Summary	269
List of authors	276

ПРЕДИСЛОВИЕ

Становление внешней политики новой России происходило в сложнейших геополитических условиях, когда в результате Первой мировой войны перекраивались государственные границы и расширялось революционное движение. В стране после установлении власти большевиков началась гражданская война, возникли сепаратистские движения различной идеологической направленности.

В марте 1919 г. по инициативе В. И. Ленина был создан Коминтерн для реализации идей революционного социализма по всему миру, т. е. для подготовки и осуществления революций. Хотя главные надежды на революционные изменения характера власти большевики связывали с европейскими странами, восточные страны также оставались в орбите их внимания. Еще 20 ноября 1917 г. (3 декабря) Совет Народных Комиссаров России выпустил Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором призывалось «устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. ... Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы. Мы заявляем, что договор о разделе Турции и отнятии у нее Армении порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, армянам будет обеспечено право свободно определить свою политическую судьбу»¹.

¹ Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока [Обращение Совета Народных Комиссаров]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5310> (дата обращения: 17.10.2021)

Постепенно на смену идеям революционного переустройства стран Востока пришли более прагматические цели – установление с этими странами правовых основ взаимоотношений. После бурного периода деятельности Коминтерна Советская Россия подписывает в 1921 г. серию первых договоров с рядом соседних расположенных к югу от нее стран, в том числе с Ираном (26 февраля 1921 г.), с Афганистаном (28 февраля 1921 г.) и Турцией (13 марта 1921 г.). В октябре в дополнение к Московскому договору с Турцией после установления советской власти в республиках Закавказья был подписан Карсский договор.

По случаю 100-летия подписания Россией этих договоров Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока в сентябре 2021 г. провел конференцию «Политика России на южных рубежах. К 100-летию подписания договоров с Афганистаном, Ираном, Турцией». Материалы этой конференции составили содержание предлагаемой читателю коллективной монографии. В основу расположения глав положен принцип хронологического подписания договоров (Иран – Афганистан – Турция). Особенностью работы стало не написание разделов по заранее составленному плану, а комплектация глав из разделов, написанных на основе сделанных на вышеупомянутой конференции докладов.

Представляется, что это позволило сделать монографию более разнообразной, подчеркнуть особенности не только самих Договоров, но и различия в положениях стран, их внутренней ситуации, взаимоотношений с Советской Россией и другими советскими республиками. В одних разделах сделан акцент на содержании Договоров, в других – на сложной ситуации в странах, в других и на оценках договоров в настоящее время.

Первая глава посвящена анализу Договора с Ираном. В ее первом разделе дается общая оценка Договора 1921 г. (З. А. Арабаджян) с точки зрения того, что должно было стать предметом договора, что было отражено в договоре и что следовало бы в это время сделать России. Анализируются статьи, которые до настоящего времени вызывают критику с иранской стороны. А. З. Арабаджян отмечает, что в Договоре не был соблюден принцип равнопра-

вия, не определены сроки и условия вывода советских войск, хотя в экономическом плане договор был более выгоден иранской стороне. Впервые в отечественном востоковедении приводится мнение И. В. Сталина о статьях договора 1921 г., юридически позволивших в 1941 г. ввести советские и английские войска в Иран.

При анализе геополитической ситуации рассматриваемого периода (Марьясов А. Г.) обращается внимание на то, что идея распространения социалистических революций на Востоке нашла свое воплощение в поддержке создания Персидской (Гилянской) Советской Республики. Но эта поддержка, как и участие советского Азербайджана в гилянских событиях, определялись не только идеологическими факторами, а являлись средством давления на англофильские правительства Ирана, чтобы предотвратить превращение Ирана в плацдарм агрессии против южных рубежей советских республик.

Специальный раздел главы посвящен анализу экономических статей договора (Н. М. Мамедова), их значимости для России и для экономики Ирана. Не случайно, что ни в одном из договоров с другими странами экономические проблемы не получили столь значительного места, так как для молодых советских республик наиболее актуальной проблемой в этот период было обеспечение безопасности южных рубежей и предотвращение с юга военной агрессии. Интерес для читателя может представить характеристика действий молодой Советской власти по восстановлению экономических позиций в Иране и формированию новых форм сотрудничества после отказа от концессий царской России в Иране.

Подписание договора с Персией оказало влияние не только на отношения Ирана с Россией, но и на его отношения с другими странами. Уже сама деятельность России по заключению договора, как и содержание договора, явились сигналом Великобритании изменить свои формы и методы действий в Иране (И. Е. Федорова). В условиях политического хаоса и реальной опасности дезинтеграции Ирана Лондон отказался от прямого давления на руководство в Тегеране и поддержал переворот накануне подписания договора, который открыл путь к укреплению авторитета Реза-хана, вскоре

ставшего новым шахом Ирана. Эта поддержка помогла Великобритании сохранить довольно значимые позиции в Иране.

Авторы не ограничились только периодом подписания договора, показав его значимость в развитии дальнейших отношений между Ираном и СССР. Читателя заинтересуют описания визитов последнего иранского шаха в СССР (А. И. Полищук), оценка ввода союзных войск в Иран, который предотвратил превращение Ирана в военно-политического сателлита нацистской Германии (В. И. Сажин), способствовал созданию транспортного коридора для поставок по ленд-лизу.

Договор 1921 г. со времени его подписания и до сегодняшнего дня вызывает неоднозначные оценки как со стороны России, так и Ирана. Столь же разноречивы его оценки и со стороны Запада. В разные периоды эти оценки менялись, а в настоящее время, как показано в работе, большинство современных иранских авторов оценивают его более или менее негативно (Е. В. Дунаева). В значительной мере это можно объяснить тем, что эти оценки основаны на работах западных авторов, хотя новое поколение иранских историков все более объективно начинает учитывать интересы обеих стран в период, который был сложным и для Ирана, и для России. Среди французских иранистов Договор 1921 г. в целом получает позитивные оценки (Ю. А. Зотова). Большинство французских авторов, отмечая не полную его равноправность для сторон, связанную с включением в текст 5-й и 6-й статей, рассматривают их как сравнительно небольшую компенсацию за полученные Ираном политические и экономические преимущества. В заключительном разделе этой главы, написанном иранскими исследователями (Мохаммаднежадом Нешели Мохаммад Махди и Ю. А. Зотовой-Талатчян), признается, что этот Договор стал совершенно уникальным и беспрецедентным для своего времени с точки зрения взаимоотношений России, в недалеком прошлом – сильной державы и полуколониального Ирана, и что полученные Ираном преимущества значительно превышали российские.

Глава «Афганистан» открывается общей характеристикой отношений между Советской Россией и Афганистаном, а также

самого Договора 1921 г. (О. Е. Митрофаненкова). Закономерно, что значительное внимание уделено афгано-британским отношениям этого периода, борьбе за влияние в регионе между Советской Россией и Великобританией. Именно вскоре после подписания договора с РСФСР Афганистан подписывает как самостоятельное государство договоры с Великобританией, Турцией и Ираном.

В монографии показано, что советская власть с первых дней своего установления старалась предоставить Афганистану свою экономическую и техническую помощь даже еще до заключения Договора о дружбе (У. В. Окимбеков), а в самом Договоре возможность предоставления такой помощи закреплялась законодательно. Тема экономического сотрудничества не ограничивается только периодом 1920-х годов. С привлечением статистических материалов в работе показано, что двусторонние торгово – экономические отношения до 1990-х гг., хотя и развивались неравномерно, но росли в объемах и масштабах. Однако активное участие советской, а затем российской стороны в экономическом развитии Афганистана завершилось с приходом к власти в 1992 г. афганских исламистов и в дальнейшем зависело в значительной мере от воли афганских властей и внешних сил, фактически управлявших страной.

Этот раздел второй главы об экономических связях удачно дополняется анализом зарождения военного и военно-технического сотрудничества между Советской Россией и объявившем о своей независимости в 1919 г. Эмиратом Афганистан (М. М. Слинкин). При этом особое внимание уделено сформировавшемуся в 20-х – 30-х гг. XX века комплексному подходу советской стороны к созданию новых для Афганистана видов вооруженных сил одновременно с развитием военной инфраструктуры. Целесообразным следует считать описание причин и результатов боевого применения вооруженных советских и афганских формирований на территории Афганистана, что может представлять интерес и для востоковедов, и для широкого читателя.

Особенно сложными были условия подписания в 1921 г. Договора с Турцией, которая после распада Османской империи не была к тому времени признана самостоятельным государством

с зафиксированными границами. Поэтому в третьей главе, посвященной анализу Московского договора 1921 г., наибольшее внимание уделено как сложной геополитической ситуации этого периода, так и роли российской финансовой помощи для развития политического сотрудничества с Турцией. В работе обращается внимание на то, что при заключении договора в Москве было достигнуто соглашение об оказании Турции безвозмездной финансовой помощи, а также помощи оружием (Н. Ю. Ульченко). Сама готовность российской стороны к этим переговорам предоставила Турции возможность выбора между двумя полюсами противостояния – Россией и странами Запада, тем более, что к началу московских переговоров ситуация трансформировалась в открытую борьбу между Россией и Англией за Турцию. Однако выбрав Россию в политические союзники, Турция стала настойчиво требовать от нее финансовой и военной помощи для противостояния военному давлению со стороны западных государств.

Проблема получения финансовой и военной помощи Турции остается актуальной до сегодняшнего дня. В свете недавно обнаруженных архивных документов можно сказать, что осенью 1921 г. И. В. Сталиным была предпринята даже попытка пересмотреть безвозмездный характер финансовой помощи «кемалистам». (А. Д. Васильев). Поистине детективное расследование ведется в отношении бухарского золота и ценностей, которое полностью не было передано Турции. Судьба бухарских ценностей остается до конца не известна, а, по некоторым сведениям, советское руководство использовало их в дальнейшем для помощи Афганистана.

В этой главе значительное место уделено оценкам турецких исследователей и самому Московскому договору и начальному этапу установления советско-турецких отношений. Для этого широко использованы материалы фундаментального турецкого издания, изданного в Стамбуле в 2001 г. – «Турецкая внешняя политика. (1919–1980)» (И. И. Иванова).

Позиции современных турецких исследователей рассмотрены и при анализе Карсского договора (А. Г. Гаджиев), который был заключен 13 октября 1921 г. между Турцией и советскими респу-

бликами Закавказья при непосредственном участии РСФСР, подтверждая положения Московского договора от имени закавказских республик. В современных внешнеполитических доктринах Турции Карсский договор рассматривается в качестве одного из ключевых элементов обеспечения мира и стабильности в регионе. В работе отмечается, что турецкие исследователи апеллируют к Карсскому договору в периоды кризисных явлений в районе Кавказа. До настоящего времени договор остается в силе и способствует сохранению территориального статус-кво в регионе.

Интересны оценки турецких исследователей относительно территориальных проблем, поднятых ими в конце Второй мировой войны (А. В. Болдырев). В современной историографии Турции неоднократно поднималась тема относительно попыток Советского Союза пересмотреть территориальные статьи Московского договора 1921 г., посвященные проблеме проливов. Представляется, что турецкими исследователями делается сознательный крен в сторону послевоенного периода, без учета ситуации, сложившейся между двумя мировыми войнами.

Работа подготовлена на основе самых разнообразных источников и литературы – от архивных материалов до изданий международных организаций. Авторам удалось отобразить условия подготовки Договоров и их влияние на дальнейшее развитие отношений Ирана, Афганистана и Турции с Россией, используя обширный массив литературы на русском и европейских, а также на турецком, персидском языках и языке дари.

Монография снабжена интересными Приложениями, представляющими собой тексты документов, письма, официальные заявления, позволяющие более полно раскрыть судьбу и значение подписанных в 1921 г. Договоров с Афганистаном, Ираном и Турцией.

Н. М. Мамедова

Глава I

ИРАН

Советско-иранский договор 1921 г. и его актуальность

Советско-иранский договор 1921 г. уже сто лет будоражит умы исследователей, политиков, дипломатов и просто людей, интересующихся историей как в Иране, так и в нашей стране. По-своему, он интересен и сегодня уже потому, что руководство ИРИ давно объявило его утратившим силу, а российская сторона, по крайней мере на официальном уровне, хранит молчание по этому вопросу. Особое значение имеет проблема как акта дарений, сделанных советской стороной, так и тех статей, которые давали определенные преимущества РСФСР.

Все статьи указанного документа можно разделить на три группы. Первая группа – это то, что было сделано для установления равноправных отношений с Ираном: отмена всех договоров, конвенций, соглашений, трактатов, которые были заключены им с царской Россией, ущемлявших суверенитет и законные интересы иранского государства, объявление утратившими силу соглашений России с третьими странами, ущемлявшими интересы Ирана, отказ от концессий и привилегий, экономически порабощавших Иран,

строительство двусторонних отношений на принципах невмешательства во внутренние дела друг друга (Статьи 1, 2, 4 и пр.). Такой подход полностью отражал принципиальную позицию Советской России в области международных отношений.

Вторая группа – то, чего, возможно, не следовало делать, но было совершено из-за не изжитого к 1921 г. левачества, революционного романтизма, слабого понимания положения в Иране, психологии иранского общества и особенно правящего класса. Так, Статьей 10 на безвозмездной основе иранской стороне передавалась российская собственность на северо-западе страны, списывались все долги. Указанное объяснялось желанием компенсировать урон, понесенный иранским населением во время Первой мировой войны из-за пребывания российских войск на иранской территории. Однако ущерб Ирану был нанесен армиями всех воюющих сторон, а не только России, и такой щедрый дар был определенно чрезмерным, особенно с учетом того, что другие участники войны особого желания компенсировать Ирану убытки не имели. Кроме того, в международной практике принято взыскивать понесенный ущерб с тех стран, которые оказались побежденными. В число этих государств Россия не входила. Все оставленное имущество, вместе со списанными по Статье 8 иранскими долгами по кредитам и займам, составляло по разным оценкам от 70 до 150 млн рублей золотом. Это было несопоставимо больше урона, нанесенного русской армией. Примечательно, что идеологическим обоснованием отказа от взыскания кредитов стало то, что они давались «не ради содействия хозяйственному развитию и процветания персидского народа, а в видах политического закабаления Персии»¹.

Указанные действия являются небесспорными, поскольку выданные царским правительством кредиты, равно как и средства, вложенные во всевозможные проекты государством и частными инвесторами, были результатом жестокой эксплуатации рабочего класса и крестьянства России. После победы Октябрьской революции и установления в стране власти народа в лице Советов всех уровней, Совнаркома и прочих органов социалистического государства, выданные ранее кредиты и займы превращались в досто-

ание трудящихся РСФСР, т. е. становились народными деньгами. Вероятно, можно было бы отказаться от получения процентов, но не от самих займов, или обусловить отказ от займов какими-либо встречными действиями иранской стороны. Оценивая данный шаг, следует помнить, что в тот момент, в конце гражданской войны, сама Советская Россия находилась в плачевном состоянии, значительная часть населения просто голодала. Можно предполагать, что целью указанных действий было вызвать чувство благодарности в иранском обществе, идеологически укрепить свои позиции в Иране и сделать его страной, политически близкой Советской России. Если такой расчет и был, то он оказался ошибочным, и советская сторона столкнулась с недружественными действиями даже до подписания договора: «Иранские власти еще до подписания договора стали захватывать русское имущество, грубо нарушая при этом права и интересы русских рабочих и служащих. Задолженность по зарплате не погашалась, не выплачивались соответствующие компенсации и т. д. ...

Двадцать четвертого мая советский полпред направил в МИД Ирана ноту протеста против осуществленного иранскими властями «принятия» бывшего имущества Учетно-ссудного банка, произведенного с «оскорбительной поспешностью» до приезда полпреда и подписания формального акта передачи. То же в еще более грубой форме повторилось при передаче дороги Энзели – Тегеран»².

Спустя много лет член Народной партии Ирана З. Альмоути в своих воспоминаниях объяснил, как иранские правящие круги воспринимали щедрый жест советской стороны: «Принимая эти дары, иранцы хорошо знали, что советская власть хочет компенсировать Ирану убытки и разрушения, принесенные нашей стране нарушением ее нейтралитета в войне. Наряду с этим, великодушный отказ советской стороны от всех своих преимуществ и привилегий в Иране, толковался в Иране не как благородство и искренность этой власти. Он создавал у иранцев представление об исчезновении силы данной страны. Иранская власть хорошо понимала, что настало время забрать у нынешнего ослабевшего режима то, что Россия взяла в прошлом, используя свою большую силу»³.

Третья группа статей, в которую входят Статьи 5 и 6, а также частично Статья 13, до сих пор вызывают критику с иранской стороны. Неясно, почему иранской стороне не нравится Статья 5, поскольку она на взаимной основе обязывала договаривающиеся стороны не допускать пребывание на своей территории организаций, частных лиц, войск третьих стран, транзит грузов и пр., которые могут быть использованы против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 6 позволяла Советской России ввести свои войска на иранскую территорию, если со стороны третьих стран возникнет угроза захвата части территории Ирана или превращения ее в плацдарм для нападения на Россию. Однако она не предусматривала такой же возможности за Ираном. Это позволяет утверждать, что Договор не является вполне равноправным. Данное обстоятельство привело к проблемам с его прохождением через Меджлис. Для снятия возникших вопросов стороны обменялись нотами. В своем послании иранское правительство желало получить разъяснения относительно смысла некоторых статей. В ответной советской ноте отмечалось, что «статьи 5 и 6 нашего договора имеют в виду лишь подготовку к активной вооруженной борьбе с Россией или союзными с ней Советскими Республиками со стороны сторонников низвергнутого режима и покровителей среди иностранных держав, которые ... могут под каким-либо предлогом или силой также занять часть персидской территории и там организовать базу для прямого нападения своими силами или контрреволюционными силами на Советские Республики или на самую Россию. Никакой устной или литературной борьбы с советским режимом со стороны либо персидских групп или даже групп каких-нибудь русских эмигрантов в пределах, обычно допустимых при содружестве двух соседних государств, при этом не имелось в виду»⁴.

Неприятие иранскими политиками и общественным мнением положений данной статьи объяснимо и понятно, но следует помнить и о том, в каком положении была Советская Россия осенью 1920 г., когда переговоры по подготовке договора только начинались. Гражданская война все еще продолжалась, Крым был в руках

Врангеля, Красная армия потерпела тяжелое поражение в войне с Польшей, и шли переговоры, которые завершились в марте 1921 г. тяжелым для РСФСР Рижским мирным договором, по которому Польше были уступлены большие территории Западной Украины и Западной Белоруссии, а также выплачена огромная контрибуция. На Дальнем Востоке существовала Дальневосточная Республика, находившаяся под контролем японских интервентов. В этой ситуации для Советской России было необходимо обеспечить безопасность своих южных границ, в т. ч. для борьбы с басмачами, что в какой-то степени позволяла сделать и Статья 6. Позднее именно она де юре дала право советской стороне ввести войска на север Ирана в годы Второй мировой войны, в силу чего их присутствие в те годы в Иране не может считаться оккупацией.

Все это хорошо известно. Но была и еще одна причина включения в договор Статьи 6 – опасения Советской России относительно территориальных претензий со стороны Ирана. Для того чтобы понять серьезность этого фактора, необходимо вернуться на несколько лет назад – в начало 1919 г., когда иранская делегация отправилась во Францию для участия в работе Парижской мирной конференции, на которой происходил передел мира по итогам Первой мировой войны, и предъявила свои претензии на компенсации. Эти претензии состояли из трех частей:

- 1) претензии, относящиеся к политической, правовой и экономической независимости;
- 2) право на территориальные реституции;
- 3) право на репарации.

Для анализа рассматриваемого вопроса наибольший интерес представляют иранские претензии на территориальные реституции. В них утверждалось, что Персия – это страна, имеющая свои естественные границы. Какая бы империя, начиная с эпохи Ахеменидов, не образовывалась в ней, она всегда выходила на эти естественные границы, которые охватывают территорию между Амударьей, Кавказским хребтом, реками Тигр и Ефрат и Персидским заливом. При этом, по мнению иранской стороны, большая часть населения этого региона всегда принадлежала к «иранской расе»⁵.

Далее отмечалось, что в XIX в. у ослабленной Персии ее соседи – русские на севере и турки на западе – стали отторгать ее естественные территории, и на двух страницах описываются притеснения со стороны России и на одной – со стороны Турции⁶.

В указанном документе территориальные претензии Ирана, связанные с территорией бывшей Российской империи, выглядели следующим образом.

Закаспийская область, как указывалось в иранской записке, всегда составляла часть Персии и даже рассматривается как один из центров персидской нации, где на персидском языке говорит значительная часть населения, вплоть до Бухары и Самарканда, откуда происходит много персидских поэтов, философов, ученых и писателей. Обитатели этой области – персы (курды, таджики, персидские переселенцы). Остальная часть – туркмены, т. е. соотечественники иранских туркмен. Якобы туркмены, подвергшиеся грабежу со стороны большевиков, сами обратились к иранскому правительству, выразив желание воссоединиться с «матерью-родиной» и Персидское правительство откликнулось на это, направив войска, которые отразили вторжение большевиков⁷.

На западном участке российско-иранской границы иранская делегация просила возвратить такие области, как Баку, Ширван, Дербент, Шемаха, Гянджа, Карабах, Нахичевань, Ереван, обосновывая свое требование тем, что «значительное большинство населения этих областей являются мусульманами и в основном – персы по происхождению и расе»⁸. Якобы значительная часть населения этих областей незадолго до подготовки рассматриваемого документа обратилась к тегеранскому правительству с просьбой о защите и «выразила желание воссоединиться с Персией»⁹.

Не вдаваясь в вопрос о том, насколько основательными являлись аргументы иранской делегации по обоснованию своей позиции, отметим, что в 1920–1921 гг., когда шли переговоры по подготовке советско-иранского договора, претензии иранского правительства на территории советских республик, союзных с РСФСР, воспринимались как агрессивные. Очевидно, желание предотвратить в будущем негативное развитие событий, тем более с уче-

том всевластия Великобритании в Иране, в то время воспринимавшейся советской стороной в качестве главного врага, также являлось одной из причин появления в тексте договора Статьи 6.

Сегодня, зная, как развивались события в дальнейшем, такой аргумент может показаться совершенно несерьезным. Как Иран, находившийся в плачевном состоянии, возглавлявшийся вырождавшейся династией Каджаров, мог представлять опасность для Советской России? Однако тезис об опасности иранских территориальных претензий находит четкое документальное подтверждение во время беседы И. В. Сталина с премьер-министром Ирана Ахмадом Кавам ос-Салтане, состоявшейся 21 февраля 1946 г.

Когда речь зашла о договоре 1921 г., советский руководитель сказал: «Как возник этот договор? Для его возникновения имелись две причины. Первая причина заключалась в том, что Советская Россия отказывалась от зоны влияния и передавала Иранскому правительству безвозмездно принадлежащее ей имущество, железную дорогу и пр. Это было сделано, чтобы защитить Баку, без которого мы не можем жить. Вторая причина заключалась в том, что мы хорошо знали, что во время заключения Версальского договора иранская делегация, во главе которой находился министр иностранных дел Ирана Мошавер уль-Мамалек, обратилась с декларацией, в которой требовала присоединения к Ирану Дербента, Темирханшуры, русской Армении, Азербайджана и территории за Каспием. Это было серьезным агрессивным намерением Ирана в отношении Советской России.

После этого был подписан договор 1921 г., в котором оговорено право ввода советских войск в Иран. В то время за Ираном стояла Великобритания»¹⁰.

Можно по-разному воспринимать слова советского лидера, оценивать степень достоверности его суждения, сделанного 25 лет спустя после подписания договора, но факт в том, что они были произнесены и тому имеется документальное подтверждение.

В пользу того, что в иранской позиции, пусть и не оглашаемой официально, особых изменений не произошло, говорит и следующее. В 1940 г. издательством «Кашани» в Тегеране была выпущена

карта Ирана. На ней имелось краткое пояснение: «Все государственные границы Ирана, кроме границы с Турцией, неофициальны»¹¹.

Хотя в настоящее время официально Иран и не выдвигает территориальных претензий к государствам, образовавшимся на территории бывшего СССР, в иранском общественном сознании и особенно в научных кругах активно проговаривается идея иранского мира, в который включается более десятка стран и территорий, в частности, три закавказские республики, Дагестан, Осетия, ряд стран в Средней Азии и пр. Этими сугубо неофициальными идеями, конечно, можно было бы пренебречь, но современный Иран – это такая страна, где профессура озвучивает то, о чем до поры до времени не могут заявлять официальные лица. Данное обстоятельство заставляет нас вспомнить известное латинское выражение: Судьба ничего не дает навсегда (*Dat nihil fortuna mancipio*).

К числу уроков, которые следует извлечь из Советско-иранского договора 1921 г., можно отнести и следующее:

Иран тогда лежал в руинах,
Он не был грозным властелином,
Как слыл в веках минувших лет.
От славы той простыл и след.

Но яркий свет вдруг воссиял,
То Ленин людям знак подал,
Ильич надежду подарил,
Что у народов хватит сил

Своим умением и трудом
Для всех воздвигнуть лучший дом.
И чтобы легче было им,
Иранцам все долги простим.

И вот Советская Россия,
Изголовавшая сама,
Ирану столько подарила,
Что не исчислить до утра.

Но кто способен оценить,
Обид перебирая нить,
Поступок доброго соседа,
Ведь аппетит растет к обеду.

Кто не поддастся искушению
С восторгом, страстью и волнением
Себе потребовать еще,
Покуда блюдо горячо.

Пусть это будет нам наукой,
И иногда дающий руку
Не должен слишком разжимать,
Его ведь могут не понять.

¹ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях, соглашениях. МИД СССР. М.: Министерство иностранных дел СССР. 1946 С. 77.

² Хейфец А. И. Советская дипломатия и народы Востока 1921–1922. М., 1968. С. 230–231.

³ Almouti Z. Fosuli az tarikhe mobarezate siyasi wa edjtemie Iran. Tehran, 1370. С. 123–124 (на персидском).

⁴ Документы внешней политики СССР. М.: Международные отношения, 1960. Т. IV. С. 798–799.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 317. Л. 40.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 317. Л. 40–42.

⁷ Там же. Л. 43.

⁸ Там же. Л. 44.

⁹ Там же. Л. 44.

¹⁰ Там же. Л. 22.

¹¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ.) Ф. 94. Оп. 24. П. 67. Д. 11. Л. 77.

Геополитическая ситуация в Иране накануне и после подписания советско-иранского Договора от 26 февраля 1921 г.

К началу XX века Иран (до 1935 г. – Персия) фактически являлся полуколониальной страной. По русско-английскому договору от 1907 г. Иран был поделён на сферы влияния. Северная

его часть являлась зоной исключительных интересов Российской Империи, а южная часть – Британской¹.

С началом Первой мировой войны Россия, как член Антанты, ввела свои войска в Северный Иран для отражения германо-турецких попыток превратить эту страну в плацдарм для последующего захвата нефтяных месторождений северного Ирана и Азербайджана и распространения своего влияния на все Закавказье, Среднюю Азию и Афганистан. В течение почти четырёх лет на территории Ирана происходили вооруженные столкновения между турецкими и русскими войсками с переменным успехом, но в конечном счете Османской империи не удалось осуществить своих планов².

После Октябрьской революции 1917 г. начался вывод русских войск из Ирана, завершившийся весной 1918 г., и страна оказалась под полным военным, политическим и финансовым контролем Великобритании.

Важнейшей геополитической задачей советской России стало добиться прекращения засилья Великобритании в Иране, вывода оттуда британских войск и, предотвратить превращение Ирана в плацдарм для агрессии против своих южных рубежей. Главным инструментом достижения этой цели стала работа по установлению равноправных дружественных отношений с Ираном, в том числе через заключение соответствующего договора. Советское правительство аннулировало царские договоры и соглашения с Ираном и провозгласило новые принципы своей внешней политики. Об этом заявил председатель Совнаркома РСФСР В. И. Ленин в Обращении к трудящимся мусульманам России и Востока от 3 декабря 1917 г.³. В этом же месяце Иран официально признал Советское правительство, и иранское Посольство в Москве поддерживало рабочие контакты с НКВД РСФСР.

Вместе с тем процесс начала функционирования советской дипмиссии в Тегеране и юридического оформления полноправных дипломатических отношений шёл трудно. Иранские власти под давлением англичан продолжали отношения с царской миссией в Тегеране и бывшими царскими консулами в других городах,

несмотря на требования советской стороны устранить от дел царского посланника фон Эттера и закрыть царскую миссию⁴.

Английская миссия в Тегеране, направлявшая внешнюю политику Ирана, срывала попытки иранских властей наладить дружественные отношения с советской Россией и избавиться от британского засилья. Так, правительство премьер-министра Саада-од-Доуле в июле 1918 г. приняло решение об аннулировании капитулянтского режима, навязанного Великобританией, а также всех неравноправных договоров и конвенций. В ответ английское правительство заявило шаху, что исполнение этого решения равнозначно объявлению войны Великобритании и потребовало отставки правительства⁵. Не дожидаясь реакции шаха, англичане организовали антиправительственные выступления, которые привели к отставке правительства Саада-од-Доуле и приходу к власти англофильского правительства во главе с Восугом-од-Доуле. Оно стало готовить новое кабальное соглашение с Англией, которое было заключено 9 августа 1919 г.

Под давлением англичан иранское правительство не признало официально миссию Н. З. Бравина, первого дипломатического агента советского правительства, прибывшего в Иран в январе 1918 г. и вынужденного вскоре покинуть страну.

Вместо Н. В. Бравина постоянным представителем РСФСР в Иране был назначен И. О. Коломийцев, прибывший в Тегеран 30 июля 1918 г. с сотрудниками своей миссии. Однако и он под формально-бюрократическими предлогами не был признан иранским правительством. 3 ноября 1918 г. англичане организовали нападение на советскую миссию. Она была разгромлена, ее члены арестованы, самому Коломийцеву удалось бежать. Однако в июле 1919 г. он по указанию советского правительства вновь направился в Иран, но был захвачен англичанами и белогвардейцами и убит, так и не добравшись до Тегерана.

Неудачей закончилась и предпринятая советской стороной в 1918 году попытка направить в Иран через Среднюю Азию дипломатическую миссию во главе с Е. А. Бабушкиным. Члены миссии были арестованы и высланы в Индию и только в 1920 году освобождены⁶.

С подписанием ирано-английского Договора англичане взяли под свой полный контроль госаппарат и армию страны, ещё больше ограничив суверенитет страны во внутренних и международных делах. Фактически оккупировав территорию Ирана и превратив ее в плацдарм для борьбы с большевиками, англичане стали продвигаться на Южный Кавказ. В Баку был направлен корпус генерала Денстервиля, а в Туркменистан – отряд генерала Молесана. Из Ирана шло логистическое снабжение Лондоном армии Колчака. Англичане поощряли планы иранских властей по присоединению к Ирану ряда приграничных российских территорий. Великобритания поддерживала создание в Закавказье националистических правительств. Однако победа большевиков в Гражданской войне и установление Советской власти в закавказских республиках сорвали экспансионистские планы англичан.

Восстановление советской власти в Закавказье придало мощный толчок развитию национально-освободительного движения в Иране. В 1920 году вспыхнуло антибританское восстание в Иранском Азербайджане. Активизировалось антиправительственное движение дженгелийцев в Гиляне.

На волне этих событий руководство РСФСР, вдохновленное идеей продвижения мировой революции, сочло возможным оказать содействие иранским революционерам. В мае 1920 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение одобрить инициативу НКВД РСФСР о поддержке национально-освободительных движений народов Востока, в том числе и дженгелийского в Гиляне, возглавляемого Мирзой Кучек-ханом. Командующему Волжско-Каспийской флотилии Ф. Раскольникову было поручено обеспечить материальную и организационную поддержку Кучек – хану⁷. Раскольников выполнил это поручение. Его флотилия вошла в иранский порт Энзели и передала его в распоряжение «дженгелийцев». Под видом полицейской службы в порту осталась часть кораблей под флагом Азербайджана, в то время независимой советской республики, с тем, чтобы избежать обвинения России во вмешательстве во внутренние дела Ирана⁸.

Несмотря на официально объявленный отзыв советских военных отрядов из Гиляна, началось формирование Иранской Красной Армии из военных отрядов, прибывавших из Баку, Астрахани и Краснодарска.

Замнаркоминдел РСФСР Л. Карахан рекомендовал Ф. Раскольникову содействовать объединению отрядов Кучек-хана, иранских коммунистов и других демократических сил и приданию им антибританской направленности. Он считал возможным организацию в Гиляне государственно-административного аппарата советского типа⁹.

5 июня 1920 г. в Гиляне были образованы Временное правительство во главе с М. Кучек-ханом и Военно-Революционный Совет. 7 июня была провозглашена Гилянская Советская Республика¹⁰. Ряд руководящих постов в органах государственной власти и в военных структурах Гиляна занимали советские представители, формально принявшие иранское гражданство.

После отзыва из Гиляна Ф. Раскольникова активным проводником советской политики в Иране стало большевистское руководство АзССР во главе с наркомом иностранных дел и председателем Совнаркома Н. Наримановым. Баку снабжал кучекхановцев оружием, финансовыми средствами, направлял в Гилян добровольцев и партийных комиссаров. В Москве и в Баку поддержка Гилянской республики рассматривалась в том числе и как инструмент давления на иранское правительство и рычаг сдерживания экспансионистских замыслов Великобритании.

Большевистское руководство Азербайджана стремилось форсировать проведение революционных преобразований в Гиляне, и зачастую его действия не согласовывались с Москвой и даже ее представители на местах порой проявляли чрезмерную самостоятельность левацкого характера. Иранские коммунисты, поощряемые бакинским руководством, пытались ускорить осуществление социалистических реформ, которые встречали сопротивление со стороны населения¹¹. Это признавали и в Москве. В частности, Л. Карахан в письме в ЦК РКП(б) отмечал, что допущенные политические ошибки революционеров в Гиляне скомпрометировали

дело революции, не закрепили симпатии населения к ним¹². На этой почве коммунисты рассорились с Кучек-ханом, который выступал против их левацких действий, и сместили его с поста руководителя Временного правительства¹³. Москва пыталась выправить ситуацию и преодолеть раскол в революционном движении в Гиляне. Для этого туда направлялся И. В. Сталин и другие представители центра. Сотрудничество с Кучек-ханом было восстановлено, но в целом линия поведения бакинского руководства принципиально не изменилась.

В силу многих обстоятельств, прежде всего из-за серьезных внутренних разногласий, слабости ее вооруженных сил и неприятия населением ее целей и задач, Гилянская Республика просуществовала лишь до сентября 1921 г. Правительство РСФСР воздерживалось от официального признания Гилянской Республики, не желая усиливать антисоветские настроения в Иране и влияние Великобритании на иранское правительство. К тому же после провала нескольких наступлений гилянцев на Тегеран и усиление разногласий в их рядах, доходивших до вооруженных столкновений между коммунистами и кучекхановцами, в Москве убедились в отсутствии революционных перспектив в Иране.

20 сентября 1920 г. ЦК РКП(б) принял решение начать переговоры о заключении дружественного Договора с Ираном. В октябре 1920 г. иранское правительство направило в Москву своего представителя Мошавер-Оль-Момалека для проведения переговоров.

15 ноября 1920 г. Политбюро РКП(б) утвердило полпредом России в Иране Ф. Ротштейна, а в декабре – основные принципы готовившегося договора с Ираном¹⁴.

В ходе переговоров в Москве иранская сторона активно выступала против присутствия советских военнослужащих в Иране и требовала прекращения военной помощи Гилянской Республике. Иранское правительство также возражало против статьи о легализации деятельности в стране левых партий, в том числе и коммунистической, ссылаясь на иранскую конституцию, разрешавшую деятельность только тех партий, которые соблюдают конституцию и не ставят своей целью насильственное изменение существую-

щего государственного строя. Соглашаясь со статьями об условиях ввода и вывода советских войск в Иран в оговорённых случаях, иранцы настаивали на включении этих статей в текст самого договора, а не в секретный протокол к нему¹⁵.

В январе 1921 г. переговоры были завершены, а 26 февраля договор был подписан. 5 апреля в Тегеран прибыла советская дипломатическая миссия во главе с Ф. Ротштейном.

РСФСР ратифицировала договор 19 марта 1921 г. Однако иранская сторона затягивала ратификацию, ссылаясь на продолжавшееся советское военное присутствие в Иране и существование Гилянской Республики. Ф. Ротштейн в своих депешах в Москву настаивал на скорейшем выполнении иранских требований¹⁶. Г. Чичерин в указаниях Кавказскому бюро ЦК РКП(б) требовал добиться от бакинского руководства прекращения помощи гилянским революционерам и ликвидации советского правительства в Гиляне¹⁷.

Однако руководство АзССР не спешило выполнять требований Москвы. Сотрудник миссии Ф. Ротштейна И. Левин, находившийся в Баку, сообщал в телеграмме Г. Чичерину, что после заслушивания доклада руководителя Кавбюро ЦК РКП(б) С. Орджоникидзе о требовании Москвы ликвидировать Гилянскую Республику представитель партийного руководства Азербайджана Алигейдар Караев заявил, что Москва может объявить Гилянскую Республику ликвидированной, но Азербайджан как самостоятельная республика не только не ликвидирует ее, но, наоборот, оказывает ей всемерную поддержку людьми и вооружением¹⁸.

6 мая 1921 г. С. Орджоникидзе заявил о роспуске иранской Красной Армии и ее Военно-Революционного Совета. 15 августа 1921 г. на заседании Пленума Кавбюро ЦК РКП(б) было принято решение прекратить поддержку руководителей Гилянской Республики и предложить им вместе со своими отрядами эвакуироваться в Баку¹⁹. ЦК РКП(б) поручил контролировать выполнение этого решения С. Кирову. 8 ноября 1921 г. С. Киров и С. Орджоникидзе информировали Москву о ликвидации Гилянской Республики²⁰. Только после этого 15 декабря 1921 г. иранский Меджлис ратифицировал советско-иранский Договор.

Заклучение Договора наносило удар по британским планам сохранения своего контроля над Ираном и позволило ставшему после переворота 21 февраля 1921 г. военным министром и набиравшему силу и властные полномочия Реза-хану вести дело к изъавлению страны от британской опеки.

Советско-иранский договор 1921 г. способствовал укреплению независимости и суверенитета Ирана, создал базу для заключения целого ряда двусторонних соглашений в самых различных областях, обеспечил благоприятные условия для дальнейшего развития советско-иранских отношений.

¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. Госполитиздат, 1952, с. 386–387.

² Лорей Г. Операции германо-турецких сил в 1914–1918 гг. (Перевод с нем.). СПб, Издательство Полигон. 2004 г.

³ Документы внешней политики СССР, Т 1, М., Государственное издательство политической литературы, 1959. с. 773.

⁴ Попов М. В. Миссия Бабушкина в Иране, М. 1974, с. 16.

⁵ Баширов А. В. Экспансия английских и американских империалистов в Иране. М., 1954, с. 18.

⁶ Попов М. В. Указ. соч. С. 18.

⁷ Протокол 15 Политбюро ЦК РКП(б). О Восточной политике. Об Иране. 25.05.1920. Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), ф. 17. Оп. 3. д. 83, Л. 1.

⁸ Протокол 15 заседания Пленума ЦК РКП(б). О Восточной политике. Об Иране. 25.05.1920 – г. Архив политических документов при Управделах Азербайджанской Республики. Ф. 1, Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

⁹ Телеграмма Л. Карахана Ф. Раскольникову и С. Орджоникидзе. 30.05.1920. РГАСПИ, ф. 85, Оп. 2, Дд. 13, Л. 4.

¹⁰ Манифест Иранской Советской Республики в Гиляне. 07.06.1920. РГАСПИ Ф. 532, Оп. 4, Д. 32, Л. 53–54.

¹¹ Алиев С. М. История Ирана. XX век; Материалы первого съезда иранской компартии «Адалят», июнь 1920 г. РГАСПИ, Ф. 495, Оп. 90, Д. 4, Л. 2–4.

¹² Послание Л. Карахана ЦК РКП(б), 09.09.1920. РГАСПИ, Ф. 5, Оп. 2, Д. 208, Л. 1.

¹³ Радиограмма о коммунистическом перевороте в Иране, 31.07.1920. ИРГАСПИ, Ф. 454, Оп. 1, Д. 22, Л. 61.

¹⁴ Протокол 66 заседания Политбюро ЦК РКП(б), 04.12.1920. РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 3, Д. 126, Л. 10.

¹⁵ Персидский фронт мировой революции. Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М., 2009, с. 371–372.

¹⁶ Телеграмма Ф. Ротштейна Г. Чичерину. 12.07.1921. РГАСПИ, Ф. 5, Оп. 1, Д. 2198, Л. 30.

¹⁷ Телеграмма Г. Чичерина С. Орджоникидзе. 05.04.1921. РГАСПИ, Ф. 85, Оп. 2, Д. 38, Л. 12.

¹⁸ Телеграмма И. Левина Г. Чичерину. 11.04.1921. РГАСПИ, Ф. 5, Оп. 1, Д. 2198, Л. 1.

¹⁹ Протокол 16 Пленума Кавбюро ЦК РКП(б). 15.08.1921. РГАСПИ, Ф. 61, Оп. 1, Д. 1, Л. 138.

²⁰ Телеграмма С. Орджоникидзе и С. Кирова В. Ленину и И. Сталину. 08.11.1921. РГАСПИ, Ф. 2, Оп. 2, Д. 999, Л. 1.

Экономические разделы Договора 1921 г. и последствия их реализации

В отличие от договоров 1921 г. с Турцией и Афганистаном Договор РСФСР с Ираном содержал несколько статей экономического характера. Они законодательно закрепили провозглашенный в январе 1918 г. отказ новой власти от колониальной политики царской России. Советская Россия отказалась от уплаты Ираном полученных ранее от России займов, а также от концессий, которые были выданы на основе шахских фирманов. Этот жест советской России в отношении Ирана можно оценивать по-разному, особенно противоречивой оказалась иранская позиция. Конечно, для Ирана, оккупированного иностранными войсками в период Первой мировой войны, новый курс советской России в отношении Ирана означал возможность улучшить свое находящееся в кризисе финансовое положение, и в целом иранская общественность восприняла это восторженно. А ситуация в это время в Иране действительно была крайне сложной – и с точки зрения внутривнутриполитического положения, и с точки зрения социально-экономического положения.

Население страны на 1917 г. оценивалось в чуть более 11 млн человек, из которых в городах проживало 2,3 млн, а в сельской местности 8,8 млн человек¹. Значительную долю населения

составляли кочевые племена. С 1910 по 1920 гг. роста ВВП, а тем более роста подушевого национального дохода, практически не было. Недаром одним из первых мероприятий назначенного в 1914 г. в г. Урмие вице-консулом П. П. Введенским было создание «Благотворительного мусульманского общества по призрению нищих г. Урмии»². Во время Первой мировой войны в страну вошли войска разных стран, что еще более усилило кризисные явления. Сильно пострадало сельское хозяйство, особенно скотоводство. По мнению иранского исследователя Максуда Кейхана, за годы войны вымерло до 40% рабочего скота³. Сократились посевы хлопка, пшеницы, риса. Стали приходить в негодность кяризы (оросительные каналы), в 1917–1918 гг. страну охватил голод. Поэтому отказ от возврата российских займов и уплаты по ним процентов объективно должен был получить одобрение иранского общества.

Однако отказ РСФСР от собственности и от выплат по царским долгам часть иранской политической элиты расценила как слабость новой российской власти. Уже в марте 1919 г. на Парижской мирной конференции был представлен меморандум иранского правительства, в котором содержалось требование передать Ирану Азербайджан с Баку, Армению с Ереваном, Нахичевань, Нагорный Карабах и часть Дагестана с Дербентом. Этот меморандум Парижская конференция даже не стала рассматривать, но сама позиция Ирана, явно инициированная извне, делает логичным включение в Договор 1921 г. 5-й и 6-й статей, которые обеспечивали неприкосновенность советских границ в ответ на экономические уступки.

Рассмотрим экономические статьи Договора, чтобы понять, насколько они были значимыми и для России, и для Ирана. Статья 8 гласила: «Российское Советское Правительство заявляет о своем полном отказе от той финансовой политики, которую вело на Востоке Царское Правительство России, снабжавшее Персидское Правительство денежными средствами не ради содействия хозяйственному развитию и процветанию персидского народа, а в видах политического закабаления Персии. Российское Совет-

ское Правительство отказывается поэтому от всяких прав на займы, предоставленные Персии Царским Правительством, и объявляет таковые займы недействительными и не подлежащими оплате. Оно отказывается от всех требований на пользование теми государственными доходами Персии, коими гарантировались сказанные займы»⁴.

В связи с этим необходимо отметить, что займы, которые царская Россия предоставляла Ирану, были одной из основных форм распространения не только экономического, но и политического влияния России в Иране. Перед началом Первой мировой войны удельный вес платежей Ирана по внешним займам (России и Великобритании) составлял более 20% всех государственных расходов⁵.

Первый заем России Ирану был выдан еще в 1898 г. Но затем они стали предоставляться почти ежегодно под обеспечение платежами северных таможен. Если первый заем не превышал 150 тыс. руб., то уже в 1900 г. Ирану был выдан огромный «Персидский 5% золотой заем» в сумме 22,5 млн руб., или 2,4 млн фунтов стерлингов⁶, который шахское правительство растратило за полтора года. Причем лишь часть этого займа пошла на погашение долгов по предыдущему займу. Часто займы выдавались под получение различных концессий. Займы выдавались на разные сроки, например, «Персидский 5% золотой заем» 1900 г. и заем 1902 г. (на сумму 10 млн руб.) были предоставлены Русским учетно-ссудным банком сроком на 75 лет. Согласно архивным данным, только на начало XX в. Россия израсходовала на займы и организацию предприятий в Иране свыше 72 млн руб., в том числе на выдачу долгосрочных займов – 29 млн руб., на выдачу краткосрочных ссуд 1903, 1904 и 1905 гг. – 3,2 млн руб., на ссуды наследнику шаха – 1,6 млн руб.⁷

Уже к 1910 г. общая задолженность Ирана по русским займам превышала 43 млн руб. золотом⁸. При этом весь экспорт Ирана в этот период оценивался в 35 млн руб., импорт – в 34 млн руб.⁹, т. е. весь экспорт Ирана составлял всего 81% иранской задолженности только России. По данным Марвина Л. Энтнера, взятым из российских источников, экспорт в 1910 г. оценивался в 36,7 млн

руб. золотом¹⁰, что почти не изменяет соотношения задолженности и возможностей ее валютного обеспечения.

Задолженность Ирана по русским займам (без процентов по ним) на время заключения Договора оценивается по-разному: от 65,5 до 70 млн руб. золотом¹¹. По подсчетам сотрудника наркомата иностранных дел и участника Генуэзской конференции 1922 г. Б. Е. Штейна общая задолженность Ирана России без учета концессий и земель составляло 67,5 млн золотых рублей¹². Если на конец 1920 г. внешний долг Ирана составлял примерно 9,9 млн ф. ст. (в т. ч. 32,8 млн руб. золотом и 2,7 млн ф. ст.), то аннулирование царских долгов дало возможность Ирану снизить внешнюю задолженность к концу 1921 г. в несколько раз – до 4,1 млн ф. ст.¹³

Согласно ст. 9 Договора «Российское Советское Правительство, в соответствии с провозглашенным им отрицанием колониальной политики капитализма, служившей и служащей причиной неисчислимых бедствий и кровопролитий, отказывается от использования финансовых предприятий царской России, имевших целью экономическое закабаление Персии. Оно передает поэтому в полное владение персидского народа денежные суммы, ценности и вообще актив и пассив Учетно-Ссудного Банка Персии, а равным образом движимое и недвижимое имущество означенного банка, находящееся на территории Персии».

Российский Учетно-Ссудный банк и английский Шахиншахский банк вплоть до середины 1920-х годов являлись единственными банками, действовавшими в Иране, в котором до их создания финансовые операции находились в руках саррафов (менял). После того, как в 1889 г. была выдана концессия на создание английского банка, который практически занял положение Центрального банка Ирана, русское правительство также поставило своей целью создание банка в Иране, который бы стал проводником царской политики.

В 1890 г. Я. С. Поляков приобрел концессию сроком на 75 лет на устройство в Персии банка с правами заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров. На основе этой концессии в мае 1891 г. был создан акционерный банк, кото-

рый первоначально был назван «Ссудное общество Персии». Но так как Я. Поляков не смог развернуть деятельность в полной мере, Государственный банк России перекупил три четверти его акций. Именно поэтому с 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать в Иране формально как частное учреждение, а в действительности – как государственный русский банк, который не только оплатил расходы, связанные с покупкой банка, но и предоставил оборотный капитал. Если Яков Поляков продал государству акции банка, то его брат Лазарь Поляков в течение нескольких лет еще исполнял обязанности директора этого нового банка. Но впоследствии оба брата были вынуждены совсем отказаться от своего участия в делах банка. Кроме этого, они передали новому банку свой ломбард¹⁴.

В 1902 г. Ссудный банк был переименован в Учетно-ссудный банк Персии. Он стал основным орудием в политике экономического проникновения России в Персию. На заседании Комитета финансов в апреле 1894 г., утвердившего предложение министра финансов С. Ю. Витте о приобретении банка Я. С. Полякова, были определены основные задачи этого банка: содействовать «развитию активной торговли русских в Персии, сбыту русских товаров, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а также вытеснению из Персии английских товаров».¹⁵ И эти задачи банк выполнял. Именно через этот банк выдавались займы и ссуды Ирану – и центральному правительству и ссуды членам шахского правительства, учитываемым как государственные ссуды. Без участия Учетно-ссудного банка не проходила ни одна процедура по оформлению русскими предпринимателями концессий у шахского правительства. Члены правления банка сами становились акционерами того или иного крупного проекта.

Постепенно Учетно-ссудный банк открыл 5 своих агентств на территории России: в Ашхабаде, Баку, Ереване, Джульфе, Мерве и Москве. В самой же Персии существовало 5 крупных отделений – в Мешхеде, Реште, Тавризе, Керманшахе, Тегеране. Кроме того, банк открыл 9 небольших отделений в Барфурше, Бендер-Гязе, Исфахане, Казвине, Кучане, Сабзеваре, Урмии, Хамадане

и Энзели. Через все эти отделения банк не только занимался кредитованием, правовой поддержкой концессий, но и активно участвовал в торговых операциях, в покупке земель подданными России. Так, в докладной записке торгового дома «Братья Зензиновы», отправленной в 1905 г. в министерство торговли и промышленности отмечалось, что банк, являясь, в сущности, отделением государственного банка в Персии, ... начал покупать и продавать в Персии всевозможные товары, работая на данные ему для банковских операций деньги»¹⁶.

Покупка земель также чаще всего совершалась при содействии банка. Поверенный в делах Е. В. Саблин в 1914 г. отмечал, что только в Астрабадской провинции 20 тыс. десятин земли были куплены российскими подданными. Приобретение земель в собственность или долгосрочную аренду особенно усилилось после того, как Учетно-ссудный банк начал выдавать ссуды не только под движимое имущество, но и под земли. В Северный Иран устремились молокане с Кавказа, немецкие колонисты из Средней Азии и из-под Самары, малоземельные крестьяне из самых разных губерний России.

Учетно-ссудный банк не только активно участвовал в получении Россией концессий, но становился зачастую и основным их акционером, акционерами создаваемых на основе концессий предприятий становились работники банка. Те же Поляковы, например, получили концессию на организацию Персидского страхового и транспортного общества, которое построило ряд шоссейных дорог в Северном Иране. Впоследствии право на создание почтовых и транспортных служб было передано братьям Багировым, один из которых имел иранское, а другой – русское подданство¹⁷. Иногда даже сложно было определить размеры собственности банка. Например, заложенными в Учетно-ссудном банке оказались дом и имения брата шаха Мохаммада Али Шоа эс-Салтане, которые в свою очередь, были арендованы русскими подданными¹⁸.

Кроме кредитов и займов, Россия и российские подданные имели в Иране весьма значительную по размерам собственность. Согласно ст. 10 Договора Российское Советское Правитель-

ство «безвозмездно передает в полную собственность персидского народа следующие русские сооружения:

а) шоссейные дороги Энзели – Тегеран и Казвин – Хамадан со всеми относящимися к этим дорогам землями, постройками и инвентарем;

б) железнодорожные линии Джульфа – Тавриз и Софьян – Урмийское озеро со всеми постройками, подвижным составом и другим имуществом;

в) пристани, товарные склады, пароходы, баржи и другие транспортные средства на Урмийском озере, с о всем относящимся к ним имуществом;

г) все выстроенные бывшим Царским Правительством в пределах Персии телеграфные и телефонные линии со всем имуществом, зданиями и инвентарем;

д) порт Энзели с товарными складами, электрической станцией и другими постройками».

Это лишь краткое перечисление передаваемых Ирану концессий. Концессия на строительство железной дороги Джульфа – Тебриз – Урмия (147 км) и ответвление от нее Суфиян-Шерефхане (53 км) в 1913 г. получил Русский учетно-ссудный банк. Колея русской дороги – 1524 мм. Первые два года она работала на военные нужды. Так как дорога имела не только экономическое, но и стратегическое значение, персидское правительство вскоре стало добиваться права выкупа этой концессии, но Учетно-ссудный банк в этом отказал¹⁹. В 2016 г. по ней курсировало 30 паровозов и свыше 300 товарных вагонов.²⁰ До этого в Иране была проложена только узкоколейка Тегеран – Шах-Абдол Азим в г. Рей на базе бельгийской концессии – 13 км. Она была построена для посещения гробницы в Шах Абдол Азим. Туда же была проложена конка. Но три четверти акций бельгийского общества, которое выкупило концессионное право на постройку дорог, выкупил Лазарь Поляков.

Концессия на железную дорогу Джульфа-Тебриз и Суфиян-Шерефхане повлекла за собой получение концессии на организацию пароходства на оз. Урмие, которую получил «Торговый дом Будагянца» (компания русскоподанного Джебраила Будагянца).

Флот этой компании состоял из небольших грузовых пароходов. Но в период Первой мировой войны и, следовательно, ко времени подписания Договора флот на оз. Урмие был значительно увеличен. В 1917 году, по данным Генерального штаба российской армии, российский военный флот Урмийской флотилии состоял из судов Морского ведомства, судов Всероссийского Земского Союза и судов Тебризской железной дороги. В состав судов Морского ведомства входили:

- моторный буксирный катер «Стрелок» в 55 сил;
- моторный буксирный катер «Драгун» в 40 сил;
- моторный буксирный катер «Казак» в 40 сил;
- моторный буксирный катер «Разведчик» в 10 сил;
- моторный легкий катер «Кречет» в 180 сил;
- моторный легкий катер «Телеграф» в 200 сил.
- деревянная баржа «Шахэ» грузоподъемностью до 15 000 пудов;
- три туркменских лодки грузоподъемностью каждая до 500 пудов.

В состав судов Всероссийского Земского Союза входили:

- паровой буксирный катер «Генерал Чернозубов» в 30 сил;
- моторный буксирный катер «Юрий» в 20 сил;
- моторный буксирный катер «Генерал Юденич» в 20 сил;
- моторный буксирный катер «Георгий» в 20 сил;
- моторный буксирный катер «Николай» в 20 сил;
- девять железных барж, грузоподъемностью каждая до 4500–5000 пудов;
- санитарная железная баржа «Евгения» на 260 коек.

Суда Тавризской железной дороги – это:

- моторный буксирный баркас «Инженер Трескинский» в 100 сил;
- деревянная баржа «Сережа Трескинский» грузоподъемностью до 30000 пудов;
- две деревянных баржи грузоподъемностью каждая до 3500 пудов;
- малая деревянная санитарная баржа на 40 коек.

Кроме этого, в 1917 г. был начат ремонт и строительство дополнительных барж и катеров. Только катер «Стрелок» был собственностью Будагьянца, остальные суда были присланы из Бакинского порта или были построены на месте. Кроме того, при Урмийской флотилии находилась ремонтная мастерская²¹.

В районе Урмие в этот период русскоподанные, как было отмечено выше, начали активно скупать в собственность землю, учитывая правовые нормы шариата. Работала духовная миссия, издавался журнал «Православная Урмия». Лондонский журнал «The Near East» в июне 1914 г. писал, что, по оценке главного персидского казначея бельгийца Морнара, треть всей территории иранского Азербайджана составляет русская собственность²². По данным на 1911 г., содержащимся в записке А. Я. Миллера «Русское землевладение в Азербайджане», там проживало более 190 семей русско – поданных, которые на правах полной собственности или долгосрочной аренды владели землей, домами, базарами, целыми селениями на общую сумму около 10 млн руб. 72% этих владельцев были мусульмане, 25% – армяне. Большая часть российской собственности находилась в Тебризской провинции (45%), и в самом Тебризе – 17%²³.

Россия активно строила и шоссейные дороги на основе концессий. Еще в 1893 г. русские получили концессию на постройку шоссе от порта Энзели на Каспийском побережье до Тегерана, а в 1895 г. – от Казвина до Хамадана. Постройка этих дорог способствовала развитию русской торговли в Северном Иране.

Только к началу Первой мировой войны ею было построено свыше 750 км дорог из 1360 км, действовавших во всем Иране. Русией были к этому времени построены шоссейные дороги: Тегеран – Энзели (379 км), Казвин – Хамадан (243 км), Джульфа – Тебриз (135 км). Когда давалась концессия на строительство дороги, она включала в себя и право на использовании определенной территории вдоль дороги. Например, концессия, выданная Учетно-ссудному банку на строительство Тебризской железной дороги, включала в себя и разрешение на добычу полезных ископаемых в пределах 60 верст по обеим сторонам дороги²⁴. Был соз-

дан ряд русских морских компаний для сообщения по Каспийскому морю, ими же был благоустроен порт Энзели, как основной порт для торговли с Россией.

После того, как Россия передала Ирану все построенные ею дороги, это была вынуждена сделать и Великобритания. Вскоре и все остальные дороги, построенные по концессионным соглашениям различными компаниями, перешли в собственность Ирана.

После Великобритании концессию на постройку северных телеграфных линий получила Россия. Главной из них была Мешхед – Ашхабад. Одной из первых телеграфных российских линий была линия Астрабад – Чикишляр. Имелись российские телеграфные станции на телеграфных линиях, которые были построены и принадлежали Великобритании.

Согласно статье 12 Ирану передавались как действовавшие концессии, так и полученные, но пока не реализованные, а также все земли, полученные по этим концессиям (кроме зданий и земель российского посольства и консульств).

Однако российская сторона уже в этом Договоре добилась ряда исключений. Главное из них заключалось в том, что согласно статье 13 Персия давала обещание «не передавать возвращенные концессии во владение, распоряжение или пользование никакому третьему государству или его гражданам».

В этой же статье был поставлен конкретный вопрос о рыбной концессии, которая в отличие от большинства российских концессий, которые фактически и юридически представляли государственный капитал, являлась частной, хотя часть ее акций принадлежала Учетно-ссудному банку. Концессия была выдана в 1873 г. российскому купцу Степану Лианозову сроком на 20 лет. Он обязался «платить шаху 20 тысяч полуимпериалов ежегодно до 1902 г., а затем по 23 тысячи полуимпериалов».²⁵ Эксплуатацию рыбных промыслов Лианозов вел отчасти непосредственно своими рабочими, отчасти через других промышленников, которые арендовали у него известные участки берега. Концессия предусматривала ловлю рыбы в реках Ирана, впадающих в Каспийское море, лов рыбы в море, а также производство осетровой

икры. Большая часть улова осетровых отправлялась в Астрахань на завод по обработке икры, но Лианозовыми был построен и завод в Энзели. Лианозовы стали монополистами в производстве и в экспорте икры. В 1893 г. им была выдана новая концессия до 1925 г. В начале 1920-х годов значимость возможности сохранения этой концессии определялась преимущественно экономическими причинами, а именно пополнением продовольственного рынка голодающего населения России. Поэтому была достигнута договоренность с Ираном, закрепленная в статье 13 о том, что «правительство Персии по утрате законной силы договорными обязательствами, имеющимися у него ныне в отношении этих промыслов, согласно заключить соглашение» с РСФСР «об эксплуатации сих промыслов на особых, имеющих быть выработанными к тому времени условиях».

Кроме того, статья предусматривала возобновление в кратчайший срок торговых связей и выработку торговой конвенции. Но дальнейшее развитие экономических российско-иранских связей столкнулось с огромными трудностями. Они носили, конечно, идеологический характер, но главными препятствиями были разрыв уже ранее сложившихся связей, а также влияние Великобритании. Фактором, который содействовал восстановлению и дальнейшему развитию торгово-экономических отношений стало изменение экономической политики в советском государстве – переходом к НЭПу, что облегчило сотрудничество и с иранским купечеством, и с российскими предпринимателями.

Договор не содержал правовых ограничений даже в восстановлении сотрудничества на основе бывших концессионных соглашений, хотя в тексте Договора шла речь о возможности возобновления совместной эксплуатации рыбных промыслов, т. е. фактически о реанимации концессии Лианозова. В перечень передаваемых Ирану концессий она, как и концессия А. М. Хоштария на добычу нефти в северных провинциях Ирана, не была включена, т. к. принадлежала частному лицу. Кроме того, из-за событий Первой мировой войны, приведшей к оккупации части территории Ирана, компания Лианозова обанкротилась, и в 1919 г. кон-

цессия иранским правительством была аннулирована, а в 1920 г. образованная в Гиляне Персидская советская республика оформила проект нового договора о совместном рыболовстве. После подписания Договора 1921 г. шли долгие переговоры, которые осложнились получением в 1922 г. Лианозовыми новой концессии сроком на 15 лет.

Но РСФСР, несмотря на это, продолжила эксплуатацию промыслов, используя для их охраны даже военную силу. Затем советская сторона выкупила долю главного наследника торгового дома Лианозовых, Мартына Лианозова, что дало юридическое право на ведение ловли²⁶. Вместо денежного выкупа М. Лианозов получил от советской стороны возможность получать от компании определенную субсидию как ее сотрудник, а следовательно, и определенную гарантию безопасности. Ему была выдана справка: «Дана в том, что М. Г. Лианозов, один из главных участников б. фирмы Лианозовых в Персии, в 1923 г., вернувшись из Европы в СССР, добровольно передал Советскому Союзу свои права на Южно-Каспийские рыболовные промыслы в Персии... После чего остался жить в Москве и числится за «Главрыбой», получая пожизненную субсидию в размере 400 рублей в месяц».

Подписанное в 1924 г. соглашение о создании акционерной советско – иранской компании сроком на 25 лет с равным распределением долей в основном капитале, прибыли и правлении, было утверждено советской стороной, но не было ратифицировано иранской. И только в 1927 г. в Москве было подписано Соглашение о совместной эксплуатации рыбных промыслов на паритетных началах сроком на 25 лет – совместно с Договором о гарантии и нейтралитете и таможенной конвенцией. После окончания срока Соглашение не было продлено, и в 1953 г. промыслы были Ираном национализированы.

Достаточно сложной была ситуация вокруг порта Энзели (Пехлеви), в который в 20-е годы вошел флот Ф. Раскольникова, и который, несмотря на статью 10 Договора, фактически оставался под контролем СССР вплоть до 1927 г. Но юридически Советскому Союзу оформить это не удалось, хотя попытки предпринимались

неоднократно. Порт был важен для СССР и с точки зрения экономических интересов, и с точки зрения обеспечения безопасности. Порт обслуживался советскими лоцманами, и даже портовые и таможенные сборы взимали советские служащие. Еще в 1924 г. был разработан проект создания совместного общества по управлению портом сроком на 25 лет. Этот проект был одобрен Политбюро, но не был принят Ираном.

По соглашению от 1 октября 1927 г. порт был полностью передан под иранский контроль, но с условием не допускать к работе в нем иностранных подданных в течение 25 лет. Кроме того, одновременно был подписан договор о сдаче в аренду советскому акционерному обществу «Каспийское пароходство» складских помещений, пристаней, причалов и других портовых сооружений сроком на 25 лет²⁷.

На основании Договора 1921 г. (статья 13) СССР удалось также добиться того, что концессия А. М. Хоштария на нефть в Северном иранене попала в руки зарубежных компаний, т. к. Хоштария после революции в России предлагал ее купить представителям компаний разных стран. В 1926 г. с участием А. Хоштария, продавшего в условиях политики НЭП, а часть своих акций советской стороне, было создано акционерное общество «Кевир-Хуриан», нотариально зарегистрированное в Тегеране. 10% акций общества получили иранские высокопоставленные лица, среди которых были Реза-шах, Теймурташ и Давер²⁸. Часть акций получил шахский «Банк Омран». Но это соглашение не было ратифицировано меджлисом. Переговоры между Ираном и СССР о деятельности «Кевир – Хуриан» продолжались на всем протяжении 1930-х годов. Финансирование общества все это время осуществлялось советской стороной. В 1937 г. Министерство иностранных дел Ирана заявило, что Иран не признает за СССР каких-либо концессий в Северном Иране, а соглашение по «Кевир-Хуриан» недействительно, т. к. не ратифицировано меджлисом. Но вновь вопрос о «Кевир-Хуриан» возникнет в годы Второй мировой войны, как «плата» за вывод советских войск из Ирана. Но Соглашение о совместной нефтяной компании меджлисом не было утверждено, а общество было официально лик-

видировано с принятием меджлисом Закона 15 марта 1951 г. о национализации иранской нефти.

Наиболее экономически и политически сложным для советского государства был отказ от активов и пассивов Учетно-ссудного банка. Но потребность в создании в Иране финансовой организации, осуществляющей коммерческие связи двух стран, была очевидной. К моменту заключения Договора 1921 г. этого банка фактически уже не было – ни активов, ни пассивов, кроме долгов иранского правительства. Наиболее крупные частные компании, бывшие должниками Учетно-ссудного банка, в начале войны были разорены. Это, прежде всего, торгово-финансовые дома Туманянц, Джамшидианов, Джаханянов, Хаджи Хоссейна Амина оз-Зарба и др. Нельзя не сказать о том, что Учетно-ссудный банк, борясь с Шахиншахским банком за влияние, часто выдавал огромные ссуды представителям двора, аристократии, духовенства, торговым домам без соответствующих гарантий. А некоторые отделения, как, например, в Реште, как показала проверка в 1908 г., большую часть ссуд выдавало ираноподданным и без всякого обеспечения. Поэтому, когда иранские власти предприняли попытку создать на базе активов переданного Ирану Русского учетно-ссудного банка персидский государственный банк, это не удалось, т. к. в наличии оказалось всего 76 кранов. А основную часть банка составляли необеспеченные векселя, заложенные имения, строения и т. п., принадлежавшие отделениям банка²⁹.

Инициатором воссоздания банка стала советская сторона. В 1923 г. вместо Учетно-ссудного банка в Тегеране была создана Русско-Персидская банкирская контора, или Русперсбанк. Его учредителями стали: Русско-азиатское акционерное общество, Российский коммерческий банк (будущий Внешторгбанк) и иранское купечество. В 1920-е гг. Русперсбанк действовал на основании устава, учрежденного иранским правительством, но одновременно с 1927 г. (когда было покончено с НЭПом внутри страны) был в подчинении Народного Комиссариата Внешней Торговли и Внешторгбанка³⁰. Вскоре после своего создания банк создал филиальную сеть, аналогичную той, которая была у Учетно-Ссудного

банка. Банк действовал до исламской революции в Иране, когда был национализирован.

Таким образом, даже небольшой перечень собственности, который был передан Ирану советским государством по Договору 1921 г. впечатляет. Конечно, те иранские круги, которые были тесно связаны с русскими концессиями и особенно с Учетно-ссудным банком, понесли потери. Например, не смог восстановить своих позиций торгово-финансовый дом Туманянца. Но иранское государство, несомненно, смогло улучшить и свое финансовое положение, сократив внешнюю задолженность, а также получило в свое распоряжение собственность бывших российских компаний, что значительно перекрывало убытки, понесенные некоторыми иранскими предпринимателями. По некоторым оценкам, финансовый эффект, полученный Ираном от актов советского государства, превышал на тот период 100 млн золотых руб.³¹ Экономический эффект был еще выше. Например, после того как РСФСР передало в собственность Ирану все дороги, которые принадлежали царской России, этому примеру была вынуждена последовать и Великобритания. Благодаря передаче собственности царской России в Иране Договор 1921 г. не только стал декларативным, но и реальным проявлением политической независимости Ирана. С экономической и даже политической точки зрения он был даже более выгоден Ирану, чем для России, т. к. период интервенции уже подошел к концу и статьи 5 и 6, по которым была отдана вся российская собственность, в это время не были столь актуальны, как в 1919–1920 гг.

Ко времени подписания договора фактически все торговые связи между двумя странами были прерваны, тесные связи с Северным Ираном нарушены. Но в развитии торговых связей были заинтересованы обе страны. И для их налаживания в двадцатые годы стали использоваться новые правовые нормы. Помог переход к НЭПу в СССР, позволивший устанавливать связи частному сектору и с иностранным частным сектором. Декрет ВЦИК РСФСР от 13 марта 1922 г. «О внешней торговле» разрешил создавать специализированные не только советские, но и смешанные общества. А в Иране в меджлисе в связи с переходом к поли-

тике шеркетизации обсуждался первый Коммерческий кодекс (его первая часть была принята в 1924 г., вторая часть – в 1926 г., а в 1927 г. – третья часть), создававший правовую основу для организации компаний. Это открыло путь для создания совместных обществ. В 1926 г. правительство разработало экономическую программу, которая предусматривала расширение внутренней и внешней торговли, посевов экспортных культур, продажу государственных земель, создание национальных банков, строительство железных и шоссейных дорог и т. д. Однако прежде всего нужно было восстанавливать разрушенную войной и сепаратистскими движениями экономику.

Как говорилось выше, в 1923 г. вместо Учетно-ссудного банка был создан Русперсбанк, учредителями которого стали как советские банки, так и иранское купечество. В 1923 г. в Тегеране было открыто Торговое представительство СССР, и вскоре его отделения, которые курировали деятельность совместных обществ, были созданы в Тебризе, Энзели, Баболе, Мешхеде. Помимо рыболовецкого и нефтяного, был организован и ряд других коммерческих совместных обществ, или шеркетов. В этом же году было организовано советско-иранское общество «Персхлопок», капитал которого к 1930 г. увеличился в 10 раз. Компания вывозила хлопок в СССР, что составляло к концу 20-х годов 99% всего иранского экспорта хлопка, оказывала агротехническую помощь иранским хозяйствам, внедряла американские сорта, участвовала в создании предприятий по первичной обработке хлопка. С помощью общества «Персхлопок» в Иране были построены десятки хлопкоочистительных предприятий, только в Исфагане и Сабзеваре их было открыто восемь. На некоторых, например в Хорасане, были созданы маслобойный и мыловаренный цеха. Хлопкоочистительная фабрика, построенная с помощью «Персхлопка», была оснащена оборудованием, закупленным в Советском Союзе³². Кроме того, были восстановлены закрытые во время войны и пущены в эксплуатацию хлопкоочистительные заведения в ряде городов страны (Куме, Барфоруше и др.)³³. Во многом благодаря деятельности «Персхлопок» к концу 20-х гг. хлопководство в Иране было

восстановлено. Большая часть акций общества находилась в руках советской стороны (Главхлопкому принадлежало 51% акций, Торгпредству – 31%), доля 20 иранских купцов была тоже значительной – 18%³⁴.

Аналогичную деятельность осуществляла компания «Персшелк», которая была также создана в 1923 г. Половина капитала «Персшелка» была оплачена Торгпредством СССР, половина – купцами иранской провинции Гилян. Именно в Гиляне, где действовало общество, шелководство было вскоре восстановлено. Уже к началу 1930-х гг. шелководство и в целом в Иране достигло довоенного уровня. Компания закупала в Иране до 50% производимого шелка и вывозила в СССР, строила предприятия по первичной обработке коконов, ввозила и раздавала крестьянам на льготных условиях грену для разведения шелкопряда.

Благодаря созданию советско-иранского общества «Шерсть» удалось не только восстановить поставки шерсти в СССР, но и увеличить их. Причем через это общество закупалась не только шерсть от иранских скотоводов, но и афганских, которые ввозили шерсть в соседний Хорасан.

Если вышеуказанные общества обеспечивали советский рынок сырьем, то совместное общество «Мансуджате Иранорус», наоборот, было создано для ввоза в Иран готового текстиля. Оно было образовано в 1924 г. Торгпредством СССР в Иране, Всероссийским текстильным синдикатом и группой иранских купцов, которые вложили в общество 20% первоначального капитала.

До Первой мировой войны Россия была основным поставщиком сахара в Иран, удовлетворяя его потребности на 70%. В 1924 г., после того как было принято решение вывозить сахар в Иран и Афганистан на льготных условиях, было создано смешанное общество «Русперссахар», основной задачей которого был экспорт сахара в Иран. До этого ввозом в Иран сахара занимался государственный Сахартрест. Акционерами Русперссахара стали Сахартрест, смешанное советско-иранское общество «Шарк», в котором 27% капитала обеспечивало иранское купечество, Торгпредство СССР в Иране и отдельные иранские купцы³⁵. Уже к концу 1925 г.

это общество имело свои отделения практически по всему Северному и Центральному Ирану. Однако после того, как Иран в 1925 г. принял закон о государственной монополии на куплю и продажу сахара, а в 1932 г. была принята специальная конвенция по сахару с СССР, монопольным импортером сахара становится государство. В результате общество «Русперссахар» было ликвидировано. Уже через три года в 1935 г. в Иране была создана государственная Сахарная монополия, которая постепенно взяла в свои руки весь оборот сахара в стране. Но нельзя не отметить, что структура этой Сахарной монополии во многом сохраняла черты структуры «Русперссахара». Ввоз сахара из СССР хотя и сократился, но продолжал осуществляться – через Торгпредство и на основе соблюдения нетто-баланса во внешней торговле.

Для упорядочения ввоза нефтепродуктов в Иран в марте 1924 г. было создано смешанное общество «Персазнефть». Капитал был обеспечен Торгпредством СССР, Азнефтью, обществом «Шарк» и иранским купечеством. Несмотря на то, что в Иране действовала Англо-Иранская нефтяная компания, нефть и особенно нефтепродукты Иран получал из России. В 1923 г. потребление нефти и нефтепродуктов целиком обеспечивалось поставками из России. Даже в 1929 г., несмотря на то, что добыча нефти в Иране выросла почти в три раза, поставки из СССР покрывали 70% потребности³⁶. Эта ситуация сохранялась до подписания нового концессионного соглашения с АИНК в 1933 г. В основном в Иран из Баку поставлялся керосин, но постепенно ассортимент стал включать в себя бензин, мазут, тавот и другие нефтепродукты, которые находили спрос не только в Северном Иране, но и по всей стране. Общество построило также склады, организовало производство бидонов и другой тары для перевозки нефтепродуктов. Результатом деятельности общества стало не только насыщение рынка, но и снижение цен. Работа была столь успешной, что общество в 1927 г. увеличило долевое участие иранских предпринимателей в капитале.

Выше неоднократно упоминалось общество «Шарк», которое начало свою деятельность с февраля 1924 г. В отличие от дру-

гих обществ, «Шарк» не являлось обществом, специализированным на одном товаре или на одном виде деятельности. Оно в целом обеспечивало и ввоз в Иран советских товаров и вывоз иранских товаров в СССР. Основным его пайщиком с иранской стороны был крупный купец Хаджи Моин от-Таджар Бушери. Его активным участием в торговле с советской стороной можно объяснить поддержку им проекта совместной нефтяной компании, одобренной также Реза-ханом, но не прошедшим одобрения меджлисом.

Отделения и представители этого общества были и в Советском Союзе, и во всех крупных городах Ирана. «Шарк» после создания специализированных смешанных обществ вошло в качестве акционера почти во все эти общества, оно заключало договоры с разными компаниями, которые обеспечивали поставки по всему Ирану, в Иран и в СССР, участвовало в работе Нижегородской и Бакинской ярмарок. После сворачивания НЭПа в 1927 г. деятельность большинства обществ была резко ограничена, но «Шарк» продолжал работать до начала 30-х годов.

Но продолжалась работа созданного в 1923 году Русперсбанка, который кредитовал все совместные общества: в 1924 г. 60% его капитала шли на кредитование смешанных обществ, а 40% – на кредитование иранских купцов. Русперсбанк был связан с крупными советскими банками, а также имел корреспондентские счета в ряде зарубежных банков. В этот период наибольшую выгоду от сотрудничества с этим банком получало среднее купечество. В некоторых из действовавших на территории Ирана обществ иранский капитал практически не участвовал, как, например, в акционерном обществе Бюроперс (Бюро персидских транспортов), созданном в 1924 году, которое выполняло функции, присущие ранее существовавшим русским концессиям. Советские учредители этого общества – это акционерные общества «Каспар», Правление закавказских железных дорог, Волжское пароходство и др. Через Бюроперс товары доставлялись из СССР в Иран и наоборот различными видами транспорта, кроме того, обществом на пути следования товаров были построены товарные склады, для топлива и для фуража. Бюроперс не только осуществ-

ляло поставки товаров в обе страны, но и транзитные поставки иранских товаров в Европу и в Америку. В 1929 г. именно Бюро-перс выполнило около 70% оборота торговли между Ираном и СССР³⁷.

Работа этих обществ помогла преодолеть последствия Первой мировой войны и России, и Ирану. Деятельность их основывалась на взаимных интересах.

Да, Россия отказалась от своей собственности в Иране, но этот отказ в 20-е годы заложил основы взаимовыгодного сотрудничества. Недаром в 1925 г. Реза-хан, вскоре ставший шахом Ирана, признал, что «своим возрождением Иран во многом обязан помощи СССР»³⁸. Благодаря работе смешанных советско-иранских обществ СССР превратился в одного из важнейших торговых партнеров Ирана, в т. ч. в период мирового экономического кризиса. С 1929 г. по 1933 г. удельный вес СССР в иранском внешнеторговом обороте составлял в среднем 35%. Причем экспорт Ирана в СССР был особенно значителен по тем товарам, которые были основными в деятельности специализированных смешанных обществ. Так, экспорт иранской продукции составлял (в % от всего экспорта): по рыбопродуктам – 100%, по хлопку – 90%, по шерсти – 86%, по шелковичным коконам – 68%. А Советский Союз, который в период коллективизации и индустриализации испытывал проблемы с наполнением потребительского рынка, получал из Ирана фрукты, масличные семена, выделенные кожи, шерсть, шелк и хлопок.

И хотя в дальнейшем динамика развития взаимных экономических связей сократилась, сотрудничество в Советской России и Ирана, в основе которого лежал Договор 1921 г., внесло положительный вклад в экономическое развитие двух стран.

¹ *Bharier J.* Economic Development in Iran 1900 – 1970. London. 1971. P. 27.

² *Генис В. Л.* Вице-консул Введенский: Служба в Персии и Бухарском ханстве (1906–1920 гг.). Российская дипломатия в судьбах. М., 2003. С. 16.

³ *Атаев Х.* Политические и торгово-экономические отношения Северо-Восточного Ирана и России в начале XX века (1900–1917 гг.). Ашхабад. 1989. С. III.

⁴ Документы внешней политики СССР. – М., – 1959. Т. 3. С. 536–544. URL: <http://doc20vek.ru/node/233> (дата обращения: 15.12.2021).

⁵ Здесь и далее – Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 536–544. URL: <http://doc20vek.ru/node/233> (дата обращения: 15.12.2021).

⁶ *Bharier J.* Op. cit. P. 18.

⁷ *Кулагина Л. М.* Россия и Иран (XIX – начало XX века). М.: ИВРАН. 2010. С. 156. Ссылка на ГАРФ, Ф. 368, Оп. 1, Д. 86, Л. 3.

⁸ *Кулагина Л. М.* Указ. соч. С. 154.

⁹ *Сеидов Р. А.* Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века. М., Наука, 1974. С. 53.

¹⁰ *Marvin L. Entner.* Russo-Persian Commercial Relations, 1828-1914. University of Florida Press, 1965 (Т. 1). (Персидское издание: Равабате базаргани рус ва иран. 1828–1914. Тегран, 1369. С. 142. (табл. №1).

¹¹ *Алиев С. М.* История Ирана. XX век. М. 2004. С. 129.; Известия, 14.03.1946, № 63 (8979), стр. 3. URL: http://virezkipress.ru/board/iran/irano_sovetskie_otnosheniya/iranskij_vopros_zakhvatnicheskie_plany_iranskikh_reakcionerov/76-1-0-1063 (дата обращения: 15.12.2021)

¹² *Арабаджян З. А.* Иран в годы Первой мировой войны. М.; ИВРАН. 2021. С. 170.

¹³ *Глухoded В. С.* Проблемы экономического развития Ирана. М.; Наука. 1968. С. 92, 95.

¹⁴ *Павлова И. К.* Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов). Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 47

¹⁵ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Ленинград. Наука. 1991. С. 85.

¹⁶ *Атаев Х.* Указ. соч. С. 85.

¹⁷ *Сеидов Р. А.* Указ. соч. С. 47.

¹⁸ *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914. Л., 1975. С. 169.

¹⁹ *Гурко-Кряжсин В.* Краткая история Персии. М. 1925. в: История Ирана. Киев – Москва: Альтернатива–Евролинц. 2003. С. 104.

²⁰ *Гореликов С. Г.* Иран. М. Государственное издательство географической литературы. 1961. С. 310. В 1925 г. из СССР было поставлено несколько паровозов и несколько десятков вагонов. На европейскую колею перешита в 1951 г.

²¹ *Лукин В. К.* Заметки о боевой деятельности Черноморского флота в период 1914–1918 гг. Часть 2. Спб. 2012. С. 269–270.

²² *Генис В. Л.* Указ. соч. С. 20

²³ *Генис В. Л.* Указ. соч. С. 340–341.

²⁴ *Ананьич Б. В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов. 1895–1914. Л., 1975. С. 184.

²⁵ Экономическое положение Персии. Отчет чиновника особых поручений Департамента Торговли и Мануфактур М. А. Томара, командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли, Спб.:

Типография В. Кишбаума, Дворц. Площадь, Департамент министерства финансов, 1895 г. С. 25

²⁶ Дёмин Ю. А. Советская политика в отношении бывших царских концессий в Иране (1921–1927 гг.): региональный и международный контексты // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История. Международные отношения. – 2020. – Т. 20, вып. 1. С. 14–21. URL: <https://imo.sgu.ru/ru/articles/sovetskaya-politika-v-otnoshenii-byvshih-carskih-koncessiy-v-irane-1921-1927-gg-regionalnyu> (дата обращения: 05.06.2021).

²⁷ Документы внешней политики СССР. Т. X. С. 428–434.

²⁸ Дёмин Ю. Там же.

²⁹ Сеидов Р. А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1974. С. 98–101.

³⁰ Саломатина С. А. Банковская система и фондовый рынок в дореволюционной и советской России. // Российские ценные бумаги. Каталог собрания Музейно-экспозиционного фонда Банка России. М. 2010. С. 117–137.

³¹ Глухoded В. С. Указ. соч. С. 119.

³² Рабизаде М. М. Развитие капиталистического предпринимательства в промышленности Ирана в 30-х гг. XX века. Баку. 1970. С. 26–27.

³³ Мамедова Н. М. История советско-иранских отношений (1917–1991) // Иран. История, экономика, культура. Памяти С. М. Алиева. М.: ИВРАН. 2009. С. 161.

³⁴ Айдогдыев М. Установление и развитие советско-иранских торговых связей (1917–1937). Ашхабад. 1986. С. 48.

³⁵ Айдогдыев М. Указ. соч.. С. 62.

³⁶ Amuzegar J., Fekrat A. M. Iran. Economic Development under Dualistic Conditions. Chicago. 1971. P. 27

³⁷ Указ. соч. С. 92–95.

³⁸ Правда, 10.07.1925.

Некоторые аспекты внешней политики монархии Пехлеви

Правители последней иранской монархии династии Пехлеви правили в Иране в общей сложности 53 года и эти полвека были в определённом смысле переломными в истории Ирана, который прошёл через сложный и трудный путь модернизации от отсталой полу – феодальной до относительно развитой капиталистической страны, сохранившей однако многие пережитки прошлого

как в социально – экономической жизни так и политическом устройстве страны, оставаясь одной из последних ближневосточных монархий. Оба шаха династии Пехлеви – Реза-шах (правил с декабря 1925 по сентябрь 1941 г.) и Мохаммед Реза Пехлеви (правил с 1941 по февраль 1979 г.) во многом не были похожи на своих традиционных предшественников – восточных монархов XIX в., но вынуждены были действовать в новых внутривосточных и внешнеполитических условиях, которые в значительной степени определялись двумя базовыми факторами: процессами модернизации (вестернизации) и развитием капитализма в стране, а также влиянием мощных внешних игроков: Великобритании, Франции, России (СССР), Германии и США.

Процесс модернизации Ирана активно проявил себя на рубеже XIX–XX в., начавшись ещё при Насер ад-Дин шахе (правил с 1848 по 1896 г.) с создания первой печатной газеты, первого учебного светского заведения «Дар аль-фонун», знакомства с жизнью европейских государств, появления некоторых технических новинок, заимствования европейской одежды и пр. Поворотным моментом в трансформации общественной системы стала Конституционная революция 1905–1911 гг., в результате которой была существенно ограничена власть монарха и возник парламент (Меджлис), существующий до наших дней, несмотря на все политические потрясения, прошедшие в стране за более чем 100 лет. Однако наличие Меджлиса не привело к существенному изменению сути монархических устоев в Иране, о чём свидетельствует правление обоих шахов династии Пехлеви, которые, по существу, вели себя как абсолютные монархи.

В результате Первой мировой войны и после вступления в марте 1918 г. английских войск из Месопотамии в Иран, рост национально-освободительного движения, неудачные попытки создания советской республики в Гиляне, выступления сепаратистов в окраинных провинциях страны ривели к тому, что Иран оказался в глубоком кризисе. В некоторых районах, в Хорасане, Хузестане, Гиляне, Голестане и на местах центральная власть практически отсутствовала, на дорогах хозяйничали разбойничьи шайки,

финансовое положение страны оставляло желать лучшего. Великобритания, оставшаяся после ухода русских войск полномочным хозяином в Иране, пыталась навязать иранскому правительству в 1919 г. кабальное соглашение, подписанное в Тегеране между английским посланником в Иране Перси Коксом и премьер-министром Восугом-од-Доуле. Соглашение фактически устанавливало протекторат Великобритании над Ираном и предусматривало: посылку английских советников в различные отрасли госаппарата за счёт иранского правительства, создание смешанной комиссии для реорганизации иранской армии по английскому образцу, приглашение английских военных инструкторов и закупки английского вооружения за счёт иранского правительства. Для обеспечения этих «преобразований» Великобритания предоставляла Ирану заём в 2 млн фунтов стерлингов на 20 лет из расчёта 7% годовых под обеспечение таможенных и других доходов иранского правительства. По англо-иранской таможенной конвенции 1920 г. для английских товаров устанавливались исключительно выгодные таможенные тарифы. Соглашение вызвало резкие протесты иранской общественности и меджлис его не утвердил, а в феврале 1921 г., в день подписания советско-иранского договора иранское правительство официально объявило об аннулировании соглашения 1919 г.¹

В сложившихся условиях англичане стали искать приемлемых для них кандидатов для формирования подконтрольного им будущего правительства Ирана. Вопрос об устранении от власти правящего в тот момент Ахмад-шаха Каджара англичане не рассматривали. Настроенный явно проанглийски Восуг-од-Доуле как будущий кандидат в члены кабинета не подходил, так как дискредитировал себя в глазах иранской общественности старыми связями с англичанами. Англичане пытались в первую очередь укрепить свои военные силы и заручившись поддержкой иранских военных заменить русских белых офицеров на английских в казачьей бригаде. Посольство Великобритании стремилось сформировать группу военных и политических деятелей с целью непублично поставить под свой контроль будущее правительство

Ирана и обеспечить тем самым свои военно-политические и экономические интересы. Англичанам удалось привлечь на свою сторону известного англофила Сеида Зия ад-Дина Табатабаи, издателя газеты «Раад», который стал организатором переворота 21 февраля. Подготовка переворота началась в ноябре 1920 г. 2 ноября командующий английскими войсками в Иране генерал Э. Айронсайд собрал офицеров казачьей части и предложил им перейти на английскую службу. На что командир Хамаданского отряда казаков (мирпандж) Реза-хан ответил, что они не могут этого сделать, так как они – казаки шаха и служат иранскому правительству и полностью подчиняются центральной власти Ирана, а если англичане смогут получить подобный приказ от иранского правительства, то казаки его выполнят².

В тот момент для совершения переворота у англичан не было необходимых сил, и они при содействии Реза-хана и на деньги, полученные заговорщиками от подконтрольного англичанам Шахиншахского банка, вооружили и снарядили отряд иранских казаков, которые ранее отступили из Гиляна в Казвин и были направлены в Тегеран для совершения переворота. 21 февраля 1921 г. отряд казаков численностью в 2500 чел. в сопровождении политического руководителя переворота Сеида Зия ад-Дина Табатабаи вошли в Тегеран и отстранили от власти премьер-министра сепакдара Азама (Фатхолла-хан Акбар).

Вхождение Реза-хана в большую политику, в том числе международную, началось с его участия в перевороте 21 февраля 1921 г. при поддержке англичан. В иранской историографии роль Реза-хана в перевороте 21 февраля оценивается неоднозначно и вплоть до настоящего времени, особенно в связи с 100-летней годовщиной этого события, звучат обвинения Реза-шаха в проанглийской ориентации. Скорее всего на момент переворота и в последующие годы Реза-хан, будучи человеком амбициозным и волевым, преследовал свои личные цели, но действовал прежде всего с учётом складывавшейся обстановки и в интересах страны т. к. он их понимал. Реза-хан после 1921 г. последовательно расчищал себе путь к власти и действовал при этом осторожно и последовательно.

Через три дня после переворота Ахмад-шах подписал указ о назначении Сеида Зия ад-Дина премьер-министром, а Реза-хан получил титул сардарсепеха (командующего войсками).

Во второй половине 1921 г. внутреннее положение в Иране стабилизировалось, и 15 мая последний солдат англо-индийских войск покинул страну, все английские финансовые и военные советники уехали из Ирана. Был распущен, Корпус иранских стрелков Хузестана, созданный ранее англичанами 8 сентября 1921 г. советские войска на кораблях покинули Энзели и отплыли а в Баку, в Гиляне была восстановлена власть центрального правительства.

В то же время правительство Мошира-од-Доуле было неспособно навести порядок в стране и ушло в отставку. 23 ноября 1923 г. Ахмад-шах назначил своим указом Реза-хана премьер-министром. В начале 1924 г. начал работу пятый созыв иранского парламента. В стране усилилась критика Ахмад-шаха, который проживал в Европе, а также критика в адрес его родственников и всей Каджарской династии. В то же время рос авторитет Реза-хана, который несмотря на противодействие англичан, в ноябре 1924 г. разгромил в Хузестане сепаратистов шейха Хазалея, который вместе с родственниками был арестован, отправлен в Тегеран и вскоре умер при загадочных обстоятельствах. После возвращения из Хузестана и совершения паломничества в конце 1924 г. к шиитским святыням в Ираке Реза-хан добился назначения его Меджлисом 14 февраля 1925 г. верховным главнокомандующим вооружёнными силами, что по закону являлось прерогативой шаха. Ахмад-шах фактически перестал быть главой государства и вскоре было создано временное правительство во главе с Реза-ханом, которое первым признала Великобритания. 12 декабря 1925 г. меджлис провозгласил Реза-хана новым падишахом и присвоил его династии имя Пехлеви – в память о исторических заслугах иранских шахов в древности. К моменту прихода к власти Реза-шаху исполнилось 47 лет, и он был успешным военачальником и опытным царедворцем, прослужившим в казачьей бригаде многие годы. Подавляющее большинство иранцев поддерживали его приход к власти. Церемония коронации Реза-шаха была оплачена за счёт предоставленного по этому

случаю кредита со стороны Шахиншахского банка Ирана, который принадлежал англичанам.

Несмотря на содействие англичан при совершении переворота и затем на установившиеся между Реза-шахом и англичанами довольно сложные отношения, Реза-шах проводил независимую многовекторную внешнюю политику, по крайней мере до второй половины 1930-х годов, когда он пошёл на сближение с Германией, что в конце концов и определило его дальнейшую незавидную судьбу.

Реза-шах предавал большое значение укреплению национальных кадров и старался уменьшить влияние иностранцев на иранские дела. Процесс снижения зависимости от иностранцев в сфере образования был запущен 5 сентября 1928 г., когда министерство образования взяло в свои руки управление американскими духовными школами в Иране. В последующие годы все иностранные колледжи, в том числе медицинские, были национализированы. При этом характерно, что иранские военные получали высшее образование в военной академии Сен-сир во Франции, что свидетельствует о стремлении Реза-шаха устранить зависимость от англичан.

Несмотря на то, что в советской прессе Реза-шаха часто критиковали за диктаторские методы управления страной, отношения между СССР и Ираном в 20–30-е годы успешно развивались. В те годы Иран проводил выгодную для него политику развития добрососедских отношений с СССР. 1 октября 1927 г. в Москве был подписан советско-иранский договор о гарантии и нейтралитете. 1 октября 1927 г. было также подписано соглашение об эксплуатации рыбных промыслов южного побережья Каспийского моря смешанной советско-иранской компанией, а также торговое соглашение и таможенная конвенция, основанные на принципе наибольшего благоприятствования. Необходимо отметить, что Реза-шах крайне отрицательно относился к коммунистам и к Советской власти, хотя до поры до времени поддерживал с СССР выгодные для Ирана торгово-экономические связи. В 30-е годы СССР был основным торговым партнёром Ирана. В 1938 г. на долю СССР приходилось 38% всего внешнеторгового оборота Ирана.

После прихода к власти в 1933 г. в Германии нацистов Реза-шах переориентировался на многостороннее политическое, экономическое и научно-техническое сотрудничество с Германией. Во внешней политике Реза-шах перешёл к тесному сотрудничеству с фашистской Германией, торговые отношения с СССР были сведены на нет, и 8 октября 1939 г. между Ираном и Германией был подписан секретный протокол о поставках в Германию ряда сельскохозяйственной продукции.

К концу 30-х гг. иранские учебные заведения перешли в полное распоряжение немецких инструкторов и педагогов, прибывших в страну по приглашению правительства. Только в 1939 г. в Иран приехало более десятка немецких учителей. Немцы возглавляли кафедры почти во всех учебных заведениях страны. Они руководили учебным процессом в профессионально-технических училищах Тебриза, Мешхеда, Исфахана, Шираза, читали лекции в сельскохозяйственном и ветеринарном институтах. В школах Ирана программы стали строиться по немецким образцам. Особое внимание обращалось на изучение немецкого языка, преподаванию которого уделялось пять-шесть часов в неделю. На уроках немецкие педагоги внушали учащимся мысли о превосходстве арийской расы, о вечной дружбе Германии и Ирана.

С 1939 г. созданные по германскому образцу бойскаутские отряды стали обязательными организациями в школах, а верховным их руководителем был назначен наследный принц Мухаммед Реза. Бойскауты ежегодно проходили военную подготовку в летних лагерях, участвовали в парадах во время национальных праздников. К началу Второй мировой войны их отряды превратились в военизированные группы иранской молодежи, идеалом которых стал Третий рейх.

Политика тесного сотрудничества Ирана с Германией не могла не беспокоить Великобританию и Францию с началом Второй мировой войны и особенно СССР – после нападения фашистской Германии на нашу страну.

2 сентября 1939 г. Иран объявил о своём нейтралитете во Второй мировой войне, но продолжал поддерживать дипломатические

отношения с союзниками по антигитлеровской коалиции и со странами «оси». Реза-шах занял выжидательную позицию, ожидая на чьей стороне будет победа, но его симпатии были на стороне Германии. К тому времени Иран практически превратился в потенциальный плацдарм для возможного нападения на СССР и на Британскую Индию. В этих условиях правительства Великобритании и СССР потребовали от Реза-шаха высылки всех немецких специалистов, число которых составляло 690 чел., и их семей из Ирана, однако шах проигнорировал это требование, и утром 25 августа 1941 г. британские и советские войска вступили в Иран.

Реза-шах отрёкся от престола и передал власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви, который правил Ираном в течении 37 лет вплоть до антишахской революции 1978–1979 гг.

Оценивая внешнюю политику Реза-шаха, можно констатировать, что его приход к власти в значительной степени был обусловлен поддержкой Великобритании, но в годы своего правления он старался проводить независимую внешнюю политику, направленную прежде всего на создание условий для модернизации страны и проведение реформ в интересах развития Ирана. При Реза-шахе в Иране с помощью иностранных специалистов были построены основные шоссейные дороги, проложена Трансиранская железнодорожная магистраль, положено международное авиационное сообщение, строились современные промышленные предприятия, был основан Тегеранский университет и современная система просвещения, приняты основные законы на базе зарубежного опыта, начато радиовещание, модернизирована армия. В то же время односторонняя ориентация на Германию в итоге привела к оккупации Ирана в 1941–1946 гг. и в дальнейшем – к зависимости страны от иностранных держав.

После оккупации Ирана союзными англо-советскими войсками Реза-шах был вынужден отречься от престола и 16 сентября 1941 г. передал власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви. К тому моменту Мохаммеду Реза Пехлеви исполнилось всего 22 года, он был неопытным монархом и был вынужден действовать в русле политики Великобритании и СССР.

Внешнюю политику Мохаммеда Реза Пехлеви можно разделить на три неравнозначных по продолжительности периода:

1. Во время присутствия иностранных войск в Иране в 1941–1946 гг., когда шах находился практически в полной зависимости от оккупационных властей и самостоятельной роли в политике не играл, но был вынужден лавировать между интересами и требованиями Великобритании, СССР и США.

2. Период после окончания Второй мировой войны и эвакуации всех иностранных войск (советские войска покинули Иран в мае 1946 г.), когда молодой шах начал постепенно укреплять свою власть как внутри страны, так и свои позиции на международной арене.

3. Период зависимости от США после переворота 19 августа 1953 г. (20 мордада 1332 г. по иранскому календарю).

Представляет интерес вопрос о роли шаха Мохаммеда Реза Пехлеви во внешнеполитических связях Ирана и СССР в 50–70 гг. XX в. Особую, и преимущественно положительную роль, несмотря на все сложности межгосударственных отношений между Ираном и СССР, сыграли отношения шаха с советским руководством. Как отмечалось, шах пришёл к власти в сентябре 1941 г. вскоре после вступления советских и английских войск в Иран в ходе осуществления операции «Согласие» и отречения Реза-шаха. Первый и самый важный шаг по привлечению молодого шаха на сторону СССР сделал Сталин во время Тегеранской конференции 1943 г. В отличие от Рузвельта и Черчилля, которые не удосужились нанести визит шаху, Сталин сам нанёс визит молодому шаху и смог расположить его не только к себе, но и к Советскому Союзу. По итогам визита шаху, который увлекался авиацией, был подарен легкий самолёт. Можно с уверенностью предположить, что этот жест Сталина заложил основу в целом достаточно доверительных, хотя и далеко не простых, отношений между руководителями наших стран, чему способствовали и многократные визиты шаха в нашу страну в 50–70-е гг.

В 1956 г. (25 июня – 13 июля) состоялся первый визит шаха в СССР в сопровождении его второй жены Сорайи. После вступления Ирана в 1955 г в Багдадский пакт, который, по сути, был звеном

в постоянных попытках Запада окружить СССР кольцом враждебных государств, отношения между нашими странами резко ухудшились и визит шаха в какой-то степени «разморозил» наши отношения. Сама продолжительность визита и его формат, и масштаб свидетельствовали о стремлении сторон создать благоприятную почву для нормализации отношений. Надо отметить, что советское руководство делало всё возможное, чтобы добиться лояльного отношения шаха к СССР. Во время визита 1956 г. на подлёте к Москве шах был встречен эскадрилей самолётов, и по пути следования кортежа его сопровождал эскорт из девяти мотоциклистов. В числе прочих объектов Шах посетил Таманскую дивизию и военно-воздушную академию имени Жуковского.

Резиденцией монаршей четы стал Кремль, и над ней был поднят шахский штандарт. В ходе визита состоялись встречи шаха в Кремле с К. Е. Ворошиловым и Н. С. Хрущёвым, Булганиным, Шепиловым. Гости совершили поездку по стране и посетили Ленинград, Киев, Сочи, Ташкент и Запорожье, а также МГУ, Большой театр, некоторые фабрики и заводы, и колхозы, и другие объекты. Существенную роль во время визитов шаха играли его супруги Сорайя и Фаррах Дибя, которые по-разному оценивали гостеприимство советской стороны и по-разному относились в России. В частности, Сорайя вспоминала в своих мемуарах, что в ходе визита 1956 г. Н. С. Хрущёв непрестанно делал ей комплименты и вставлял в них политические мотивы. Сорайя при этом задавалась вопросом: «Почему человек, который обращает столько внимания на женскую внешность, не сделал ничего, чтобы женщины России выглядели элегантно». Взгляды шахини, мать которой была немкой, и отец которой всю жизнь с семьёй провёл на дипломатической службе в Европе, а супруг был шахиншахом, понять не трудно. Но вряд ли Сорайя хорошо понимала, что СССР только что оправился после чудовищных потерь и разрушений, понесённых в результате немецко-фашистского нашествия. Однако, несмотря на нашу относительную «бедность», о которой Соррайя позже писала, шаха и шахиню одарили ценными подарками. Сорайя получила от советского правительства роскошную

соболью шубу, а Мохаммед Реза – самолёт ИЛ-14. На этом самолёте шах учился летать не без помощи советских инструкторов. По воспоминаниям очевидцев, в 1970 г. самолёт был в хорошем состоянии, базировался в аэропорту Мехрабад и шах на нём регулярно летал. Необходимо отметить, что несмотря на проамериканскую ориентацию шаха и тесное военное сотрудничество после переворота 1953 г., к 60–70-м гг. советско-иранские отношения укрепились и расширились, в том числе в военной области. В частности, в начале 70-х гг. СССР поставлял в Иран значительное количество вооружения и разнообразной военной техники: артиллерийской системы (130-мм пушки) и артиллерийские приборы, топопривязчики, зенитные самоходные установки (ЗСУ), стрелковое оружие и другую военную технику. Советские военные специалисты участвовали в обучении иранских военнослужащих. С помощью советских специалистов был спроектирован и построен танкоремонтный завод, который впоследствии начал производство собственной бронетанковой техники.

А. А. Громыко в своих воспоминаниях отмечал, что визиты шаха носили добрососедский характер в «условиях напряжённости и солидной доли подозрительности». На этом фоне важное значение для развития добрососедских отношений имел визит Л. И. Брежнева в Иран в 1963 г.

В 1965 г. шах посетил СССР уже с новой супругой, Фаррах Пехлеви. Чета посетила Москву и Ленинград. В 1968 г. по словам Зои Арутюнян, которая сопровождала монаршую чету, шаха встречали в СССР «как родного». Шах и шахбану (Фаррах была коронована как императрица в 1967 г.) посетили Байкал, Иркутск, Владивосток, где шах с борта советского крейсера наблюдал ракетные стрельбы и остался крайне доволен увиденным.

Визиты шаха Мохаммеда Реза Пехлеви прямо или косвенно способствовали расширению добрососедских отношений между СССР и Ираном³. В 1962 г. вступило в силу, заключённое в апреле 1957 г. соглашение по транзитным вопросам. В 1963 г. в Тегеране было подписано советско-иранское соглашение о строительстве гидроузла на реке Аракс, о строительстве осетрового рыбоза-

вода, строительстве 11 элеваторов. В 1970–1971 гг. запланированные объекты были введены в строй. В январе 1966 г. было достигнуто соглашение об оказании Ирану экономического и технического содействия в строительстве металлургического завода в Исфахане (официально открыт 16 марта 1973 г.), машиностроительного завода в Араке (начало строительства 1969 г. – окончание 1972 г.) и Трансиранского газопровода для поставок газа в СССР (вступил в строй в 1970 г.). В феврале 1971 г. было подписано соглашение о научно-техническом сотрудничестве, которое предусматривало обмен научными и техническими делегациями, учёными, специалистами, лекторами, а также научно-технической информацией. Перспективы советско-иранского экономического сотрудничества были предметом обсуждения на встрече государственных деятелей двух стран в конце 60-х – начале 70-х годов. Наиболее ярким и значимым был визит шаха и шахини в СССР в 1972 г. 12 октября 1972 г. в Москве был заключён договор о развитии экономического и технического сотрудничества сроком на 15 лет с возможностью автоматического продления каждые последующие 15 лет⁴.

Последующие революционные события в Иране и создание Исламской республики в Иране не позволили реализовать эти планы, а уровень нашего сотрудничества с Ираном в последние годы правления Мохаммеда Реза Пехлеви никогда не превзошёл уровень 60–70-х годов XX в.

Во время визитов шаха и его супруги в СССР не обходилось и без курьёзов. В один из визитов шах и шахиня присутствовали на стрельбах в Таманской дивизии. В ходе стрельб один из снарядов рикошетировал и полетел в сторону шаха. Шах, как человек военный, быстро среагировал и упал на землю, а шахиня от испуга упала в обморок. Один из советских офицеров поднял её и отнёс на руках в санитарную машину, которая доставила бесчувственную шахиню в санчасть. К счастью всё обошлось, но эпизод был драматический.

В 1972 г. при посещении Воронежа, куда шах приехал, чтобы ознакомиться с новейшим лайнером ТУ-144, который он наме-

ревался купить, произошёл ещё один любопытный случай. В то время в городе было довольно прохладно и в гостинице, где оставилась шахиня, включили все электронагревательные приборы. В результате произошло короткое замыкание в то время, когда шахиня принимала ванну. Сотрудникам службы безопасности пришлось её спасать. Трудно судить, как проходила операция по вызволению шахини из ванной, но свидетелей этой «драмы» поразила худоба Фаррах Пехлеви, что, впрочем, как мы знаем, не помешало ей родить четырёх детей. Начальник охраны с советской стороны, как и другие сотрудники, получил от шаха юбилейную шахскую золотую монету. Мужчины клянутся, что шахиню обнажённой не видели.

Во время посещения шахом Байкала тоже не обошлось без «сюрпризов». Для шаха и сопровождавших его лиц была устроена рыбная ловля и сварили уху. Официант, обслуживавший шаха, споткнулся и вылил уху прямо в цилиндр шаха. К счастью для бедняги, который был ни жив, ни мёртв, шах только рассмеялся и никаких «оргвыводов» для официанта не последовало. Вообще шах был явно доволен всем визитом 1972 г. Встречали шаха очень тепло в приватной обстановке.

В итоге можно констатировать, что визиты шаха Мохаммеда Реза Пехлеви в СССР и благожелательное отношение и щедрое гостеприимство советского руководства по отношению к монарху и его супругам сыграли важную роль в расширении и углублении всего спектра российско-иранских отношений в 50–70-е годы прошлого века.

В то же время можно предположить, что произошедшая ориентация шаха на сотрудничество с СССР и странами социалистического содружества воспринималась американцами и англичанами крайне негативно и быстрое и «неожиданное» падение шахского режима в условиях успешно развивавшейся страны произошло не без активного вмешательства Запада в политические процессы в Иране. В этой связи заслуживает внимания, не бесспорная, но любопытная мысль Реваза Утургаури, высказанная им в книге «Покер с Аятоллой. Записки консула в Иране» о причастности

Запада к свержению Мохаммеда Реза Пехлеви⁵. Оказавшись после свержения за границей, шах не мог найти себе постоянного пристанища (Великобритания отказалась его принять) и через полтора года, 27 июля 1980 г., в возрасте 60 лет Мохаммед Реза Пехлеви «скончался от рака» в Египте.

Период правления шахов династии Пехлеви приходится на важнейшие события XX в. После победы Октябрьской революции в России в мире происходят кардинальные изменения всего процесса исторического развития, начинает рушиться система колониальной зависимости стран Востока. Иран, Турция, Афганистан обретают независимость и начинают выстраивать новые отношения с великими державами и другими ближними и дальними странами. Иран при Реза-шахе пытался проводить независимую внешнюю политику, искал поддержку третьей силы в лице Германии, в которой к власти в 1933 г. пришли нацисты. В результате под нажимом союзников в 1941 г. Реза-шах уступает власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви. Во время Второй мировой войны и по её окончании Иран становится объектом борьбы между США и СССР и оказывается между двух огней в ходе холодной войны, ориентируясь в итоге на США. Попытка Мохаммеда Реза Пехлеви проводить более сбалансированную внешнюю политику с привлечением помощи со стороны СССР и других социалистических стран оканчивается неудачей и после победы антишахской исламской революции в Иране в 1979 г. наступает эпоха независимой внешней политики и Иран из объекта воздействия внешних сил становится самостоятельным внешнеполитическим игроком.

¹ Дипломатический словарь в трёх томах. Том I. М.: Наука, 1985. С. 64

² Tarikhe Iran az peidaesh ta enqeraze selselee Pahlavi. Hasan Pirniya (Moshir ad-Doule), Abbas Ekbal Ashtiyani, Alireza Amini. – Tehran, Sedaye moasser, 1387. С. 881.

³ Современный Иран. Справочник. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 93–94.

⁴ Алиев С. М. История Ирана. XX век М., ИВРАН, 2004. С. 343.

⁵ Утургаури Реваз. Покер с аятоллой. Записки консула в Иране. Тбилиси, 2010, С. 47–51.

Влияние советско-иранского договора на ирано-английские отношения

Октябрьская революция 1917 г. в России коренным образом изменила внешнюю политику страны. Новое правительство в один момент отказалось от всех достижений, которых в течение столетий российские военные и дипломаты добивались на полях битвы и во время труднейших переговоров. Действия Советской России в Персии стали одним из ярких примеров такой, более чем спорной, политики.

Перед первой мировой войной Российская и Британская империи, традиционные соперники в Азии, были вынуждены пойти на сотрудничество для противостояния Германии и союзных ей государствам. 31 августа 1907 г. в Петербурге министр иностранных дел Российской империи А. П. Извольский и посол Великобритании в России А. Никольсон подписали Конвенцию по делам Персии, Афганистана и Тибета, о разграничении сфер влияния в этих странах. Что касается Персии, то она оказалась поделена на три зоны влияния. Британская империя закрепляла за собой юг и юго-восток, что было важно для контроля над границей Персии с Британской Индией и Афганистаном. Российская империя получала зону на севере Персии и, частично, в центре, включая столицу Тегеран. В нейтральной зоне и Лондон, и Санкт-Петербург имели одинаковые торгово-экономические права¹.

Эта конвенция завершала формирование Антанты, противостоящей Тройственному Союзу во главе с Германией, и привела не только к снижению соперничества Лондона и Санкт-Петербурга, но и к согласованию политики обеих стран в Персии во время Первой мировой войны.

Второй важнейшей вехой англо-русского «сотрудничества» в Персии стало секретное англо-франко-российское соглашение 1915 г. о том, что в случае победного окончания войны Российской империи передаются Константинополь и Черноморские проливы.

В ответ на что Санкт-Петербург, в частности, согласился на присоединение нейтральной зоны Персии к английской сфере влияния и разрешил Шахиншахскому банку проводить операции в русской сфере влияния². Необходимо отметить, что министр иностранных дел России А. П. Извольский старался поднять тему Черноморских проливов перед заключением Конвенции 1907 г., но тогда Великобритания категорически отказалась. В 1915 г. ситуация на фронтах мировой войны заставила Лондон согласиться на условия России.

Переворот в России 23 февраля (8 марта) 1917 г. и приход к власти Временного правительства не внесли изменений ни в персидскую политику России, ни в соглашение 1915 г. Министры иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюков и М. И. Терещенко заверили правительство Великобритании в том, что Россия будет по-прежнему придерживаться полного взаимодействия с Англией в Персии и добились от союзников подтверждения, что условия соглашения 1915 г. остаются в силе³.

Переход нейтральной зоны в соответствии с соглашением 1915 г. под влияние Великобритании позволил Лондону значительно усилить свои позиции на территории Персии и дал возможность и дальше укреплять военно-политическое влияние, добиваясь полного доминирования в Тегеране. Это было необходимо по следующим причинам. Во-первых, Персия, имеющая общую границу с Индией, должна была служить буферным государством, охраняющим подступы к «жемчужине» британской империи. Поэтому Лорд Керзон⁴ постоянно настаивал на том, что нельзя было допустить «между рубежами нашей индийской империи и нашим новым протекторатом в Месопотамии очага беспорядков, вражеских интриг, финансового хаоса и политической неразберихи»⁵. Во-вторых, нефтяные месторождения Персии, находящиеся на берегу Персидского залива, разрабатываемые Англо-персидской нефтяной компанией (АПНК), имели важнейшее значение для Великобритании в целом и, в частности, для снабжения топливом кораблей британского военно-морского флота, обеспечивающих господство Великобритании в этой части света. В-третьих,

деятельность германской и турецкой агентур и их вооруженных сторонников во время войны существенным образом подрывали позиции Великобритании и в зоне действия АПНК, и в провинциях, граничащих с Индией.

Воспользовавшись договоренностями с Россией, правительство Великобритании к началу 1917 г. установило военный контроль над всей территорией Ирана, считавшейся сферой британского влияния. «В Иране от Сеистана до Хузистана – было расположено около 10 тыс. солдат и офицеров англо-индийской армии, а также примерно 10 тыс. наемных войск» – писал известный русский иранист Л. И. Мирошников⁶. Британские гарнизоны базировались в крупных портах Персидского залива, а корабли британского военно-морского флота патрулировали побережье. В начале 1916 г. под руководством британских офицеров и генерала П. Сайкса из иранцев было сформировано вооруженное подразделение «Корпус Южно-персидских стрелков» (South Persian Rifles) численностью 5000–6000 чел. На счету Корпуса ряд успешных операций против полукочевых племен в южных и юго-западных провинциях Персии и зачистка этих провинций от немецких и турецких агентов. После ликвидации прогермански настроенной жандармерии Корпус стал осуществлять и полицейские функции.

Октябрьский переворот 1917 г. в России резко изменил внешнюю политику нового государства. В обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» председатель Совнаркома В. И. Ульянов (Ленин) разгласил существование секретного соглашения 1915 г., заявив, что тайный договор о захвате Константинополя и договор о разделе Персии «порваны и уничтожены», «Константинополь должен остаться в руках мусульман» и «как только прекратятся военные действия, войска (русские – *И.Ф.*) будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы»⁷.

В этой связи одним из важнейших стимулов для укрепления английского влияния стало противодействие распространению революционных, большевистских национально-освободительных идей в Персии. Многочисленные националистические движения,

которые разворачивались по всей стране, грозили подорвать позиции Лондона не только в Персии, но и перекинуться на Индию. Лорд Керзон в этой связи писал, что если Великобритания перестанет поддерживать Тегеран и «Персия останется одна, то будут все основания опасаться, что она попадет под влияние большевиков с Севера»⁸.

Решение об эвакуации русских войск в соответствии с решением Совнаркома открыло для Великобритании дополнительные возможности. Уайтхолл принял решение послать свои вооруженные силы на территории, ранее входившие в зону российского влияния, в сторону Закавказья и Закаспийской области. В начале 1918 г. на север Ирана были направлены английские войска под командованием генерала Денстервиля, а на северо-восток под командованием генерала Маллесона. Целью этих военных экспедиций было не только установить контроль над северными и северо-восточными провинциями Персии, но и создать плацдарм для дальнейшего продвижения на территорию бывшей Российской империи.

Активно действовала Великобритания и на политическом поле. В августе 1918 г. в Тегеране к власти при поддержке Лондона пришло англофильское правительство Восуга-од-Доуле, при содействии которого 9 августа 1919 г. было заключено англо-персидское соглашение «О британской помощи для содействия прогрессу и благополучию Персии», ставшее вершиной развития англо-персидских отношений. Великобритания получала право направлять в иранские министерства и государственные органы британских советников, проводить реорганизацию иранской армии под руководством британских офицеров и советников, а финансовый советник Великобритании должен был контролировать иранские финансы. Предусматривался пересмотр таможенных тарифов в пользу Великобритании, а английским компаниям предоставлялось право строить железные дороги и телеграфные линии. При выполнении этих условий Тегерану выделялся заем в 2 млн фунтов стерлингов под 7% годовых, из которого должны были оплачиваться все расходы по данному соглашению⁹.

Несмотря на то, что в англо-персидском договоре оговаривались обязательства Великобритании уважать независимость и территориальную целостность Персии, в случае его ратификации междоусобицей и претворения в жизнь Великобритания могла установить контроль над экономической и политической жизнью Персии, *de facto* превращая страну в английский протекторат.

Соглашение было подписано в Тегеране сэром Перси Коксом, исполняющим обязанности посланника Великобритании в Персии, и главой иранского правительства Восугом-од-Доуле. Сразу после этого лорд Керзон, занимавший в то время пост министра иностранных дел, при поддержке Уайтхолла предпринял меры по его реализации. В декабре 1919 г. в Тегеран был отправлен генерал У. Диксон для создания в Персии единой новой армии и единой полиции. Во главе новой армии должен был стоять английский военный советник. В апреле 1920 г. в Тегеран прибыл Эрмтейдж Смит для приведения в порядок финансовой системы страны. Англо-персидская комиссия пересмотрела таможенный тариф 1903 г. и приняла более выгодные для Великобритании условия торговли, вступившие в силу в апреле 1920 г. А 22 декабря 1920 г. было заключено новое соглашение с персидского правительства с АПНК, в котором в обмен на предоставление значительных денежных средств Тегерану, закреплялись новые выгодные условия для Лондона. В частности, АПНК освобождалась от выплаты персидскому правительству процентов от доходов, полученных ее дочерними компаниями¹⁰. В октябре 1920 г. под давлением командующего North Persia Force (Norper Force)¹¹ генерала Э. Айронсайда персидское правительство уволило полковника В. Старосельского, командующего казачьей дивизией, и ряд старших российских офицеров. В срочном порядке руководство дивизией было формально передано иранскому офицеру Мохаммад Садек-хану. На самом деле дивизия, как отмечает Л. Мирошников, находилась в подчинении британского генерала У. Диксона¹².

Представляется, что только переворот в октябре 1917 г. в Российской империи и политика Совнаркома позволили Великобри-

тании резко усилить свое военно-политическое влияние в Персии и добиться подписания подобного кабального договора.

Однако политика советского правительства имела и другие последствия для англо-персидских отношений. Во многом под влиянием революционных большевистских идей и при помощи Москвы в Персии вспыхнули национально-освободительные движения. В апреле 1920 г. в Тебризе произошло восстание под руководством шейха Хиабани¹³, который отличался своими националистическими, антианглийскими и антимонархическими взглядами. В мае 1920 г. в провинции Гилян особый размах приобрело Дженгелийское движение под руководством Кучек хана и даже была провозглашена Гилянская республика. Протестные движения под националистическими и антианглийскими лозунгами разворачивались и в других районах на севере Персии. Раздавались требования о выводе английских войск и отмене всех англо-персидских договоров. При этом Совнарком стремился распространить свое военно-политическое влияние в Персии не только обращаясь к рабочим и крестьянам¹⁴, но и послав в порт Энзели 18 мая 1920 г. Волжско-Каспийскую флотилию под командованием Ф. Раскольниковца.

После аннулирования российско-персидских договоров и, вывода российских войск, в условиях роста антианглийских и антишахских протестных движений ратификация договора от 9 августа 1919 г. стала проблематичной. Существенное воздействие на внутреннюю и внешнюю политику в этот период оказывала и подготовка к заключению всеобъемлющего российско-иранского договора.

Таким образом ситуация, сложившаяся в 1919–1920 гг., продиктовала Лондону необходимость выработки новой более гибкой тактики для достижения своих политических и экономических целей несмотря на настойчивое желание Форин Офис сохранять прежний жесткий курс. На актуальность изменения методов политики указывали и Верховный комиссар Великобритании в Месопотамии генерал-майор Кокс и английский посланник в Тегеране Герман Норман. Материалы, находящиеся в Сборнике документов по английской внешней политике в Персии «Documents on British

Foreign Policy. 1919–1939»¹⁵, говорят о том, что они раньше других признали целесообразность вывода английских войск из Персии и отказа от соглашения 1919 г. В начале 1920 г. П. Кокс настаивал на новом соглашении более приемлемом для ратификации меджлисом (парламентом) в Тегеране. В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на его слова о том, что «к моменту заключения нового договора в Персии может оказаться необходимо согласиться на замену нынешнего шаха другим представителем династии или же на замену династии»¹⁶ «Если это будет необходимо, нам следует подчиниться велению времени и согласиться на эти изменения», – отмечал генерал-майор британских вооруженных сил¹⁷. Он подчеркивал, что выработку новой тактики в английской внешней политике нельзя откладывать, потому что вывод британских войск нанесет удар не только по коммерческим и экономическим интересам Лондона в Персии, но и на всей территории Британской империи в Азии. При этом П. Кокс обращал внимание руководства в Лондоне и на то, что для Великобритании было жизненно важно сохранить «дружеские» и «близкие» отношения с вождями бахтиарских племен, поскольку их влияние доминировало на территориях, представляющих особый интерес для Великобритании¹⁸. Особое значение южно-персидских провинций для Великобритании при любом развитии событий отмечал и Г. Норман. В телеграмме, направленной в Лондон 28 января 1921 г. он писал, что в случае резкого усиления влияния большевиков и падения правительства в Тегеране, интересы Великобритании должны быть сосредоточены на юге. По его мнению, там было бы возможно образовать отдельное государство под эгидой Великобритании и при опоре на местных феодалов, выплачивая им доходы от нефти¹⁹.

В конце октября 1920 г. лорд Керзон, самый последовательный сторонник жесткого давления на Тегеран, признал необходимость изменения методов английской политики в Иране и поручил генерал-майору Г. Айронсайду проводить их в жизнь. Командующий North Persian Force генерал Г. Айронсайд, со своей стороны, был уверен в том, что в сложившихся условиях только военный дикта-

тор сможет прекратить хаос, царящий в ряде провинций Персии, остановить центробежные тенденции и создать условия для безболезненного вывода английских войск. Его выбор пал на персидскую казачью дивизию и командира ее тебризского отряда Реза-хана, который 12 февраля 1921 г. был назначен командиром дивизии.

Интересные факты о контактах генерала Г. Айронсайда с Реза-ханом содержатся в дневниках Э. Айронсайда, опубликованных в 1972 г. При заключении договоренностей о финансовой и военнотехнической помощи между Э. Айронсайдом и Реза-ханом не было подписано ни одного документа. Английский генерал считал, что Реза-хан в будущем сможет отказаться от любого договора, объяснив это тем, что он действовал под давлением. Поэтому Г. Айронсайд просто предупредил командира казачьей дивизии, что в случае враждебных действий против английских войск, покидающих страну, англичане «не колеблясь и без угрызений совести» откроют по нему огонь²⁰. Когда 21 февраля 1921 г. казаки под командованием Реза-хана вступили в Тегеран и заняли правительственные учреждения, в Персии фактически произошел государственный переворот.

Безусловно, самым существенным фактором, диктовавшим необходимость поддержки Реза-хана, для Лондона оказалось подписание советско-иранского договора, которое состоялось 26 февраля 1921 г. Согласие Москвы на вывод войск, направленных в Персию, отказ практически от всех активов Российской империи и готовность развивать дипломатические отношения на новой основе открывали возможности для усиления антианглийских сил.

Поддержка Лондоном Реза-хана, ставшего впоследствии новым шахом Ирана, позволил консолидировать проанглийски настроенную часть персидской элиты, предотвратить децентрализацию страны, остановить дальнейшее распространение большевистского влияния, и в конечном итоге ликвидировать очаги национально-освободительного движения не только в северных провинциях, но и в центре страны. В целом это отвечало интересам как наиболее значительной части политической верхушки в Тегеране, так и Уайтхолла.

В заключении представляется возможным сделать следующие выводы.

В результате государственного переворота в России в октябре 1917 г. и отказа советского правительства от всех внешнеполитических договоров Российской империи с Персией Великобритания к концу Первой мировой войны резко усилила свои позиции в этой стране.

Англо-персидское соглашение от 9 августа 1919 г. стало ключевым моментом в отношениях между странами. В случае его имплементации Персия фактически превращалась в английский протекторат.

Политика Москвы в 1919–1920 гг. по распространению революционных большевистских идей имела своей целью развитие национальных и национально-освободительных движений и настроений в Персии, сделав ратификацию англо-персидского договора Меджлисом невозможным.

Работа Москвы по заключению и само заключение советско-иранского договора 26 февраля 1921 г., продиктовали Лондону необходимость изменить формы и методы английской политики в Персии.

В условиях политического хаоса, роста большевистского влияния и реальной опасности дезинтеграции Персии Уайтхолл отказался от прямого давления на руководство в Тегеране и поддержал Резу-хана в осуществлении переворота 21 февраля 1921 г. Таким образом, английское правительство, не сумев поставить страну под свой полный контроль, сохранило наиболее значимые позиции в Персии.

Несмотря на то, что правительство в Тегеране в день заключения ирано-советского договора 26 февраля 1921 г. объявило о денонсации англо-персидского соглашения 1919 г., Великобритания и после этого продолжала оставаться основным внешнеполитическим и внешнеэкономическим актором в Персии. Англо-персидская компания продолжала свою деятельность, а Шахиншахский банк по-прежнему занимал доминирующее положение в персидских финансах, выполняя функции государственного банка Персии.

¹ Конвенция 8/31 августа 1907 г. между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана, Тибета. СПб. 1911.

² Соглашение было оформлено рядом памятных записок и вербальных нот. Доложено Государственной Думе императором Николаем II в 1916 г. См. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1925. С. 25–27.

³ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 425.

⁴ Вице-король Индии 1899–1906 гг., министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 гг.

⁵ Encyclopædia Iranica <https://www.iranicaonline.org/articles/curzon-george-nathaniel> (accessed: 12.03.2021)

⁶ Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране (1914–1920). М., 1961. С. 42–43.

⁷ Декреты Советской власти. Т. I. М., Госполитиздат, 1957. С. 113–115.

⁸ Encyclopædia Iranica. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/curzon-george-nathaniel> (accessed: 12.03.2021).

⁹ Международная политика в договорах, нотах и декларациях». Ч. II. М. 1926. С. 340–341.

¹⁰ Элвелл-Саттон. Л. Иранская нефть. К истории политики силы. М. 1957. С. 45.

¹¹ Британские военные силы, действовавшие в Персии в 1918–1920 гг.

¹² Мирошников Л. И. Указ. соч. С. 41.

¹³ Алиев С. М. История Ирана. XX век. М. 2004. С. 111–112

¹⁴ «Обращение к рабочим и крестьянам Персии» НКВД от 30 августа 1919 г. Подписана народным комиссаром иностранных дел Чичериным Г. В. Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. Министерство иностранных дел. М. 1946. С. 67–71

¹⁵ Documents on British Foreign Policy. 1919 – 1939. Vol. I–IV London, 1948–1952.

¹⁶ Documents on British foreign policy, 1919–1939. Ser. I. Vol. 13: The Near and Middle East. January 1920 – March 1921 London 1963. P. 713

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid. С. 710

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ironside Edmund (Major Gen) High road to Command, the Diaries of Maj. Gen. E. Ironside: 1920–1922, London, 1972. P. 177–178.

Договор 1921 г. и его значение для победы СССР во Второй мировой войне

Договор 1921 г. между РСФСР и Персией был не просто историческим документом, положенным в архивы, где он пылился долгие, долгие годы, как это порой бывает с архивными манускриптами, представляющими интерес только для профессиональных историков. Нет, он сыграл огромную практическую роль в истории отношений СССР и Ирана.

Значение Договора РСФСР – Персия для СССР

В 20-х и 30-х гг. Договор в целом выполнял функции Джульбарса – пса пограничников, охраняющего южнокавказские и среднеазиатские рубежи СССР, отпугивающего угрозы и не допускавшего их формирования с иранской территории.

В 1939–1940 гг. этот Договор, во-первых, в определённой степени предотвратил франко-британскую операцию «Рике» (Острие копья), нацеленную на разгром нефтепромыслов Советского Азербайджана. В те годы Париж и Лондон, воевавшие с нацистской Германией, были обеспокоены Пактом Молотова – Риббентропа, а также «Меморандумом о германо-советском торговом соглашении»¹, в соответствии с которым СССР поставлял Германии стратегический товар – нефть в больших количествах. В генеральных штабах Франции и Великобритании разрабатывался план по уничтожению основного источника, откуда советская нефть широким потоком текла в нацистскую Германию.

Во-вторых, Великобритании в то время, как воздух, нужен был Иран. Лондон, ни при каких обстоятельствах не мог допустить, чтобы построенная на британские деньги нефтяная и транспортная инфраструктура Ирана, могла бы быть использована во благо нацистской Германии. Кстати, только в Иране из всего ближневосточного региона на современных предприятиях произ-

водился авиационный бензин. Один НПЗ в Абадане в 1940 г. переработал 8 миллионов тонн нефти.

Кроме того, оккупация Ирана давала возможность Великобритании соединить в единую огромную цепь контингенты своих войск от Бирмы и Индии, с одной стороны, через Иран, Ирак, Ближний Восток до Северной Африки – с другой.

Но Лондон не осмеливался вводить войска в Иран, учитывая V и VI статьи договора между РСФСР и Персией.²

И уже в конце 50-х годов, когда Иран стал ближайшим союзником США на Ближнем Востоке, и Вашингтон планировал создать сеть военных, в том числе и ракетных баз на иранской территории по примеру Турции, руководитель СССР Н. С. Хрущев выступил с зажигательной речью, в которой предупредил шаха Ирана Мохаммада Резу Пехлеви, что в случае попытки создания американских военных баз в Иране, СССР воспользуется статьями V и VI Договора между РСФСР и Персией от 1921 г. Шах намек понял, и в Иране военных баз США не было, кроме центра радиоэлектронной разведки, но он был не способен нанести удар по СССР.

Договор 1921 г. РСФСР – Персия и Вторая мировая война

Всё же главное историческое значение Договора – это ввод советских войск в Иран в августе 1941 г.

Причем, как свидетельствуют документы, Сталин на основе Договора 1921 г. готовил вторжение в Иран ещё до начала Великой Отечественной войны. Вне сомнений, он, узнал об франко-британской операции Pike, как только о ней стали говорить в Париже и Лондоне. Встал вопрос о противодействии возможным франко-британским ударам.

С осени 1939 г. СССР собирает военные, политические, экономические и стратегические сведения об Иране. Весной 1940 г. Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием: «Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагар)».

Составлен «Перечень военно – промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии.

В 1940 г. Закавказский военный округ был усилен 10 дивизиями. Число самолетов возросло с нескольких десятков до полутысячи. В Среднеазиатском округе неожиданно появляются 50 достаточно современных танков БТ-7М, из которых 9 имели рации, что было новшеством в то время³. В начале июня 1941 г. в этом округе с участием представителей Генштаба были проведены командно-штабные учения «Сосредоточение Отдельной армии к государственной границе».

11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин подал докладную записку начальнику Главного Политуправления Красной Армии Мехлису о «необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре».⁴

Однако не только угроза франко-британского удара по Советскому Кавказу активизировала в 1939–1940-х гг. деятельность по усилению боевой мощи Красной Армии на южном направлении. Определенную ясность вносит содержание беседы председателя Совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел СССР В. Молотова с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом в Берлине 13 ноября 1940 г.

Гитлер предлагал Сталину присоединиться к Пакту Германии, Италии и Японии, взять под советский контроль Босфор и Дарданеллы, и всё южное направление вплоть до Индийского океана. При этом Риббентроп отметил, что из письма Сталина он понял, что тот «неотрицательно относится» к этому⁵.

То есть Сталин ещё до начала Великой Отечественной войны готовился к броску на юг через Иран. При этом, проводя в Закавказье и Средней Азии масштабные организационно-мобилизационные работы по повышению уровня боеспособности РККА, Сталин демонстрировал Гитлеру своё согласие с идеей о советской зоне влияния в Иране и южнее.

Не случайно генеральный директор МИД Ирана Хамид Сейях в беседе с советским полпредом в Иране М. Е. Филимоновым сооб-

шил, что с июня 1940 г. Иран полон слухов о том, что в самое ближайшее время СССР должен напасть на Иран. Тогда говорили, что СССР, будто уже предъявил требование иранскому правительству о необходимости получения на иранской территории аэродромов в пользу СССР, устройства казарм, ввода советских войск в Иран⁶.

Нацисты, целенаправленно преувеличивая эти угрозы, всячески раздували у правящей элиты Ирана антисоветские настроения. Напряжение на южном направлении нарастало.

22 июня ситуация резко изменилась. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль с самого начала Второй мировой войны был активным сторонником создания антигитлеровской коалиции. После нападения Германии на Советский Союз перспектива возникновения военного союза (The Grand Alliance) Великобритании, СССР и США становилась реальностью.

Уже вечером 22 июня Черчилль выступил по радио с программной речью. В ней он в частности заявил: «За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но всё бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем». Далее – «опасность, грозящая России – это угроза нам и угроза Соединённым Штатам, и точно так же, как дело каждого русского, который сражается за свой дом и очаг, – это дело всех свободных людей и народов во всех частях земного шара». Британский премьер предложил правительству СССР «любую техническую или экономическую помощь, которую Британия в состоянии оказать и которая будет ему полезной»⁷.

В тех условиях Иран мог стать плацдармом для реального воплощения в жизнь идей антигитлеровского альянса. С этого дня англичане стали активно зондировать в Москве возможности привлечения нейтрального Ирана на сторону союзников и в частности ввода войск в эту страну.

Чтобы заинтересовать Москву англичане целенаправленно повышали значимость Ирана и выдвигали два аргумента – угроза немецкой агентуры с территории этой страны и удобство использования ее для транзитных поставок по ленд-лизу.

В сложившейся обстановке Сталин согласился с доводами англичан, хотя, с другой стороны, положение на германском фронте, объективно говоря, не располагало к концентрации сил и средств на южном направлении.

Август 1941 г. Трагическое время – первые месяцы Великой Отечественной войны. Немецким войскам за первые недели войны удалось продвинуться вглубь советской территории на различных направлениях от 300 до 600 км. Были оккупированы Латвия, Литва, Белоруссия, Правобережная Украина, Молдавия, значительная часть европейской России. Шли упорные бои за Ленинград, Киев, Одессу, Смоленск.

Потери Красной Армии убитыми и ранеными исчислялись в сотни тысяч, от 700 тыс. до 2,5 млн (по разным данным) советских военнослужащих оказались в плену. Над Советским Союзом нависла смертельная опасность.

На счету был каждый человек, способный держать винтовку, каждое подразделение и тем более – воинская часть. Боеспособная дивизия оценивалась на вес золота.

А в это время Сталин всё же принимает историческое решение ввести войска в нейтральный Иран, находящийся далеко от полей сражений, где решалась судьба СССР.

23 августа он издал две Директивы № 001196 и № 001197⁸. Как сказано в этих документах Ставки, – «в целях обеспечения наших границ от диверсий со стороны немцев, работающих под покровительством иранского правительства, а также для того, чтобы предупредить вылазки иранских войск против наших границ, советское правительство на основании ст. VI Советско-иранского договора 1921 г., в силу, которой советское правительство имеет право ввести войска в Иран, если поведение иранского правительства создает угрозу для СССР, советское правительство постановило ввести войска на территорию Ирана».

25 августа посол СССР в Иране А. А. Смирнов⁹ и посланник Великобритании сэр Ридер Буллард вручили ноту премьер-министру Ирана Али Мансуру. В ней извещалось о том, что советские войска на севере Ирана, а британские войска на юге вошли в Иран,

четко обозначив законность и справедливость этой акции. При этом всё же ввод войск, обоснованный Договором, невозможно назвать вероломным нападением, приведшим к оккупации Ирана. Особенно если учитывать, что до 25 августа Москва неоднократно предупреждала Тегеран о недопустимости прогерманской политики, напоминая ему статьи V и VI Договора.

В тот же день началась операция «Countenance» – вторжение в Иран союзнических войск – СССР и Великобритании¹⁰. С советской стороны в ней принимали участие пять общевойсковых армий Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) Закавказского фронта, Отдельная Среднеазиатская армия, Каспийская военная флотилия.

27 августа в результате смены кабинета министров Ирана, новый глава правительства Али Форуги отдал приказ о прекращении сопротивления войскам союзников. Окончательно сопротивление иранских войск прекратилось 29 августа. Операция «Countenance» успешно завершилась за одну неделю.

По итогам переговоров представителей СССР, Великобритании и Ирана 8 сентября 1941 г. было подписано соглашение, определявшее дислокацию союзнических войск в Иране. Советские войска расположились в Северном Иране по линии Зенджан–Казвин–Хорремабад и вдоль побережья Каспийского моря. Британские – по линии Ханекин–Керманшах–Хорремабад–Хориоз–Бендер–Дейлим.

Однако Реза-шах не выполнил требования Москвы и Лондона выслать из Ирана представителей Германии и её союзников. В результате – войска СССР и Британии 15 сентября вошли в Тегеран. Это, в свою очередь, предопределило отречение Реза-шаха 16 сентября 1941 г. в пользу своего сына Мохаммеда Резы Пехлеви, который выразил желание сотрудничать с СССР и Великобританией. Вскоре из Ирана были высланы дипломатические представители враждебных союзникам государств, а также отозваны иранские представители из Германии, Италии, Румынии.

В сентябре 1941 г. Сталин писал Черчиллю: «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо. Совместные действия британских

и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»¹¹.

29 января 1942 г. послы СССР, Великобритании и министр иностранных дел Ирана подписали Договор о союзе трех держав – СССР, Великобритании и Ирана¹². Договор стал главным документом, дававшим Союзным Государствам право дислокации своих войск на иранской территории, транзита через Иран всех поступлений в Советский Союз из Великобритании, США и других стран (самолетов, автомобилей, каучука, продовольствия и других товаров), использования всех средств коммуникаций по всему Ирану и т. д. Примечательно, что Договор о союзе начинается (ст. 1) с обязательства союзных государств «уважать территориальную целостность, суверенитет и политическую независимость Ирана»¹³.

Как ни покажется странным, в то время, когда на советско-германском фронте ситуация для СССР была близка к катастрофе, Иран представлял собой для Сталина важнейший фронт борьбы с Германией.

Здесь свою роль играли многие факторы. И необходимость ликвидации нацистской зоны влияния на южных рубежах СССР, и недопущение самостоятельного захвата Великобританией Ирана (что вполне могло произойти после 22 июня, и укрепило бы стратегические позиции Великобритании в регионе, а также создало бы новые геополитические и военные проблемы для Москвы), и создание еще одного маршрута поставок товаров в Советский Союз по ленд-лизу (помимо Северной Атлантики и Дальнего Востока).

Но, пожалуй, главное, чем руководствовался Сталин – это стремление, как можно быстрее приобрести в лице Британии союзника и создать союзническую коалицию в борьбе с нацистской Германией. Что выглядело в тех драматических обстоятельствах весьма прагматично и разумно.

Иран, как нельзя лучше, подходил для этих целей. И тогда была осуществлена советско-британская операция «Countenance», ставшая первой совместной военной акцией стран, только ставшими союзниками в войне с Германией. В Иране под воздействием

существенно изменившихся геополитических условий отрабатывались взаимодействие и договоренности, с помощью которых СССР и Великобритания перешли от многолетнего противостояния к сотрудничеству.

Договор РСФСР–Персия и ленд-лиз

На Московской конференции 29 сентября – 2 октября 1941 г. представители СССР, США и Великобритании договорились о поставках Советскому Союзу техники, оружия, снаряжения и других средств. 7 ноября 1941 г. США распространили действие закона о ленд-лизе на СССР. Приняв трёхсторонний закон, стороны определили и способы поставки военно-экономической помощи на территорию СССР.

Действовали пять основных маршрутов ленд-лиза, по которым было поставлено в СССР 17,5 млн тонн продукции: Тихоокеанский (в ходе войны осуществлено 8,2 млн т – 47,1% всего объема поставок), Трансиранский (4,2 млн т – 23,8%), Арктические конвои (3,96 млн т – 22,6%), Чёрное море (0,7 млн т – 3,9%) и Советская Арктика (0,6 млн т – 2,6%)¹⁴.

Для увеличения объёмов поставок по иранскому маршруту необходимо было усовершенствовать транспортные узлы Ирана. В стране практически не было хороших дорог. Никакие транспортные перевозки в больших объёмах там осуществлять было нельзя. 19 сентября 1941 г. Черчилль писал Сталину: *«Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями»*¹⁵.

Проблема была решена. За короткое время построили Трансиранское шоссе, модернизировали железную дорогу, соорудили два порта в Персидском заливе. Сами американцы называли этот маршрут «персидским коридором».

Работы по логистике маршрута ещё не были закончены, а поставки в Советский Союз были начаты. В самые трудные для

СССР дни ноября 1941 г. по дороге прошло около 3 тыс. т грузов, в дальнейшем этот поток постоянно возрастал и к маю 1942 г. достиг 80 тыс. т ежемесячно.

Обстановка на Северном Кавказе в конце августа 1942 г. была сложной. Дефицит бронетехники в частях Закавказского фронта, необходимой для сдерживания противника, ставил под угрозу захвата центров нефтедобычи и её переработки.

В этот сложный период по маршруту ленд-лиза из Ирана была оказана большая помощь советской группировке войск, действовавшей на Кавказе. Первостепенное значение имели поставки танков и авиации, так как именно эти виды военной техники играли весомую роль в сражениях Великой Отечественной войны.

В октябре 1942 г. количество танков, поставленных по ленд-лизу на Кавказ, составляло практически половину из общего числа боевых единиц в советских танковых частях (132 танка из 302 – общего числа бронемашин, действующих в составе советских войск на Кавказе).

На вооружение советским ВВС через «персидский коридор» поступали американские и английские самолёты. Поставка боевых самолётов началась с марта 1942 г., к концу года США поставили 300 бомбардировщиков А-20 «Бостон», В-25 «Митчелл».

В большом количестве поступали английские и американские истребители. Всего через «иранский коридор» ленд-лиза было поставлено: в 1942 году – 742, в 1943 году – 2446, в 1944 году – 1678, всего – 4866 самолётов.

За годы войны американцы доставили по «персидскому коридору» в СССР 184 тыс. автомобилей. Одной из самых востребованных машин стал грузовик «Студебеккер». Именно на их шасси до конца войны воевали знаменитые реактивные установки «катюши».

Безусловно, успех ленд-лиза через «иранский коридор», связан с успехом совместной советско-британской операции «Countenance», которая во многом со стороны СССР была продиктована и обусловлена не в последнюю очередь российско-персидским договором 1921 г.

В настоящее время было бы вполне корректным констатировать, что Договор не утратил своего значения и сегодня в деле борьбы с различными инсинуациями вокруг политики союзников в Иране в годы Второй мировой войны.

Договор РСФСР–Персия в борьбе с историческими инсинуациями

Ввод союзнических сил в Иран в августе 1941 г., а также политику союзных государств в отношении этой страны во время Второй мировой войны в большинстве своём негативно оценивали и оценивают, как в шахском Иране, так и в Исламской Республике.

Современные иранские исследователи, с одной стороны, критикуют действия шаха и его правительств накануне войны, с другой – рассматривают политику Германии, Великобритании, США, и СССР как колонизаторскую¹⁶.

Наличие некоторых расхождений в анализе событий объясняется сохраняющейся и по сей день ориентацией определенной части интеллигенции на Великобританию или Германию, что позволяет говорить о прогерманской или проанглийской направленности исследователей.

Однако просоветской точки зрения не отмечается. Более того, иранские авторы убеждены в том, что Советский Союз преследовал экспансионистские цели, разрабатывал «планы долговременного присоединения северных районов и активно вмешивался в жизнь этих провинций». Необходимо отметить, что ряд иранских политологов, занимающихся анализом российско-иранских отношений в настоящее время, видит корни недоверия, а подчас и неприязни к политике современной России в действиях СССР в период Второй мировой войны. В иранском общественном сознании прочно укоренился образ России как колонизатора и агрессора, что, несомненно, связано с пристрастными оценками, даваемыми политике СССР и России в иранской историографии¹⁷.

Примечательно, что не только учёные, но и иранские политики выступают с необоснованными претензиями. Так, ещё в 2010 г. бывший президент ИРИ М. Ахмадинежад потребовал создать

комиссию по вопросу об оценке ущерба, который был нанесен Ирану пребыванием воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции во время Второй мировой войны, а также потребовать от международных институтов компенсировать урон «для восстановления прав иранского народа». М. Ахмадинежад настаивал, что Вторая мировая война была развязана с целью нового передела мира и установления дискриминационных порядков для принятия односторонних решений в отношении Ирана.

Логические построения президента ИРИ были просто поразительны. По Ахмадинежаду выходило, что державы антигитлеровской коалиции, прежде всего СССР, Великобритания и США, а также десятки других государств и народов, подвергшихся нападению со стороны нацистской Германии, воевали с ней лишь для установления дискриминационных порядков против Ирана. Ахмадинежад ни слова не говорил о том, что вынужденный ввод советских и британских войск в августе 1941 г., по сути, спас Иран.

И сегодня рецидивы взрывов негодования по оценке иранских событий Второй мировой войны можно наблюдать как в работах иранских учёных, так и у политиков. Так же, как и история с Ахмадинежадом, не поддаётся логическому объяснению истеричная реакция нынешнего руководства ИРИ по поводу недавней фотографии послов России Левана Джагаряна и Великобритании Саймона Шерклиффа на исторической лестнице в посольстве РФ в ИРИ, где в ходе Тегеранской конференции 1943 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль сфотографировались для истории. Фото вызвало ярость у тогдашнего главы МИД ИРИ Зарифа, спикера Меджлиса Галибафа и других иранских официальных лиц, из-за их неприятия событий вокруг Ирана во время Второй мировой войны¹⁸.

В этой связи российские историки, востоковеды не устают убеждать иранских коллег, политиков, что СССР ввёл свои войска абсолютно законно, юридически обоснованно, на базе статей V и VI Договора между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г.

Несомненно, вынужденный ввод советских и британских войск в августе 1941 г. спас Иран от германского влияния, мягко говоря, от превращения в сателлита нацистской Германии.

От вытекающего из этого факта неминуемого разгрома пронацистского Ирана силами союзников, что привело бы к неисчислимым жертвам и разрушениям на иранской территории, к превращению Ирана в государство, проигравшее войну.

За время своего пребывания в Иране союзники реконструировали транспортную сеть, построили Трансиранское шоссе, модернизировали железную дорогу, соорудили аэродромы и два порта в Персидском заливе, создали сеть ремонтно-сборочных предприятий, инициировали деятельность иранской экономики. Присутствие союзников дало работу сотням тысяч иранцев. На транспортировке через Иран военных грузов союзников были заняты десятки и десятки тысяч иранцев, начиная от чернорабочих до специалистов различных профессий. Многие из водителей, гонящих автомобили в СССР, были иранцами.

Важным был также и идеологический момент. Прикрыв возможности нацистской пропаганды, союзники добивались – и не безуспешно – изменения взглядов многих и многих иранцев, оболваненных геббельсовской ложью.

Что касается компенсаций, то ещё в 1954 году 2 декабря в Тегеране было подписано советско-иранское соглашение «Об урегулировании пограничных и финансовых вопросов», на основе которого были урегулированы, в том числе и взаимные финансовые претензии, связанные с периодом Второй мировой войны. Обмен ратификационными грамотами по этому Соглашению состоялся в Москве 20 мая 1955 г.

Какие еще претензии можно предъявлять к стране, спасшей мир от фашистской угрозы и выполнившей все свои обязательства перед Ираном, в том числе используя юридические положения Договора между РСФСР и Персией от 26 февраля 1921 г.?

Несомненно, Договор РСФСР и Персии 1921 г. внёс прямой и косвенный вклад в победу СССР и его союзников.

Здесь можно спорить, решился бы Сталин без Договора на совместную с Британией операцию «Countenance». Скорее всего, да. Военно-политическая обстановка не давала выбора. Да и юридические, правовые факторы не особенно актуальны во время войн.

Поэтому, конечно, и без Договора Сталин ввел бы войска в Иран, но этот Договор легализировал всю советскую часть «иранской кампании» СССР. Это имело и имеет огромное политическое значение уже на протяжении 80 лет.

Договор РСФСР и Персии 1921 г. дал российским политологам, историкам, востоковедам мощное оружие в борьбе с инсинуациями иранских официальных лиц и учёных вокруг политики СССР в годы Второй мировой войны.

¹ *Фельштинский Ю.* Оглашению подлежит: СССР–Германия. 1939–1941: документы и материалы. [Электронный ресурс]. Библиотека Гумер-История. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/felsch/05.php (дата обращения: 1.10.2021).

² См. Договор между РСФСР и Персией 1921 г. (Приложение №1).

³ Сайт Военное обозрение. 01.07.2020. 1941. Сосредоточение отдельных армий у южной госграницы. URL: <https://topwar.ru/172586-1941-sosredotochenie-otdelnyh-armij-k-juzhnoj-gosgranice.html> (дата обращения: 12.10.2021).

⁴ *Черепанов М.* Наши в Иране в 1941 г. [Электронный ресурс]. Мемориал Великой Отечественной войны. 19.12.2013. URL: <https://www.kremlnik.ru/node/434692> (дата обращения: 19.11.2021).

⁵ Беседа председателя Совета народных комиссаров СССР, народного комиссара иностранных дел СССР В. Молотова с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 13 ноября 1940 г. Сов. секретно Особая папка. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн. 2 (1) 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. – М.: Международные отношения, 1998. – (Министерство иностранных дел Российской Федерации). С. 72–78.

⁶ Беседа полномочного представителя СССР в Королевстве Иран М. Е. Филимонова с генеральным директором МИД Ирана Х. Сейяхом. Разослано: т. Молотову, т. Лозовскому, Генсекретариат 2 февраля 1941 г. Секретно. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2-х кн. – Кн. 2 (1) 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. – М.: Международные отношения, 1998. – 448 с. (Министерство иностранных дел Российской Федерации). С. 382–383.

⁷ *Churchill W.* The Second World War. Vol. 3 L., 1951. P. 331–333.

⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 16 (5-1). Ставка ВГК, 1941 г. Электронная библиотека исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/181446?page=2>

⁹ Нота правительства СССР правительству Ирана. 25 августа 1941 г. Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV / Министерство иностранных дел Российской Федерации. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 632 с. С. 256–260.

¹⁰ Подробно о ходе операции см. указанные Директивы № 001196 и № 001197, а также: Д. М. Любин. Ввод советских войск в северный Иран летом–осенью 1941

г.: военная необходимость или политический расчет. Сборник статей Иран и Россия. Научное издание. М., 2004. С. 206–222.

¹¹ Личное послание премьера Сталина премьеру Черчиллю. Отправлено 3 сентября 1941 г. Переписка И. Сталина с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). [Электронный ресурс]. Libre Book. URL: https://librebook.me/perepiska_i_stalina_s_u_cherchillem_i_k_ettli_i_iul_1941_g_noiabr_1945_g (дата обращения: 15.02.2021).

¹² Договор о Союзе между Союзом Советских Социалистических Республик, Великобританией и Ираном, 29 января 1942. [Электронный ресурс]. Международные отношения. XX в. URL: http://virezkipress.ru/dir/iran/iran_v_gody_2_j_mirovoy_vojny_1939_1945/dogovor_o_sozuze_mezhdu_sojuzom_sovetskikh_socialisticheskikh_respublik_velikobritanij_i_iranom_29_janvarja_1942/78-1-0-380 (дата обращения: 10.01.2021).

¹³ Там же.

¹⁴ *Нагурняк В.* Тост за ленд-лиз. Сайт Warspot. 05.12.2017. URL: <https://warspot.ru/10639-tost-za-lend-liz> (дата обращения: 10.01.2021).

¹⁵ Личное послание от г-на Черчилля г-ну Сталину. Получено 19 сентября 1941 г. Переписка И. Сталина с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). Libre Book. URL: https://librebook.me/perepiska_i_stalina_s_u_cherchillem_i_k_ettli_i_iul_1941_g_noiabr_1945_g (дата обращения: 15.02.2021).

¹⁶ См.: *Дунаева Е. В.* Современная иранская историография о второй мировой войне. Иран и вторая мировая война: сборник статей ИВРАН, Москва, 2011.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Подробнее см.: *Сажин В.* Президент Раиси и будущее Ирана. Сайт журнала Международная жизнь. 16.08.2021. URL <https://interaffairs.ru/news/show/31167> (дата обращения: 22.08.2021).

Договор 1921 г.: оценки иранских авторов

Обращаясь к теме восприятия иранцами Договора 1921 г., необходимо учитывать тот факт, что в шахский период и в первое десятилетие Исламской Республики Иран исследователи, занимавшиеся проблематикой, связанной с теми или иными аспектами отношений России (СССР) и Ирана, находились, «в плену сомнительных и неблагоприятных оценок, утвердившихся в исторической памяти иранцев после русско-иранских войн первой половины XIX в. и присутствия Красной армии на территории Ирана

после Октябрьской революции и в годы Второй мировой войны. Понимание России основывалось на выводах, сделанных европейскими и американскими авторами»¹. Однако в последние годы в ИРИ наблюдается активное развитие россиеведения. На базе основных университетов страны созданы кафедры по изучению России, которые, помимо преподавания русского языка и литературы, большое внимание уделяют подготовке специалистов по истории, этнографии, экономике, культуре, проблемам политического развития России. Представители научного сообщества ИРИ ведут академические исследования в области истории отношений двух соседних государств. Основные исследовательские центры Ирана занимаются анализом современного состояния российско-иранских отношений, процессов евразийской интеграции, перспектив взаимодействия двух сторон на Ближнем и Среднем Востоке. Академическое сообщество, осознает, что исторически сложившиеся стереотипы негативного восприятия образа России и ее политики, утвердившиеся в общественном сознании иранцев, выступают серьезным препятствием на пути дальнейшего развития отношений двух стран и укрепления доверия между ними. А корни этого негативного подхода надо искать в сложившихся в иранской историографии оценках ряда событий истории двусторонних отношений.

Можно говорить о том, что за последнее десятилетие был подготовлен целый ряд работ, авторы которых широко используют литературу на русском языке, материалы из архивов России и стран Закавказья, а также обращаются к иранским документам и в своих исследованиях пытаются отойти от традиционных оценок событий в истории двух государств, господствовавших в шахский период, и пересмотреть некоторые стереотипы, оценивать ситуации, исходя не только из интересов ирана, но и другой стороны, также проводящей свои национальные интересы. Такие исследователи, как Э. Кулаи, Дж. Карами, М. Санаи, Б. Навазани, А. Моради Марагеи и ряд других, анализируя отношения двух стран, пытаются объективно рассмотреть действия сторон, исходя из интересов каждого из государств, и дать оценку этим событиям.

В последнее десятилетие предприняты попытки пересмотреть ситуацию в отношениях двух государств накануне и в период русско-иранских войн 1804–1813 гг. и 1826–1827 гг. Подробную оценку настроений, интересов государств, ход развития событий проанализировал иранский историк, писатель А. Моради Марагеи в работе «Раны войны. Войны Ирана и России»² и, восстанавливая историческую справедливость, пересмотрел ряд утверждений, господствовавших в иранской историографии.

В последние годы ряд авторов пытаются с новых позиций рассмотреть и другие эпизоды, воспринимающиеся иранским общественным сознанием большей частью негативно. К таким событиям в современном Иране относят и Договор 1921 г. о дружбе между Советской Россией и Персией.

Одним из важнейших шагов Советской России, только утверждавшей свое место на международной арене, стало заключение ею договоров с южными соседями, что и закрепило новый расклад сил в Западной и Центральной Азии.

По мнению иранцев – современников этих событий, заключение договора стало переломным моментом в истории отношений двух государств и положило конец колониальной эксплуатации Ирана со стороны Великобритании и Царской России, подвело итог под эпохой режима капитуляций. Известный иранский политический и государственный деятель 20–50-х гг. XX в. Сейед Хасан Таги-заде отмечал, что «русская революция нарушила планы двух колониальных держав – России и Великобритании – по разделу Ирана. Это было величайшее историческое событие за прошедшие 150 лет. Если бы в последние дни Первой мировой войны не произошло бы этой революции, такие государства как Иран и Турция не сохранили бы своей независимости». Особо подчеркивалось включение в Договор статей о признании и уважении суверенитета и независимости Ирана, принципа равноправия двух сторон³.

Известный иранский дипломат, сын Мошавер-ол-мамалека, подписавшего этот договор с иранской стороны, отмечал, что, «это был первый договор, заключенный Ираном после столетнего пери-

ода навязывания позорных капитуляций, предоставления всевозможных уступок, несправедливости. Он был подписан с великой страной на основе равноправия и взаимного уважения»⁴.

Современники тех событий подчеркивали, что подписание этого документа положило конец политике раздела территории Ирана, поставило окончательную точку в попытках Великобритании навязать условия Договора 1919 г. и превратить страну в свой протекторат.

Х. Маки – автор 20-летней истории Ирана XX в., называя этот договор полезным для своей страны, приводит его оценку Ахмад-шахом, последним шахом Каджарской династии: «Заключение этого договора – добрая весть о начале новой эпохи в отношениях между двумя государствами. Появилась надежда на то, что добрососедские отношения, которые, к счастью, установлены между нашими странами, впредь будут укрепляться и приведут к благоденствию двух соседних дружественных народов»⁵.

Однако, несмотря на превалирование в целом восторженных оценок подписанного документа и констатации беспрецедентности шагов советской дипломатии и в прессе, и в заявлениях государственных деятелей, некоторыми представителями политической элиты отказ Советской России от выплат по займам и большинства концессий был рассмотрен как результат ее слабости⁶.

Особо подчеркивалось значение договора для развития торговых отношений Советской России и Ирана в 20-е годы.

Еще одним вопросом, который, по мнению иранской стороны, хотя и был внесен в договор, однако по которому советская власть заняла непоследовательную позицию и позже отказалась от выполнения данных обязательств, был вопрос о возврате захваченных царской Россией иранских территорий, закрепленных за ней в Туркманчайском трактате (1828 г.).

Анализ документов по вопросам внешней политики молодого Советского государства за 1918–1919 гг. показывает, что еще до подписания Договора 1921 г. в записках, направленных послу Ирана в России Л. Троцким и Г. Чичериным в 1918 и 1919 гг., отмечалось, что советская сторона объявила все ранее заключенные

царской Россией с Персией договоры и соглашения недействительными⁷. Опираясь на эти инициативы советской стороны, иранское правительство выдвинуло на Парижской мирной конференции требование вернуть Ирану ряд территорий, отошедших к России по Гюлистанскому (1813 г.) и Туркманчайскому договорам. Эти действия иранской стороны не получили никакой международной поддержки на полях конференции. Тем не менее, в иранских политических кругах укрепилось убеждение в том, что руководство Советской России, согласно заявлениям, сделанным в конце 1917 – начале 1918 гг., обязано отказаться от всех заключенных ранее договоров и вернуть Ирану все территории, захваченные в ходе русско-иранских войн, что и это должно было быть закреплено в новом двустороннем документе.

По прошествии столетия трудно говорить о том, что подразумевалось под заявлениями об отказе от всех неравноправных договоров России с Ираном, сделанных руководителями советского государства в первый год его существования. Учитывая господствовавший в тот период настрой на развитие пролетарской революции и лелеемые надежды на присоединение к революционному процессу народов Востока, вполне допустимо, что в упомянутых выше записках имелся в виду отказ от всех статей Гюлистанского и Туркманчайского договоров. Однако, с учетом изменения политических условий, ужесточения вооруженной борьбы в самой России, обострения ситуации на Кавказе, укрепления позиций Великобритании на севере Ирана, ее поддержка сил, борющихся с Советской властью, позиция советского руководства претерпела определенные изменения. Более того, появилась необходимость обезопасить южную границу страны и не допустить проникновения в страну белогвардейцев, членов басмаческих групп, нашедших поддержку в Иране. Нельзя игнорировать и тот факт, что за столетие, прошедшее с момента присоединения вышеупомянутых земель к России, на них произошли колоссальные изменения социально-экономического характера, связанные с развитием капиталистических отношений и их интеграцией во внутрироссийский рынок и административную систему, а также в общеполитический процесс. Учитывая

сложную внутривнутриполитическую обстановку в Иране, слабость государственных институтов, многочисленные выступления против власти внутри страны, деградацию Каджарской династии, советское руководство, хотя и вписало в статью 11 договора пункт о признании Туркманчайского договора недействительным, как представляется, подразумевало лишь ликвидацию других его статей, в частности, признание права за иранской стороной осуществлять свободное плавание военных судов по Каспийскому морю⁸.

Отсутствие какого-либо упоминания о возврате территорий в самом тексте договора 1921 г., а также включение в него статей 5 и 6 вызвало негативную реакцию депутатов иранского меджлиса в период его обсуждения уже после подписания и затянуло официальное подтверждение документа.

Неоднократно иранские авторы упоминали о разъяснениях относительно включения в текст этих статей, данных советским официальным представителем Ротштейном министру иностранных дел Ирана о том, что эти статьи носят временный характер и по мере изменения ситуации на границах, они могут быть пересмотрены. В некоторых работах даже приводится персидский текст этой записки⁹.

Известно, что в последующие десятилетия иранская сторона неоднократно, ссылаясь на комментарии Ротштейна, обращалась к СССР с просьбой изъять эти две статьи из договора и даже поднимала вопрос о том, что сохранение этих пунктов не соответствует сложившейся после Второй мировой войны системе международных отношений, что нашло отражение в Уставе ООН и ряде других документах. Тем не менее, хотя в конце 50-х гг. в период активизации отношений двух стран и урегулирования всех пограничных и финансовых вопросов, Н. С. Хрущев заронил надежду у иранцев на возможность пересмотра этих статей, вопрос об отмене этих статей так и не был поставлен на повестку дня. Расширение ирано-американских контактов и подписание шахом военного соглашения с США в 1959 г., вызвали серьезное беспокойство Москвы, так как советско-иранская граница стала границей раздела между двумя мировыми системами.

В то же время в Иране, даже несмотря на успешное взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество с СССР, в 60-е – начало 70-х годов сохранение этих статей рассматривалось как угроза суверенитету страны. В 1971 г. в своем послании в честь 50-летия договора 1921 г. Мохаммед Реза-шах отметив, что он провозглашает принципы уважения суверенитета, полного равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга, в то же время подчеркнул, что «какие-либо условия для реализации этих принципов не могут быть приемлемы»¹⁰. Однако руководство СССР, стремившееся поддерживать с Ираном добрососедские отношения, активно развивая торгово-экономические и культурные связи, в то же время не пошло на пересмотр вышеупомянутых статей. По мнению известного политолога и специалиста по проблемам международных отношений Д. М. Бованда, западные страны также не были заинтересованы в отмене этих статей в период холодной войны¹¹.

После исламской революции Исламский Революционный Совет в ноябре 1979 г. утвердил законопроект о признании статей 5 и 6 договора недействительными, и правительство ИРИ уведомило об этом руководство СССР и направило ноту в ООН об их аннулировании иранской стороной.¹² Советская сторона не сделала каких-либо заявлений по этому поводу, однако, представляется, что не считала их аннулированными.

В первое десятилетие ИРИ, когда в рамках внешнеполитической стратегии «Ни Запад, ни Восток, а ислам» практически все связи с СССР были свернуты, и СССР, стоящий во главе Восточного блока, воспринимался как деспотическое государство, пытающееся навязать свою атеистическую идеологию и поставить под свое управление другие страны, появился целый ряд исследований, рассматривающих тему отношений России и СССР с Ираном, в которых преобладали резко негативные оценки характера этого договора и минимизировалось его значение для иранской стороны.

Так, исключительно в негативном свете характеризует договор философ и политолог Х. Гадери. Он полагает, что, продвигая этот документ, Советская Россия преследовала следующие цели:

- сохранение и развитие торговых отношений;
- решение пограничных вопросов и признание иранской стороной линии границы, сложившейся до 1917 г.;
- закрепление за собой пространства, обеспечивающего национальную безопасность, получение возможности вооруженного вмешательства во внутренние дела этой территории¹³.

Этот автор не поднимает вопрос о важности признания независимости, территориальной целостности Ирана, что открывало стране возможность выступать самостоятельным актором в системе международных отношений и быть равноправным партнером при заключении соглашений с другими государствами.

По мнению современного представителя иранского научного сообщества Б. Навазени, договор называли исключительно пропагандистским документом, считая, что он ничего не дал Ирану, а предоставил СССР возможность вооруженного вступления на территорию Ирана, наложил на Иран запрет на предоставление привилегий третьим странам на территории пяти северных провинций, вынудил Иран согласиться на сохранение «грабительской» рыболовной концессии¹⁴.

Во многих работах, касающихся темы отношений Ирана и СССР, повторялось утверждение, данное известным в ИРИ исследователем внешней политики периода Пехлеви А. Хушангом Махдави о том, что «этот договор стал уникальным, поскольку ключи от иранского дома передал в руки иностранцев ... и на протяжении 70 лет он нависал над Ираном как Дамоклов меч, а Советы ни при каких условиях не соглашались от такого положения отказаться»¹⁵.

Исследователи ИРИ открыто упрекали Советскую Россию за поддержку Реза-хана, детально не отслеживая развитие событий и тем самым извращая историческую правду. Так, с точки зрения некоторых иранских авторов, Советская Россия еще до переворота 3 хута (21 февраля 1921 г.) оказывала ему свое содействие, что и объясняет подписание договора через несколько дней после этих событий и безоговорочное принятие этого документа правительством. Причем, акцентируется тот факт, что официально закрепленный отказ России от получения долгов со стороны Ирана,

своих концессий и собственности был сделан именно в период прихода к власти Реза-хана, что трактуется как предоставление ему значительных финансовых привилегий¹⁶.

После исламской революции еще одним поводом для критики политики Советской России в период подписания договора стал отказ Москвы от поддержки движения дженгелийцев, возглавляемого Мирзой Кучек-ханом, который, «протестуя против деспотического режима, выступил организатором вооруженного движения и поставил своей целью установление исламских порядков. Хотя он был очень религиозным (получил образование в медресе), находясь под влиянием коммунистических лозунгов борьбы с угнетателями, он положился на помощь большевиков ...Советы предали Мирзу Кучек-хана во имя осуществления своих экономических и политических целей» – считает известный исследователь России, политолог, руководитель Центра евразийских исследований Тегеранского университета Э. Кулаи¹⁷.

По мере либерализации внешнеполитического курса ИРИ и восстановления и расширения отношений с Советским Союзом после ирано-иракской войны, а с началом 90-х годов – после признания нового, деидеологизированного статуса России после распада СССР – в иранском научном сообществе наблюдаются попытки пересмотра утвердившихся штампов в оценке политики СССР относительно южного соседа. Новые веяния проявляются и в оценках значимости Договора 1921 г. для Ирана.

Уже упоминавшийся выше Б. Навазени в 1993 г. публикует текст своего исследования «Договор 1921 г. о дружбе между Персией и Советской Россией: анализ причин заключения договора и его роль в обеспечении национальных интересов Ирана», в котором ставит под сомнение утверждения о том, что этот документ был выгоден только советской стороне. Автор на основе изучения иранских и российских источников, исследований иранских и западных авторов ставит своей целью проанализировать все статьи договора с точки зрения их важности для Ирана. Предварительно рассмотрев предысторию отношений двух сторон, изучив переписку дипломатических ведомств, проанализировав ход собы-

тий в Персии и в Советской России накануне и в период переговоров, Б. Навазени с учетом сложившейся политической ситуации предпринимает попытку определить значимость каждой из 26 статей с точки зрения интересов Ирана. В результате все статьи им распределяются на три категории:

- 1) только в интересах России и в ущерб иранским интересам;
- 2) в интересах двух сторон;
- 3) в интересах Ирана.

Анализируя тексты статей и их значение для будущего Ирана и развития ирано-советских отношений, автор приходит к выводу, что 12 статей из 26 носят кратковременный характер. Однако все они в той или иной степени отвечали интересам Ирана и способствовали укреплению его положения в тот исторический период. К этому блоку Б. Навазени относит статьи 1, 2, 3, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 16, 24 и 26. Несомненно, что ряд статей, особенно об отказе от полученных ранее экономических и юридических привилегий, носил сиюминутный характер и сразу вступал в силу. Особо автор подчеркивает значимость для Ирана в тот период передачу собственности на сумму, превышающую до 582 млн золотых рублей. Однако, с позиций сегодняшнего дня утверждение о кратковременности действия тех статей, которые оформили новые основы для будущего отношений двух стран, а также после распада СССР с государствами Кавказа и Центральной Азии, представляется не до конца продуманным.

С точки зрения этого иранского автора, Советская Россия выразила свою добрую волю к развитию добрососедских и равноправных отношений, подтвердила установленные Комиссией по разграничению 1881 г. границы, передала Ирану остров Ашур-Ада, несколько небольших островов в районе Горгана, отказалась от селения Фирузе¹⁸, нет сомнений в том, что эти статьи, как и остальные этой группы были выгодны Ирану¹⁹. Можно с уверенностью утверждать, что эти статьи сохраняют свое значение и по сей день.

Ко второй группе автор относит статьи 4, 5, 6, 7, 13, 14, 17–23 и 25, утверждая, что они носили долговременный характер и ока-

зывали влияние на отношения двух стран несколько десятилетий. Причем, если статьи из первой группы практически не вызывали у иранских исследователей каких-либо негативных реакций, более того, были признаны в интересах Ирана, то вышеупомянутые статьи в течение прошедших десятилетий были объектом критики и вызывали серьезные разногласия среди иранских исследователей. Б. Навазени особо подчеркивает важность статьи 4, в которой говорится о принципе невмешательства во внутренние дела друг друга, и обосновывает значимость для иранской стороны статьи 5, которая подвергалась критике. Он утверждает, что хотя многие авторы видят ее исключительно «пророссийский характер», она выгодна Ирану, так как в определенном смысле сдерживала советскую поддержку революционных прокоммунистических движений в первые годы после заключения документа, а позднее – ограничивала деятельность социалистических и коммунистических групп на территории Ирана и их пропаганду с территории СССР.

Этот исследователь высказывает свое особое мнение и относительно 13 статьи, которая запрещала передавать возвращенные концессии в руки представителей других государств. В то время как некоторые иранские авторы в этих пунктах видели лишь ограничение прав Ирана, Навазени рассматривает это требование с точки зрения предотвращения возможной колонизации другими государствами пяти северных провинций страны, что, несомненно, признается им как положительное деяние.

К статьям, которые носят долговременный и даже «вечный» характер, автор относит статьи, закрепляющие территориальную целостность Ирана, определяющие границы двух стран, и статьи, положившие начало для формирования особого статуса Каспийского моря.

Он также отмечает, что ряд статей заложил основы для развития взаимовыгодных торговых отношений двух стран, зафиксировав возможность транзита товаров через территорию Советской России или Ирана в третьи страны с использованием благоприятного таможенного режима, что было, несомненно, выгодно

для двух сторон. Тем самым была заложена юридическая база для восстановления и развития торговых отношений.

Причем все статьи этой группы стали основой для заключения новых советско-иранских соглашений и договоренностей, т. е. работали на упрочение двусторонних отношений. В этой связи автор упоминает Соглашения о взаимном пользовании пограничными водами и реками 1926 г., Соглашение об урегулировании пограничных и финансовых вопросов 1954 г., Договор о режиме советско-иранской границы 1957 г., зарегистрированный в ООН в 1963 г.

В области торгово-экономических отношений иранский исследователь отмечает Соглашение о торговле и транзите 1924 г., заключенное буквально по горячим следам, так как переговоры торговых представителей двух стран начались в 1922 г. на базе 19–21 статей договора 1921 г. Ссылаясь на известного историка Х. Маки, Навазени отмечает, что выгода от этого соглашения для иранской стороны была настолько значимой, что его называли главным результатом деятельности кабинета Мостафы-оль Мамалека²⁰.

Среди наиболее важных документов, развивающих статьи договора 1921 г. и сыгравших большую роль в развитии двусторонних отношений автор называет Договор 1940 г. о торговле и мореплавании, подчеркивая, что и по сей день он не утратил своего значения. Развивая мысль о долговременной выгоде для иранской стороны вышеотмеченных статей, Навазени пишет, что «торговые отношения Ирана и СССР заложили основы для технического сотрудничества и участия СССР в планах развития Ирана, что подтверждают соглашение 1966 г. о строительстве металлургического Исфаганского комбината, строительстве газопровода ИГАТ-I с юга Ирана в Советский Союз и соглашение 1968 г. о строительстве машиностроительного завода в Араке, а также соглашение 1972 г. о техническом сотрудничестве. В целом СССР оказал содействие в осуществлении 135 проектов на территории Ирана»²¹.

По мнению автора, верность статьям договора 1921 г., которые получили подтверждение в подписанном двумя государствами Договоре о гарантии и нейтралитете 1927 г., определили пози-

цию СССР в период исламской революции. Напоминая о словах Л. И. Брежнева о том, что СССР любое вмешательство во внутренние дела Ирана будет рассматривать как угрозу своей безопасности, Навазени трактует их как преграду на пути иностранных сил, которые пытались, поддержав шаха, поставить заслон исламской революции. Причем, это высказывание советского лидера основывалось на статье 6 договора. Он вспоминает и том, что, поскольку оба государства обязались не прибегать к экономическим санкциям по отношению друг к другу, после инцидента с захватом американских заложников в Иране в ноябре 1979 г. СССР наложил вето в СБ ООН на обсуждаемую резолюцию относительно наложения экономических санкций на ИРИ. Москва не только не разорвала торговые связи с молодой республикой, но и ввела дополнительные льготы на транзит товаров. что «способствовало укреплению антиамериканской направленности исламской революции»²². А ведь практически в эти же дни, как уже отмечалось выше, Высший исламский совет заявил о непризнании двух статей договора, тем самым поставив его легитимность под сомнение.

Навазени, как и большинство иранских авторов, отмечает нарушение Советским Союзом права невмешательства во внутренние дела в 1941 г. и захват части территории Ирана и г. Тегеран. Однако автор в отличие от резко критикующих действия советских войск, которые по их утверждениям принесли в страну разрушения, голод, разруху и унижение иранского народа, отмечает, что «...захват северных и южных районов советскими и английскими войсками предоставил иранскому народу одну привилегию: предотвратил проникновение немецкого империализма и захват иранской территории немецкими войсками, что неминуемо нанесло бы еще больший ущерб стране»²³.

Нельзя не отметить, что, хотя в иранской историографии в последние десятилетия тиражируется утверждение о том, что действия и СССР, и Великобритании в 1941 г. были незаконными, и ввод войск рассматривается как агрессия, делаются попытки пересмотреть прежние оценки, и проводится дифференциация политики СССР и Великобритании. Некоторые авторы, ссылаясь

на договор 1921 г., упоминают о том, что со стороны СССР имелось юридическое обоснование для введения войск и, учитывая этот документ, «считать действия Москвы полностью незаконными нельзя», – считает М. Таджэини, признавая при этом, что Великобритания никаких оснований для таких действий не имела²⁴.

Важную роль в развитии двухсторонних отношений сыграли статьи договора относительно Каспийского моря. Причем, подход, определенный в ст. 7 и 11 не утратил актуальности и в настоящее время. И с этим утверждением согласно большинство иранских авторов. Этот же подход был закреплен рядом двусторонних соглашений и документов в 1927, 1931, 1935 и 1940 гг., в которых юридический статус Каспия рассматривался как статус моря только советско-иранского, закрытого для доступа третьих стран, на котором оба государства обладали равными правами в сфере судоходства и рыбной ловли. Известный иранский политолог и дипломат, бывший директор Института Каспийского моря А. Малеки, неоднократно давал положительную оценку статьям договора 1921 г., касающихся Каспийского моря, и отмечал важность сохранения его духа для выработки новой концепции правового статуса²⁵. В ряде заявлений иранского правительства относительно выработки статуса моря отмечалось, что Договор 1921 г. и Договор 1940 г. до сих пор сохраняют свою силу²⁶. Подписанная в августе 2018 г. руководителями пяти прикаспийских государств Конвенция о правовом статусе Каспийского моря сохранила дух договора, и ряд ее положений перекликается со статьями или развивают и дополняют их.

В то же время часть иранских исследователей и политологов, ссылаясь на заключенные между СССР и Ираном договоры, относящиеся к юридическому статусу Каспийского моря от 1921, 1927 и 1940 гг., упоминая соглашение о разделе вод пограничных рек на равные доли от 1926 г., полагают, что положения о равноправном использовании акватории моря для судоходства и его закрытом советско-иранском характере, декларированные в вышеупомянутых документах, могут рассматриваться Ираном и в наше время как юридическое обоснование для требований 50% доли ресур-

сов Каспия. Трем новым государствам на берегах моря и России предлагается разделить между собой вторую (бывшую советскую) половину. Для ведения практической деятельности по использованию ресурсов моря сторонники этой позиции предлагают создать совместную акционерную компанию, в которой бы Ирану принадлежало 50% акций²⁷.

Несомненно, что эта позиция в большей степени базируется на незнании всего комплекса документов, юридической безграмотности относительно положений, зафиксированных в договоре 1921 и 1940 гг. Сторонники такого подхода особенно активизировались в период подготовки и подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря²⁸. Эти точки зрения нашли отражение в иранском парламенте, который до настоящего момента все еще не утвердил Конвенцию по Каспию. Причем, среди иранских исследователей наблюдается и разброс мнений относительно легитимности этого договора. Так, еще в 1991 г. Дж. Шейх-оль-эслами писал о том, что развал СССР лишил этот документ легитимности²⁹. В то время как официальные лица страны неоднократно ссылались на этот договор, не считая его утратившим силу даже в связи с подписанием Конвенции.

Отметим, что российская сторона также рассматривает его основополагающим в системе двусторонних отношений, хотя в своей речи при подписании Конвенции 2018 г. президент РФ В. В. Путин отметил, что новый документ приходит на смену договорам 1921 и 1940 гг. Очевидно, что имелось в виду лишь дальнейшее юридическое оформление статуса моря.

Итак, на протяжении всего столетия иранские исследователи и политики высказывают диаметрально противоположные точки зрения относительно значения Договора 1921 г. для Ирана. Тем не менее, практически не отрицается тот факт, что он занимает важное место в отношениях двух стран, что именно он заложил основы независимой позиции Ирана в международных отношениях и, так или иначе, оказал влияние на взаимоотношения Ирана с другими державами. По прошествии столетия после его подписания интерес исследователей к изучению договора, обстановки

в каждой из стран в период его подписания, а также его влияния на развитие двусторонних отношений до сих пор сохраняется, что объясняется важностью российского направления во внешнеполитической стратегии ИРИ. Причем каждое поколение иранцев пытается дать ему оценку с позиций своего времени и своих идеологических позиций. Естественно, что сложности во взаимодействии двух стран, взлеты и падения уровня развития их отношений, а также резко негативные оценки российско-иранских отношений со стороны западных СМИ оказывают определенное влияние и на высказывания исследователей. По мнению Б. Навазени, положительные или отрицательные оценки Договора базируются не на тщательном изучении иранских, российских источников и международных документов, а отражают лишь субъективные предпочтения авторов и демонстрируют их прозападную, просоветскую или исключительно проиранскую позицию³⁰. Большая часть оценок этого документа, сделанных современными иранскими авторами, носит негативный характер, что связано с сохраняющейся и в ИРИ ориентацией научно-культурной интеллигенции на западные государства, прежде всего, США, Англию, Германию или Францию. Большинству иранских авторов недоступны материалы на русском языке. Они делают свои оценки, базируясь на иностранных документах и работах европейских и американских авторов, что несомненно приводит к определенной однобокости суждений и снижает объективность оценок. В то же время необходимо отметить появление в ИРИ нового поколения российских исследователей, изучающих архивы на русском языке, знакомых с работами и русских, и западных авторов. Их оценки документов и событий более объективны, так как базируются на учете интересов российской стороны и интересов Ирана. Расширение круга таких специалистов и конструктивный диалог исследователей двух сторон по наиболее чувствительным для иранцев историческим проблемам в отношениях двух стран будут способствовать снижению уровня русофобии в иранском обществе, следствием чего станет упрочение основ для развития отношений России и Ирана и снижение уровня недоверия между ними.

¹ *Kulaie E.* Piramun-e russhenasi dar iran // *Nakhostin hamayesh-e russhenasi dar Iran va jahan/*. Kholase-ye maghalat. 10 ordibehesht 1387. Tehran: Daneshgah-e Tehran, 1387 (2008/2009). P. 41–42.

² *Moradi Maragheii A.* Zakhmiha-ye jang. Jangha-ye iran va rusiye. 1397.

³ *Navazeni B.* Ahdname-ye movadat-e Iran va Shouravi 26 fevriye 1921. (Barrasi-ye tahlili zamineha-ye en'eqad-e ahdname va asar-e a bar taamin-e manaf'e melli-ye Iran). Veirayesh-e dovvom. Zemestan 1393). Tehran. 2014/15. 21. С.

⁴ *Abdolkhosein Mas'ud Ansari.* Zandegani-ye man. Jeld-e 2. Tehran: Ibn Sina, 1350. P. 57–58 (на перс. яз.)

⁵ *Maki Hosein.* Tarikh-e bist sale ye Iran. Jeld-e 2. Tehran. P. 355.

⁶ Подробнее об этом см.: *Арабаджян З. А., Дунаева Е. В., Мамедова Н. М.* Договор 1921 г.: история и современность (к столетию подписания) / Восток (Oriens) 2021, N 6. С. 195.

⁷ См. Приложения.

⁸ Подробнее о позиции руководства Советской России по отношению к Договору 1921 г. см. *Арабаджян З. А.* Советско-иранский договор 1921 г. и различия подходов внутри советского руководства в связи с определением политической линии в Иране / Иран. Прошлое и настоящее. Избранные труды иранистов Института востоковедения РАН. Сост. Е. В. Дунаева, М. С. Каменева и др. М., ИВ РАН, 2018. С. 129–155.

⁹ *Navazeni B.* Ahdname-ye movadat-e Iran va Russiye 26 fevriye 1921. С. 205–206.

¹⁰ Ettelaat. 18/12/1970.

¹¹ *Navazeni B.* Ahdname-ye movadat. Moqadame-ye doctor D.M.Bavand. С. 13.

¹² Подробнее см. *Махдиян М. Х.* История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XXI века). С. 54.

¹³ *Ghadery Kh.* Pojuheshti dar ravabet-e iran va rusiye-ye shouravi ya gharardad-e 1921. Tehran: Bina, 1359 (1980/81). С. 9

¹⁴ *Navazeni B.* Ahdname-ye movadat С. 23.

¹⁵ *Hushang Mahdavi A.* Siyasat-e khareji-ye Iran dar douran-e Pahlavi. 1300–1357. С. 52.

¹⁶ *Elahi H.* Ahamiyat-e estratezhiki-ye Iran dar jang-e jahani-ye dovvom. Teh.:Nashr-e daneshgahi, 1361 P. 23–24.

¹⁷ *Kulaii E.* Ettihad-e shouravi va enghelab-e eslami-ye iran. Tehran: Ramin, 1390 (2011/12). С. 54–55. (Автор имеет в виду подписание Договора с Персией).

¹⁸ Подробнее о границах России и Ирана см.: *Кулагина Л. М., Дунаева Е. В.* Россия и Иран: история формирования границ. М, 2008.

¹⁹ *Navazeni B.* P. 156–158.

²⁰ Там же. С. 157.

²¹ Там же. С. 158.

²² Там же.

²³ Там же. С. 168.

²⁴ *Tadjeini M.* Iran va jang-e jahani-ye dovvom //Zamane.1385. N52. URL: <http://ensani.ir/fa/article/> (дата обращения: 26.03.2021) [Таджени М. Иран и Вторая мировая война //Замане. 2006. №52 (перс. яз.)].

²⁵ *Maleki A.* Vazarat-e kharegi dalayelash ra dar rad-e moahadat-e qabliye khazar beguyad. URL: <https://www.isna.ir/news/97061206161> (дата обращения: 25.06.2021).

²⁶ Подробнее см. *Кулагина Л. М., Дунаева Е. В.* Россия и Иран... С. 110, 127.

²⁷ *Damirchi Loo M.* Developments of the Legal Regime of the Caspian Sea: An Iranian Outlook. Journal of Central Asian Studies. Central Eurasia Program. Vol. 1, N 1, 2008. С. 22–23.

²⁸ *Bazkhani-ye moahadat-e iran va rusiye dar bare-ye marzha-ye abi.* URL: <https://www.irna.ir/news/83001964> (дата обращения: 09.06.2021).

²⁹ *Sheikh-ol-eslami J.* Enghelab-e oktoabr va ahddname-ye 1921 iran va shouravi. /Ettelaat-e siyasi va eghtesadi N53–54, 1970. P. 8. URL: ensani.ir/fa/article/102046. (Дата обращения 09.11.2021).

³⁰ *Navazeni B.* С. 19.

Французские востоковеды о советско-персидском договоре 1921 г.

Французские востоковеды, специалисты по современной истории Ирана, не обходят вниманием Советско-иранский договор о дружбе 1921 г., рассматривая его как знаковое событие в истории этой страны. Хотя во Франции мы не находим книг, монографий, диссертаций, посвящённых исключительно этому соглашению, о нём упоминают, когда говорят об Иране в период Первой мировой войны, францужско-иранских отношениях в период между двумя мировыми конфликтами, февральском перевороте Реза-хана, Дженгелийском движении, истории левого движения в Иране, идеологическом влиянии советского государства на Иран. В целом хронология событий, оценки этого документа, исторического контекста его подписания, его роли для дальнейшего развития Персии во многом совпадают с имеющимися в российской историографии. Французские авторы, анализируя доступные им исторические документы (воспоминания, дневники, дипломатическую переписку

и т. п.), довольно часто расставляют акценты немного по-разному. Мы попытались здесь представить работы современных французских исследователей и некоторые архивные данные на французском языке, где отношения России и Ирана в целом, и советско-иранский договор 1921 г., в частности, рассматриваются не под традиционным для российских учёных углом зрения.

Ещё в 1976 году в научном журнале «Внешняя политика» вышла статья Махмуда Хаджинури «Эволюция внешних связей Ирана с начала XIX века до Второй мировой войны»¹, где Советско-иранский Договор о дружбе 1921 г. рассматривается в его историческом контексте. Формирование Антанты во время Первой мировой войны (1914–1918) трансформирует традиционное англо-русское соперничество в сотрудничество, позволяющее двум державам приступить к разделу Ирана. Автору кажется очевидным, что победа Российской империи и Великобритании в Первой мировой войне привела бы к окончательному разделу Ирана между этих двух держав. Но большевистская революция заставила Россию пересмотреть свою политику, что привело к изменению ситуации в Иране. Автор замечает, что значительное ослабление армии Османской империи произошло почти одновременно с революцией в России. Последнее развязало руки Британской империи, которая, получив в своё распоряжение территорию Ирака, становится соседом Персии не только на востоке, но и на западе. Иран рассматривается британским внешнеполитическим ведомством во главе с лордом Керзоном, бывшим вице-королём Индии как мост между Ираком и Индией. Имея целью создания на Кавказе автономных государств, Великобритания помогает российскому Белому движению с территории Ирана. Таким образом, с окончанием Первой мировой войны Иран, по мнению М. Хаджинури, был редуцирован до статуса английской военной базы.

Далее автор кратко останавливается на дипломатических инициативах нового советского правительства, подчёркивая трудности их практической реализации. Так как, с одной стороны, посланник царской России Н. Эттер всё ещё остаётся в контакте с шахским двором, а, с другой стороны, русские офицеры, осуществля-

ющие руководство Персидской казачьей бригадой, проявляют ярко выраженную враждебность к новому российскому правительству. «Великобритании тоже вряд ли комфортно видеть, как Иран устанавливает отношения с новым советским режимом». В этом видит автор причины неудач миссий Бравина и Коломийцева.

Военные успехи Красной армии в подавлении антиреволюционных движений в России позволили советским руководителям говорить с Ираном с позиции силы. Кроме поддержки дженгелийского движения Мирзы Кучек-хана в Гиляне, они посылают русский флот в Энзели. Великобритания в свою очередь, потеряв всякую надежду на проникновение на Кавказ и столкнувшись в Иране с жёсткой оппозицией своей политике, перестаёт настаивать на непрременной ратификации Англо-персидской конвенции 1919 г.. В конце 1920 г. Великобритания требует заменить русских офицеров на службе шаха британскими. Автор считает, что падение проанглийского иранского правительства во главе с Восугом-од-Доуле создало почву для российско-иранского соглашения, подписанного в первые дни правительства Сеида Зия ад-Дина.

Само соглашение описывается в общих чертах: «Советское правительство согласилось отказаться от преимуществ, полученных русскими царями, а также от своих прав в отношении российских займов, предоставленных Ирану; оно заявил о своей готовности отказаться от любой политики зон влияния и режима капитуляций, навязанного Ирану с 1828 г.; и, наконец, оно обязуется вывести свои войска с иранской территории». Подписанием советско-иранского договора 1921 г., заключает автор, «заканчивается период безраздельного влияния Британии в Иране».

В 2007 году профессор политологии Лувенского университета в Бельгии Роман Якемчук выпускает в издательстве L'Harmattan книгу под названием «Иран в отношениях с мировыми державами» (*L'Iran face aux puissances*)², в первой главе которой имеется отдельный раздел о советско – иранском договоре. Автор вкратце излагает историю заключения и содержание договора, вопрос границ, Каспийского моря, подробно (что встречается не часто) говорит об экономических и внутривнутриполитических преимуществах

для Ирана новой советской политики. Однако, пишет автор, «Все эти положения, весьма благоприятные для Ирана, компенсировались тем фактом, что Россия оставляла за собой право на возможную военную интервенцию в Иран, создавая последнему угрозу политической зависимости»³. Говоря о 5-й и 6-й статьях Договора, Р. Якемчук приводит заявление Ф. А. Ротштейна от 12 декабря 1921 г. о временном характере возможных военных операций в Иране и обязательствах Советской России немедленного и скорейшего вывода войск из Ирана по их окончании. В качестве примера практического применения 6-й статьи заключённого договора автор называет ввод войск в Иран в годы Второй мировой войны и советско-иранские трения вокруг вступления Ирана в 1955 году в Организацию Центрального Договора (Багдадский Пакт). Автор также подчёркивает изначальную антибританскую направленность советско – иранского договора.

Клеман Тэрм, автор монографии «Отношения между Тегераном и Москвой начиная с 1979 г.»⁴ считает подписание этого договора результатом провала политики большевиков, направленной на советизацию северных иранских провинций. Как и принято в большинстве западных источников, речь идёт исключительно о 5-й и 6-й статьях договора. Автор упоминает о развернувшейся в 1921 г. дискуссии на страницах прогрессивного иранского журнала «Каве», издаваемого Хасаном Такизаде, об этом Договоре с целью «его исправления». Предлагалось прояснить вопросы о том, кого следует считать врагами России и Ирана и что надо понимать под их намерениями причинить вред двум странам. К. Тэрм приводит цитату из «Каве», где 5-я статья Договора называется несовместимой с иранскими национальными интересами по причине того, что Россия никогда не выполняла условия 14-й статьи Туркманчайского договора, а именно депортацию в Иран иранских оппозиционеров и преступников. Тем не менее, согласно «Каве», Договор 1921 г. «смывает стыд Туркманчая», но усиливает русское влияние при дворе и тормозит модернизацию Ирана, не создавая достаточных условий для мира в Иране. «Несмотря на то, что Договор представляет большой интерес, не следует

слишком радоваться. Те, кто радуются, не имеют опыта. Не следует полагать, как делают многие оптимисты, что угроза с севера исчезнет. Это наивный взгляд на этот Договор», – заключают авторы «Каве», цитируемые К. Тэрмом.

Основной причиной заключения договора Клеман Тэрм считает стремление Москвы обеспечить безопасность своих южных границ. Однако, подчёркивает автор, идеологический фактор также всегда играл важнейшую роль в российско-иранских отношениях, что и стало причиной участия Советской России в дженгелийском движении. Последнему автор отводит несколько строк, подчёркивая несовместимость идей мусульман-националистов Кучекхана с марксистской идеологией⁵. В этом видит автор и причину падения Гилянской Социалистической Республики. «Идеологическое измерение, лежащее в основе отношений между Советской Россией и Персией в период сразу после окончания Первой мировой войны, не является основным определяющим критерием двусторонних отношений. В силу географической близости двух стран, эти отношения в первую очередь обусловлены вызовами *Realpolitik*, в частности, необходимостью стабилизации общих пограничных районов и эволюцией баланса сил между двумя соседями»⁶. Проникновение социалистических идей в Иран в силу значительного миграционного потока из советских республик Кавказа не остановилось с подписанием Договора 1921 г. и оставалось фактором разногласий в советско-иранских отношениях вплоть до конца двадцатых годов. И только осторожная и взвешенная позиция Резы Пехлеви во внешней политике позволила иранской дипломатии воплотить в жизнь свою стратегию равновесия между Москвой и Лондоном, заключает Клеман Тэрм.

На важность Ирана для Советской России с идеологической точки зрения указывает Талин Тер-Минасян, преподаватель парижского INALCO (Национальный Институт восточных языков и цивилизаций)⁷. «Цели, большевистской России на Востоке были сформулированы уже в 1918 году Константином Трояновским в терминах, которые, вероятно, поддержал бы Пётр Первый: «Наша главная цель – Индия. Персия – единственный путь, который к ней ведёт.

Персидская революция является ключом к революции на всём Востоке, так же как Египет и Суэцкий канал стали ключом британского доминирования на Востоке. Персия – это Суэцкий канал революции», – пишет исследовательница. Однако, по её мнению, в 1921 году гипотетическая иранская революция столкнулась с новым дипломатическим курсом, продиктованном советским «государственным интересом». Советско-иранский договор положил конец политике поддержки национал – коммунистов Ирана и знаменует собой выбор советских руководителей (Сталина, Чичерина, Карахана) в пользу дипломатии безопасности. Последняя, в свою очередь, препятствовала получению англичанами преимуществ, прописанных в англо-иранском соглашении 1919 г. Талин Тер Минасян достаточно подробно рассказывает в своей статье о миссиях А. О. Коломийцева и Ф. А. Ротштейна в Тегеране, подчёркивая трудности, с которыми сталкивались первые советские дипломаты. В этом отношении она приводит цитату из воспоминаний Р. Бертрона, французского военного атташе в Персии: «Ротштейн, вступив на свой пост, оказался лишён средств, обеспечивавших успех его царских предшественников: военной силы, денег и колонистов; у него ещё не было тех, кто позволил бы восстановить русско-персидскую торговлю и, наконец, он должен был воздержаться от игры в марксистское евангелие, пересмотренное и усиленное Лениным. Желая, однако, скорейшим образом обезопасить себя от английской угрозы, Советское правительство решило действовать, разыгрывая карту персидского национализма. В противовес англо-персидскому соглашению 1919 г., которым Великобритания мёртвой хваткой подчиняла себе Персию, Советское правительство заключило договор 1921 г., признавший иранскую независимость, оно отказалось от капитуляций и щедро уступило всё имущество, которым на территории Персии владело царское правительство и русские компании»⁸.

Ситуация в Персии во время Первой мировой войны и по её окончанию, интересная нам как исторический контекст заключения советско-иранского договора 1921 г., великолепно описана в книге «Иран в XX веке»⁹ Жан-Пьерра Дигара, Бернара Уркада

и Яна Ришара. Авторы подчёркивают, что объявленный Персией 1 ноября 1914 г. нейтралитет в Первой мировой войне остался лишь на бумаге, поскольку в то время Иран не имел никакой возможности защитить себя от иностранной интервенции по причине отсутствия регулярной армии. Национальная иранская жандармерия, имея в своих рядах немало патриотически настроенных иранских офицеров под шведским командованием, была первым шагом в этом направлении, однако созданная на деньги англо-русского займа 1912 г. она оставалась достаточно неустойчивым и ненадёжным воинским формированием. «В Иране существовал только один по-настоящему оперативный армейский корпус – Персидская казачья бригада, которой командовали русские офицеры. По этой причине она являлась соучастницей оккупации севера страны одной из главных воюющих держав»¹⁰. К тому же, подчёркивают авторы, отягощающим обстоятельством являлся племенной характер иранского общества того времени. Приоритет этнической сплочённости над общенациональными чувствами позволял иностранным державам разделять силы, которые им сопротивлялись, или использовать в своих интересах военные возможности того или иного национального меньшинства, в особенности, курдов, бахтиаров, гашкаи, гилянцев.

Далее авторы достаточно подробно рассказывают о деятельности воюющих сторон (немцев, британцев, русских, турок) и автономистских движений на территории Ирана. Российскому читателю, несомненно, будет интересна часть, посвящённая планам и деятельности французской дипломатии в Иране во время Второй мировой войны и по её окончании. Несмотря на все тяготы этого мирового конфликта, разорвавшего французские провинции, Франция не потеряла интереса к своим историческим позициям на Среднем востоке. Несмотря на данные курдам обещания поддерживать их стремления к независимости, в 1916 г. она подписывает секретное соглашение Сайкса – Пико по разделу сфер влияния на Ближнем Востоке по окончании Первой мировой войны, по которому она среди прочего претендует на территории Северного Ирака (вилайет Мосул), населённого преимущественно кур-

дами и христианами. Согласно этому соглашению, Персия становится соседом Французской империи. Посланником в Тегеране в этот период был опытный дипломат Рэмон Лекомт, который предлагал много усилий, чтобы противодействовать немецкому влиянию в Персии. Он подтолкнул союзников к решению усилить русское военное присутствие в Казвине и организовать наступление казаков на Тегеран. Лекомт не верил в российскую инициативу привлечь Персию в антигерманскую коалицию, обещая им святые шиитские города в Месопотамии после победы в войне. Он понимал, насколько ревностно относятся англичане к попыткам решать судьбы этих территорий без них. Авторы считают, что именно благодаря Лекомту союзники одержали психологическую победу в ноябре 1915 г., когда Ахмад-шах остался в Тегеране, лишив, таким образом, немцев триумфа увести монарха и его правительство в изгнание.

Многие проекты по возобновлению французского присутствия в Иране, которые долгое время оставались в архивах французского МИДа, увидели свет в этот период. Это и возрождение французских школ, и создание франко-персидского университета, и отправка в Иран военной миссии. «В 1917 году французы, недооценив британскую гегемонию, уже планировали занять в Персии место, оставленное вакантным русскими и немцами»¹¹. Основную роль в этом деле должны были сыграть французские миссии, ориентированные на христианские меньшинства и элиту, но драматические обстоятельства окончательно остановили этот порыв. В 1917 году Франция решает направить на Кавказ передвижной военный госпиталь под названием «Амбуланс»¹², чтобы помочь царской армии в ожидаемых сражениях с турками. Эта хорошо оборудованная гуманитарная миссия в конечном итоге была направлена в район Урмие, где многочисленное христианское население опасалось возможного отступления русских и зверств османской армии. Тепло встреченная вначале как мусульманами, так и христианами, «Амбуланс», оказывая помощь всем нуждающимся, оказалась втянутой в сложный религиозно-этнический конфликт. После отступления российских войск ассирийцы-халдеи, кото-

рым британское руководство дало надежду на образование автономного христианского королевства, с помощью «Амбуланс» сформировали христианское ополчение. Последнее вызвало возмущение прибывших из Тебриза персидских националистов, которые вместе с лидером курдов Исмаилом-ага Симко организовали убийство патриарха ассирийской церкви Мар-Шимуна, что стало причиной «начала настоящей гражданской войны». Французской миссии удалось избежать массовых убийств, чего нельзя сказать о брошенном христианском населении этого региона, обречённом на неподготовленное и губительное изгнание в сторону Хамадана и Багдада, до которых живыми добрались меньше половины, около 75 тыс. человек. «Эта более чем тысячелетняя христианская община пережила травму, сравнимую во всех пропорциях с геноцидом армян в Османской империи. Для Франции это стало провалом политики защиты христианских меньшинств в Иране»¹³.

Далее авторы подробно рассказывают о бедственном положении Персии в 1918–1919 гг., о дженгелийском движении, восстании Хиабани, других местных мятежах и доминировании Ирана британцами. Отмечается, что «по окончании войны союзники (имеется в виду Великобритания и Франция) возобновили своё прежнее державное соперничество, в особенности, на Среднем Востоке, при этом проявляя внешнее единодушие, особенно, когда речь зашла о не допуске Ирана на Версальскую конференцию»¹⁴. Однако франко-британская солидарность заканчивается, когда французские дипломаты узнают о тайном подписании Англо-персидского соглашения в августе 1919 г. Рассматривая этот договор, авторы книги отмечают многочисленные преимущества, получаемые Великобританией от этого соглашения, но также считают, что «Англо-персидское соглашение было отличным способом финансирования модернизации, моделью которой для всех иранских политиков и интеллектуалов того времени могла быть только Европа»¹⁵. Предполагаемая легализация Южно-Персидских стрелков должна была стать основой для создания в Иране национальной унифицированной армии, о чём иранские националисты мечтали ещё в 1906 г. Соглашение препятствовало не только возвращению

немцев и русских в Иран, но и приходу французов и американцев, которые могли попробовать занять их место. Однако без ратификации в Меджлисе соглашение оставалось незаконным. По мнению авторов, Англо-персидское соглашение 1919 г. «шло вразрез с духом Версальской конференции, где союзники договорились справедливо поделить преимущества среди победителей, а также и с идеями уважения к суверенитету народов недавно созданной Лиги Наций, доктрина которой послужила правовой базой для создания других протекторатов на Среднем Востоке»¹⁶.

Говоря об истории заключения тайного англо-персидского соглашения, авторы упоминают о получении иранским премьер-министром Восугом-од-Доуле, министром финансов Саремом-од-Доуле Массуд (Акбар Мирзой) и министром иностранных дел Фируз-мирзой Носрет од-Доуле взятки размером в 500 тыс. томанов каждому от английских переговорщиков. Однако указывается, что деньги эти служили не их личному обогащению, а в большей степени покупке молчания возможных противников этого соглашения.

Практическая реализация англо-персидского соглашения 1919 г. представлялась задачей почти невозможной, принимая во внимание его непопулярность и рост национально-освободительных и протестных движений во всех уголках Ирана. И если в Гиляне и Азербайджане англичане поддерживали центральное правительство, то в других регионах их позиция была не так очевидна. В особенности это касалось богатых нефтью Лурестана и Хузестана, где шейх Хазал аль-Кааби, глава арабских племён, обеспечивал англичанам безопасность их буровых установок и за это не только получал оружие, но и пользовался определённой независимостью от Тегерана. Последнее, по мнению авторов, «в очередной раз демонстрировало британское попираание принципов суверенитета и национального единства Ирана»¹⁷. В качестве другого доказательства английского равнодушия к территориальной целостности Ирана авторы приводят, на наш взгляд, ранее неизвестные факты. Столкнувшись с большими финансовыми трудностями содержания армии в Казвине, ростом дженгелийского движения на севере Ирана, а также, «не подозревая о проходящих

в Москве переговорах, где Советская Россия брала на себя обязательства уважать территориальную неприкосновенность Ирана, Лондон предполагал такой персидский сценарий – на севере существует Персидская Советская республика, столица перенесена в Исфаган под английскую защиту, и нефть в полной безопасности продолжает течь в Персидский залив. Однако India Office отвергло это решение, опасаясь его влияния на мусульман Индии»¹⁸.

Стараясь выявить причины произошедшего в Иране февральского переворота, авторы приходят к выводу, что «Персия никогда не подвергалась большей опасности, как по окончании Первой мировой войны: ослабленная четырьмя годами борьбы иностранных армий на своей земле, неспособная заставить других соблюдать свой нейтралитет и возместить нанесённый ей ущерб, частично оккупированная английскими и советскими войсками, раздираемая местными восстаниями, она была почти продана Великобритании в 1919 году»¹⁹. «Защита её национальных интересов была возложена на коррумпированные элиты, уставшие от дворцовых интриг, и на слабую и непопулярную монархию. Молодой и алчный Ахмад-шах, с его благородными идеями о демократии, но не обладавший авторитетом, стремился, прежде всего, создать правительство, которое могло бы продержаться во время его поездок в Европу, и обеспечить финансирование его имперской лени англичанами, которых он, кстати, ненавидел. Эта деградация иранских политиков к 1921 году резко контрастировала с растущим стремлением иранских элит к международному признанию их страны и её участию в крупных событиях мировой истории. Персия вступает в Лигу Наций с самого начала её создания, её экономика всё больше и больше оказывается связанной с нефтью – самым современным из источников энергии. Все современные идеологические течения уже достигли страны, будь то демократические идеалы, коммунизм или либерализм. Кроме того, Иран находится в центре региона, охваченного после войны глубокими политическими преобразованиями: с одной стороны, большевистская революция в России, и, с другой, подъем национализма на руинах Османской империи, осо-

бенно в Ираке и Сирии, а также исламские и националистические волнения в Индии».

Собственно советско-персидский договор рассматривается авторами в 3-ей главе «Реза Пехлеви. Создание современного Ирана». Приводится краткое содержание Договора в целом в позитивных тонах. Указывается, что возобновление российско-иранских торговых отношений после подписания этого соглашения привело к снижению в Иране цен на сахар и нефть, импортируемых из Баку. Однако, по мнению авторов, российское руководство, несмотря на выраженное желание положить конец царской политики относительно Персии, долго не могло выработать единую стратегию по отношению к этой стране. С одной стороны, пишут авторы, Советская Россия подписывает «щедрое» соглашение с Ираном, а, с другой, «500 солдат Красной Армии вновь высаживаются в Энзели 2 июля 1921 г., укрепляя таким образом политический пакт, заключённый два месяца назад между лидером дженгелийского движения Кучек-ханом и Гейдар-ханом»²⁰. Авторы упоминают об известных разногласиях в советском руководстве по поводу военных действий в Иране. После подписания советско-британского торгового соглашения и вывода войск Красной Армии из Персии «кровавое сведение счетов между дженгелийцами и коммунистами»²¹ помогло Реза-хану навсегда подавить это шестилетнее восстание»²². Последнее, по мнению учёных, окончательно развеяло предположения англичан, что новый сильный лидер в Тегеране проявляет лояльность к Советам.

Известный французский историк-иранист Ян Ришар в своей книге «Иран с 1800 г. по наши дни»²³, которая до сих пор остаётся наиболее полным исследованием современной истории Ирана, не рассматривает в деталях содержание советско-иранского договора 1921 г., хотя он несколько раз упоминается в сравнении с ирано-британским соглашением 1919 г., деятельностью премьер-министра Восуга-од-Доуле, а также в контексте дженгелийского движения. Последнему в книге уделено 10 страниц (208–218), и это наиболее полное (если не считать статей Владимира Гениса на французском языке²⁴) описание гилиянского восстания. Ян Ришар

считает, что «большевистская революция поставила Персию в ещё более уязвимое положение, поскольку, среди прочих последствий, она свела на нет роль России в качестве противовеса британскому давлению»²⁵.

Автор развивает идею о том, что Первая мировая война стала важнейшим фактором роста иранского национализма. «Ни постоянные посягательства европейцев на иранскую экономику, ни их вмешательства в политическую жизнь Персии с начала эпохи Каджаров не способствовали в такой степени осознанию иранцами необходимости резкого политического поворота и самопожертвования, как это сделала Первая мировая война»²⁶. Европейские армии, ведя военные действия на территории Ирана, ни коим образом не защищали иранцев. Турки планировали захватить иранский Азербайджан, британцы вели себя на юге Ирана так, как будто нефть не имела никакого отношения к центральному правительству Тегерана. Христианским населением Азербайджана манипулировали, обещая им создание собственного государства, забывая, что последние являлись персидскими (или турецкими) гражданами. По окончании Первой мировой войны, считает Я. Ришар, не трудно было предположить, что Иран ждала судьба Османской империи – быть расчленённым на отдельные территории. Процесс этот уже начался восстаниями в Гиляне и Азербайджане. Однако главной целью этих мятежников национальных окраин был не сепаратизм, а освобождение Ирана от иностранных армий и коррумпированной элиты. «Повстанцы хотели избежать позора иностранной опеки. Мощь национального подъёма оказалась сильнее, чем ожидалось»²⁷. И даже политики, которых история напрасно недооценила, оказываются умелыми и изобретательными, способствуя возрождению иранского государства. Ян Ришар в своей книге пытается исправить эту историческую несправедливость, говоря о деятельности Восуга-од-Доуле, который, как известно, стал создателем с иранской стороны советско-иранского договора. Автор подчёркивает, что долгое время в Иране руководители этого периода оставались в тени, а восхвалялись яркие, но лишённые политических идей, герои тебризского восстания

(Саттар-хан и Багер-хан). А в период Пехлеви вообще считалось хорошим тоном очернять всех политиков до февральского переворота 1921 г. В качестве примера приводится оценка иранского историка Мехди Бамдада, который называет Восуга-од-Доуле «предателем и мошенником». Британские дипломаты этого периода также было представлять местные политические элиты как бездарные и коррумпированные, чтобы оправдать необходимость английского вмешательства. Эти же идеи они активно внушали своим союзникам во время мирных переговоров в Версале²⁸. При этом важнейшие дипломатические инициативы Восуга-од-Доуле остались незамеченными. Среди последних Ян Ришар подчёркивает подготовку Персии к послевоенным переговорам на Версальской конференции и создание им Комиссии по возмещению ущерба. Именно он формулирует персидские требования, переданные союзникам персидской делегацией в Париже во главе с Мошавер ол-Мамалекком. Параллельно Восуг ведёт тайные переговоры с англичанами о Договоре 1919 г., как бы предвидя возможную неудачу своего министра иностранных дел на Версальской мирной конференции. Британцы по этому договору давали Ирану гарантии «абсолютного уважения независимости и территориальной целостности Ирана». Однако премьер-министр, сам подписавший этот договор, видел в нём лишь «второе лучшее решение», которое могло стать окончательным только после его маловероятной ратификации Меджлисом. Поэтому он обращается за помощью к французам, чтобы избежать принятия ирано-британского договора. За спиной англичан «Восуг открывает второй фронт», отправляя в ноябре 1919 г. делегацию во главе с известным англофилом Сеидом Зия ад-Дин Табатабаи в Баку и Тифлис. Цель этой миссии – убедиться в отсутствии у ещё не ставших советскими республик Кавказа экспансионистских побуждений по отношению к Ирану и заложить основы регионального сотрудничества. И, наконец, Восуг-од-Доуле предпринимает третью инициативу, которая приведёт к результату уже после падения его правительства, – это «советско-иранский договор о дружбе, который, с иранской точки зрения, оставался в силе до 1979 г. и, с советской, до 1990 г.»²⁹. Это, как мы видим, юри-

дическая неточность, поскольку до сих пор этот Договор является действующим с российской стороны, как преемницы СССР, а иранцы, начиная с 1979 г., не признают только две из 26 его статей³⁰. Тем не менее Ян Ришар подчёркивает прагматизм Восуга-од-Доуле, который дал указания своему министру иностранных дел на переговорах в Москве отказаться от территориальных претензий к Советской России, хотя ещё на Конференции в Версале Иран настаивал на возврате ему территорий, отторгнутых по Туркманчайскому и Гюлистанскому мирным трактатам. Говоря об аннулировании иранских долгов, автор указывает, что «эта задолженность, исчисляемая в рублях, уже значительно обесценилась вследствие проведённых после революции девальваций»³¹. А отказ россиян от капитуляционных преимуществ Туркманчая демонстрировал их уважение к иранскому национализму. «Договор в некотором роде ответил на циничное безразличие, с которым англичане осенью-зимой 1920–1921 годов использовали страх перед большевистским вторжением в Тегеран, чтобы подтолкнуть иранцев к выполнению – до любой ратификации – пунктов англо-персидского соглашения 1919 г.»³².

Ещё более развёрнутую попытку реабилитации иранского политика Восуга-од-Доуле и его соратников делает ученик Я. Ришара, а теперь уже профессор парижского университета Новая Сорбонна (Sorbonne Nouvelle) Оливер Баст. В своей статье «“Итоги войны” нейтральной Персии во время Первой мировой войны»³³ он рассматривает роль внешней политики Персии в стабилизации ситуации в стране после окончания Первой мировой войны. Получение окончательных гарантий территориальной целостности, укрепления границ сделали, «наконец, возможным ускорить процесс национального строительства, который с 1906 г. постоянно прерывался иностранными вмешательствами. В этом смысле договор между Персией и большевистской Россией от 26 февраля 1921 г., инициированный весной 1920 г. лично Восугом-од-Доуле, без сомнений, гораздо важнее государственного переворота Сеида Зия и Реза-хана, предшествовавшему ему на несколько дней (21 февраля 1921 г.)». Учёный приходит к выводу, что даже если на первый

взгляд кажется, что в послевоенный период «консолидация Персии явилась для неё просто божественным подарком как геополитический результат войны», необходимо подчеркнуть достоинства персидской дипломатии и ту важную роль, которую она сыграла в достижении этой завидной позиции. «Нейтральная Персия, после того, как вся её территория была превращена в поле битвы, “проиграла” войну, но её дипломаты своим утончённым умом “завоевали” Мир».

Собственно о заключении советско-иранского договора о дружбе он пишет: «В конце 1919 г. в России произошли коренные изменения, эффект которых вскоре начал ощущаться и в Персии». До этих пор Восуг-од-Доуле и его министр иностранных дел Фируз (принц Фируз Носрет од-Доуле) при британской поддержке продолжали пытаться сломить оставшееся влияние дипломатов и военных царской России, опасаясь возрождения их имперской политики в Персии. Но в начале 1920 г. большевики перешли в наступление, и в Тегеране стало нарастать чувство непосредственной опасности. Если англо-персидское соглашение и призвано было служить какой-либо цели, то именно для того, чтобы помочь предотвратить эту опасность. Но настоятельные призывы персидского премьер-министра о помощи в первые недели 1920 г. не были услышаны в Лондоне. Восуг-од-Доуле, не питая больше иллюзий на предмет соглашения с британцами, извлёк из этого молчания единственный логичный урок: в конце февраля 1920 г. он сообщил Фирузу о своём решении послать миссию на переговоры в Москву. Поиск соглашения с большевистской Россией приводит премьер-министра к необходимости проведения перестановок в кабинете, призванных дать ему необходимую свободу манёвра: Акбар Массуд Мирза Сарем од-Доуле, убеждённый англофил, удалён из кабинета, несмотря на британские предупреждения.

Далее в примечаниях автор даёт краткое содержание этого договора со ссылкой на его запись в Лиге Наций в 1922³⁴ г. Как и многие другие авторы О. Баст ошибается, говоря, что Договор 1921 г., аннулировав Туркманчайский договор 1828 г., снял запрет на навигацию для иранских судов в Каспийском море. Как

известно, в Туркманчайском договоре речь шла только о военных кораблях³⁵. Говоря о статьях 5 и 6 Договора, автор замечает, что «очень важная прерогатива была предоставлена русским, в ущерб персидскому суверенитету».

Переговоры о равноправном договоре могли оказаться под вопросом из-за высадки войск Красной Армии в Энзели. Иранский премьер-министр опять вынужден был вести «двойную игру». С одной стороны, он продолжает поддерживать контакты с большевиками, а с другой – поручил своему министру иностранных дел передать этот вопрос на рассмотрение Лиги Наций. На первый взгляд эта инициатива получает лишь незначительный результат. Тот факт, что большевистская Россия, не признанная державами-победительницами, не является членом Лиги Наций, исключил посредничество последней, которая ограничилась лишь заявлением о своей моральной поддержке Персии, рекомендовав ей достичь прямого соглашения с Советами. «Однако голосование по этой резолюции означает, что главная существующая международная организация одобряет линию, тайно проводимую Восуг-од-Доуле, то есть поиск компромисса с большевистской Россией, в то время как одно лишь упоминание об этой политике вызвало несколькими неделями ранее гнев Керзона, возмущённого неблагодарностью персидского премьера». То, что, несмотря на британское и французское несогласие, Персия подала жалобу в Лигу Наций является очень важным шагом на пути к признанию Персии в качестве суверенного государства в международном сообществе. Этот персидский запрос в Лигу Наций, по мнению О. Баста, имел значительно большее измерение, далеко выходящее за рамки собственно российско-большевистского вторжения. «Именно поэтому Восуг-од-Доуле и его министр иностранных дел потратили так много энергии на защиту якобы бесполезной для их страны жалобы в Лигу Наций, став до сегодняшнего дня посмешищем иранских историков...» Однако последние упускают из вида, что после этого инцидента опасный аргумент, постоянно повторяемый Францией с 9 августа 1919 г., согласно которому Персия утратила право быть частью Лиги Наций, подпи-

сав своё соглашение с Великобританией, окончательно потерял всякое значение.

Кроме того О. Баст отмечает, что поскольку советско-персидский договор был подписан после государственного переворота Реза-хана 21 февраля 1921 г., в «историографии принято его расценивать как первый внешнеполитический акт лично нового шаха Резы Пехлеви и даже не его нового премьер-министра Сеида Зия. На самом же деле инициатором является Восуг-од-Доуле, “предатель отечества”...»

Интересно, что несколькими годами раньше под редакцией Оливера Баста выходит сборник статей «Персия и Первая мировая война»³⁶ по результатам организованной им в Тегеране в марте 1997 г. одноимённой конференции. Во введении этой книги О. Баст, отмечает, что, хотя Первой мировой войне было посвящено большое количество исследований в Европе, в Иране эта тема привлекла лишь незначительное внимание со стороны историков. Учёный констатирует, что ситуация в Персии до Первой мировой войны, когда ставился вопрос о её существовании как суверенного государства, резко контрастирует с её положением после окончания этого мирового конфликта. «Несмотря на многочисленные вторжения иностранных армий на иранскую землю, Персия не потеряла ни одного квадратного метра своей территории»³⁷. Более того, в 1919 году иранская делегация готовилась представить на Парижской мирной конференции длинный список своих территориальных претензий. Независимость Персии становится неоспоримой, она превращается в полноправного члена Лиги Наций. «Впервые отношения Персии с Россией становятся объектом урегулирования между априори равными партнёрами»³⁸. Что касается отношений Ирана с другой опекавшей его державой, ему удалось избежать заключения англо-персидского договора 1919 г., «в принципе вряд ли противоречащего национальным интересам Персии, но имеющего вероятность быть извращёнными с целью установления британского протектората над Персией»³⁹.

Кроме изменения международного статуса Персии, эволюция страны с 1921 г. позволяет автору выдвинуть гипотезу, что Первая

мировая война стала для Ирана «катализатором» модернизации страны.

Пытаясь объяснить каким образом, несмотря на неблагоприятную ситуацию Персии в начале мирового конфликта, её имя не исчезло с географических карт, автор приводит ряд геостратегических факторов, сыгравших в пользу Ирана. И среди них, кроме разрушения Османской империи и новых интернациональных концепций президента Вильсона, он называет «большевистскую революцию в России, которая создала благоприятные условия для реализации национальных перспектив Ирана»⁴⁰.

Оливер Баст вступает в полемику с историками, отмечая исключительные негативные последствия Первой мировой войны для Ирана, в частности, с Ервандом Абрахамияном, который называет период с 1911 по 1921 гг. в истории Ирана «периодом дезинтеграции»⁴¹, закончившимся только после февральского переворота. По мнению О. Баста, это не переворот принёс Персии «интеграцию», не существовавшую до этого, а деятельность иранских кабинетов в течение всей Первой мировой войны и последующей мирной конференции смогла остановить расчленение Персии. И далее он приводит пример советско-персидского договора: «Более того, если ирано-советский договор от 26 февраля 1921 г. (почти представленный Абрахамияном как заслуга нового правительства, пришедшего к власти в результате переворота) был подписан через несколько дней после переворота, то переговоры по его подготовке, очевидно, начались гораздо раньше. Поэтому вместо того, чтобы искусственно делать 21 февраля 1921 г. «точкой отсчёта» совершенно новой эры и конечной точкой так называемого «периода распада» между 1911 и 1921 гг., мне кажется необходимым рассматривать государственный переворот в непрерывности развития, которое началось задолго до этого, то есть в ходе войны»⁴².

Таким образом, для Оливера Баста политика Советской России по отношению к Ирану и советско-персидский договор 1921 г. являются, с одной стороны, условием и показателем достижения Персией независимости, а, с другой стороны, плодом дея-

тельности патриотически настроенных персидских руководителей до государственного переворота Реза-хана, главным образом Восуга-од-Доуле.

Другой исторический труд на французском языке, который хотелось бы представить российским востоковедам в связи с обсуждением вопроса о советско-иранском Договоре, это книга, выпущенная под редакцией Яна Ришара «Французский взгляд на государственный переворот 1921 г. в Персии. Личные дневники Жоржа Дюкрока и Элен Хоппено»⁴³. Ян Ришар публикует и комментирует дневники Жоржа Дюкрока, французского военного атташе в Тегеране с декабря 1919 г. по октябрь 1921 г. и Элен Хоппено, жены Анри Хоппено, одного из работников посольства в этот же период. Приводятся журналы, касающиеся не только событий государственного переворота 21 февраля 1921 г., но и все записи двух свидетелей во время их пребывания в Персии. Если почти ежедневные записи Дюкрока, его корреспонденция, написанные им статьи рассказывают, главным образом о политической жизни Ирана того времени, то Элен Хоппено пишет свой дневник для развлечения и уделяет больше внимания обычной жизни Тегерана и французской миссии того времени. И это не единственная причина рассматривать эти документальные материалы вместе. Авторы – люди разных взглядов, знакомые, но не проявляющие симпатий друг к другу. Дюкрок – антикоммунист и англофоб, стремящийся к восстановлению утраченных позиций Франции на Ближнем востоке, в то время как семья Хоппено восхищается британцами. В их дневниках можно найти портреты ведущих иранских и европейских (включая, русских и советских) политиков. Так, например, Жорж Дюкрок уделяет немало вниманию описанию так называемого дела Израиленко (Азраиленко), украинского (российского, польского) беженца, нашедшего защиту в посольстве Франции. Его выдачи настоятельно требовал первый советский посол в Иране Фёдор Аронович Ротштейн. Несомненно, что эта книга, как первичный источник, заинтересует российских историков, тем более, что усилиями Французского исследовательского института в Иране она была переведена на персидский язык⁴⁴.

Итак, рассмотрев наиболее важные работы французских востоковедов, касающихся советско-персидского договора о дружбе 1921 г., хотелось бы выделить некоторые моменты, являющиеся общими для французских авторов.

Во-первых, принятие этого документа рассматривается как результат и окончательное завершение Первой мировой войны, в которой Иран, объявив о своём нейтралитете, формально не участвовал, но понёс все тяготы военных действий иностранных армий, находящихся на его территории. Этот мировой военный конфликт как никакое другое событие способствовал росту иранского национализма.

Отмечается, что российская революция, с одной стороны, поставила Персию в ещё более невыгодное положение, усилив британское влияние на эту страну, апогеем которого стало Англо-персидское соглашение 1919 г. Последнее во Франции рассматривается как ущемляющее суверенитет Ирана, однако, некоторые исследователи подчёркивают, что оно могло бы сыграть для Персии модернизирующую роль. С другой стороны, социалистическая революция заставила Советскую Россию отказаться от империалистической политики в Иране, сделав возможным представить себе другую модель российско-иранских взаимоотношений.

Среди французских иранистов советско-персидский договор, получает исключительно позитивные оценки. Указывается роль этого документа для развития Ирана, роста его независимости и суверенитета. Большинство авторов, отмечая не полную его равноправность, всё же рассматривают 5-ю и 6-ю статьи Договора как сравнительно небольшую компенсацию за полученные Ираном политические и экономические преимущества.

По поводу процесса заключения Договора и советско-иранских переговоров отмечается, что довольно долго Советское государство не могло определить свою позицию по отношению к дженгелийскому движению, говорится о теоретических дебатах в советском руководстве, указывается двойственность советской политики на иранском направлении. Однако подчёркивается, что прагматические вызовы необходимости обеспечения безопасности границ

и выхода из экономической блокады в конечном счёте, взяли верх над идеологическими задачами.

В отличие от иранских историков эпохи Пехлеви и некоторых англо-саксонских авторов французские востоковеды считают, что подписание этого выгодного для Ирана Договора является заслугой правительств Восуга-од-Доуле, а не кабинета Реза-хана и Сеида Зия.

И, наконец, читая работы французских иранистов, посвящённые этому сравнительно короткому историческому периоду, ещё раз осознаёшь, какую важную и неоднозначную роль играла Российская Империя, Советская Россия, а затем и СССР в экономической, политической, культурной жизни Персии и Ирана. Роль, которая в современной России, как и в современном Иране, к сожалению, либо забыта, либо искажена в угоду ежесекундной политической конъюнктуре.

¹ *Khadjenouri, Mahmoud*. L'évolution des relations extérieures de l'Iran du début du XIXe siècle à la Deuxième Guerre mondiale. In: Politique étrangère, n°2 1976 41ème année. P. 127–148.

² *Yakemtchouk, Romain*. L'Iran face aux puissances, Paris : le Harmattan, 2007.

³ Ibid. P. 31.

⁴ *Therme, Clément*. Les relations entre Téhéran et Moscou depuis 1979, Coll. The Graduate Institute, Geneva Publications, Paris : PUF, 2012, P. 34.

⁵ Ibid. P. 36.

⁶ Ibid. P. 37.

⁷ *Ter Minassian, Taline*. Un exemple du rôle des minorités dans la politique extérieure de l'URSS [Les Arméniens dans la politique soviétique en Iran au début des années 20]. In: Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 34, n°4, Octobre-Décembre 1993. P. 561–576.

⁸ MRE Nantes, Archives du haut-commissariat de la République française en Syrie et au Liban, Cabinet politique, BEY 670 : Rapport de l'attaché militaire (2e Bureau) à la Légation de France en Perse, R. Bertrand, sur l'évolution de la politique soviétique en Perse, 31 mai 1928.

⁹ *Digard, Jean-Pierre, Hourcade Bernard, Richard, Yann*. Iran au XXe siècle. Paris: Fayard, 1996. 459 p.

¹⁰ Ibid. P.47.

¹¹ Ibid. P. 52.

¹² Более подробно см. *Richard, Yann*. L'Iran de 1800 à nos jours. Paris : Editions Flammarion. 2009.473p., P.195–199 ; Hellot-Bellier, Florence "Chroniques de massacres annoncés :Les Assyro-Chaldéens d'Iran et du Hakkari face aux ambitions des empires (1896–1920)" (Cahiers d'études syriaques 2), Paris : Geuthner, 2014

¹³ *Digard, Jean-Pierre, Hourcade Bernard, Richard, Yann*. Iran au XXe siècle. Paris: Fayard, 1996. 459 p., P. 53

¹⁴ Ibid. P. 57

¹⁵ Ibid. P. 59

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. P. 61

¹⁸ Ibid. P. 62

¹⁹ Ibid. P. 63–64

²⁰ Ibid. P. 68

²¹ Указывается, что Гейдар-хан был убит по приказу Ленина, но в последующих публикациях Яна Ришара для этого выбрана более обтекаемая форма «Гейдар-хан был убит, возможно, одним из советских агентов» (*Richard, Yann*. L'Iran de 1800 à nos jours. Paris : Editions Flammarion. 2009.473p. с. 250).

²² С. 68–69.

²³ *Richard, Yann*. L'Iran de 1800 à nos jours. Paris : Éditions Flammarion. 2009. 473 p.

²⁴ *Genis Vladimir L., Pichon-Bohrinsky Olga*. Les bolcheviks au Guilan [La chute du gouvernement de Koutchek Khan]. In: Cahiers du monde russe, vol. 40, n°3, Juillet-septembre 1999. p. 459–495.

²⁵ Ibid. P. 190.

²⁶ Ibid. P. 199–200.

²⁷ Ibid. P. 200.

²⁸ Ibid. P. 203.

²⁹ Ibid. P. 207.

³⁰ См. *Навазани, Бахрам*. Ахднаме мовадат иран ва шурави 26 феврие 1921. Биджа напре хамра. 235 с. رشد، اجيب، 1921 ميرو شو ناري ا تدوم هماندهء، مار هدي نزاو ن. 1 و 17 ص 1394، دارمه

³¹ *Richard, Yann*. L'Iran de 1800 à nos jours. Paris : Éditions Flammarion. 2009.473p., с. 208.

³² Ibid. P. 208.

³³ *Bast, Oliver*. Les «buts de guerre» de la Perse neutre pendant la Première Guerre mondiale, Relations internationales, vol. 160, no. 4, 2014, p. 95–110.

³⁴ Société des Nations, Recueil des Traités et des Engagements Internationaux enregistrés par le Secrétariat de la SDN, vol. IX, 1922, no 268, pp. 384–413.

³⁵ См. *Кулагина, Л. М., Дунаева Е. В.* Россия и Иран: история формирования границ М.: Гуманитарий, 2007. 184 с., с. 83.

³⁶ La Perse et la Grande Guerre. Téhéran : Institut Français de Recherche en Iran, 2002, 462 p.

³⁷ Ibid. P. 13.

³⁸ Ibid.

³⁹ Правда, О. Баст отмечает, что, отказавшись от англо-персидского соглашения, Иран лишился своего потенциального модернизатора (кредитов, помощи для развития инфраструктуры и администрации, поддержки на международной основе).

⁴⁰ Там же, с. 13.

⁴¹ *Ervand Abrahamian*, Iran Between Two Revolutions (Princeton Studies on the Near East), Princeton, New Jersey, 1983, P. 102–118.

⁴² La Perse et la Grande Guerre. Téhéran : Institut Français de Recherche en Iran, 2002, 462 p., P. 15.

⁴³ *Richard, Yann* (éd./comm.). Regards français sur le coup d'État de 1921 en Perse. Journaux personnels de Georges Ducrocq et Hélène Hoppenot. Leiden-Boston : Brill, 2015, 699 p.

⁴⁴ نه‌نفسا مومس ی‌اندوک به ی‌وسنارف مانگد. نه‌راخ فارانسавی به کудتا-ه سەووم ئەسفاند. دانیسا 1299 ی‌اندوک بچیراته ناریا: غوضوم مز وریف لێ: تاراشتتانا ارگید و راشیر ناب: دهنسیون مکی رتفد 1299 و نه‌نفسا 1299 ی‌اندوک بچیراته ناریا: غوضوم مز وریف لێ: تاراشتتانا لاسه ی‌دور هاشد حه‌لافه‌ر هز: مچر ته‌م کرا دهم مه‌فحصه‌ 1399532: راشتتانا لاسه ی‌دور هاشد حه‌لافه‌ر هز: مچر ته‌م کرا دهم

Советско-персидский договор о дружбе 1921 г. как первый шаг к обретению современным Ираном реальной независимости (иранский взгляд на договор 1921 г.)

В феврале 2021 г. исполнилось сто лет со дня подписания важнейшего в истории российско-иранских отношений документа – Советско-персидского договора о дружбе. Однако этот юбилей остался почти незамеченным в Иране, да и в России был отмечен лишь в узких академических кругах. Тем не менее, это соглашение является первым в новейшей истории Ирана равноправным договором, подписанным с иностранным государством. Он как никакой другой дипломатический акт способствовал укреплению независимости Персии и уменьшению британского влияния на эту страну. В российской историографии этому договору традиционно придается большое значение и не только как одному из «полосы призна-

ний», но и как документу, определившему на долгие годы политику РСФСР, СССР и постсоветской России на Востоке. В современном Иране мы нечасто встречаем положительные отклики в его адрес. Почему же это столь важное соглашение оказалось забытым? В данном разделе мы попытаемся ответить на этот вопрос, изучая исторический контекст заключения этого договора, место Персии в идеологической концепции Советской России, содержание этого документа и его оценки российскими и иранскими учёными.

От иллюзии революции на Востоке к дипломатическому прагматизму

Революции, произошедшие в России, не изменили её традиционный интерес к Ирану. Основы новой внешней политики Советской России, такие как стремление к «справедливому демократическому миру без аннексий и контрибуций», отмена тайной дипломатии и др. были сформулированы уже в первом дипломатическом документе РСФСР – Декрете о мире. А уже 20 ноября 1917 г. в Обращении Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» объявлялось «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы». Советская Россия официально отказывалась от экспансионистских планов российской буржуазии в Иране и декларировала свою поддержку укреплению иранского государства. 29 января 1918 г. персидскому посланнику в Петрограде было передано Заявление Совета народных комиссаров РСФСР об аннулировании всех соглашений, направленных против независимости Персии¹. В Заявлении были сформулированы принципы ведения внешней политики советской стороной. В нем говорилось: «Советская сторона предпринимает со своей стороны все меры к тому, чтобы освободить Персию от старых агентов царизма и империалистической буржуазии, которые являются одинаково врагами как персидского, так и русского народа». «Во всяком случае, Совет народных комиссаров считает для себя допустимым только такие отношения с Пер-

сией, которые основаны на свободном соглашении и на взаимном уважении народов». Иранское правительство подготовило ответную ноту, в которой объявляло «уничтоженными раз и навсегда утратившими всякую силу все те договоры и соглашения, которые были насильно исторгнуты у Персии или же противоречили принципу её независимости и неприкосновенности, ограничивая и стесняя свободное развитие и осуществление воли персидского народа на занимаемой им территории и прилегающих к ней морях»².

В конце 1910-х – начале 1920 гг. отмечается усиление национально-освободительных движений в колониальных и полуколониальных странах Востока. Именно под флагом помощи этим движениям большевики рассчитывали придать освободительной борьбе классовый характер³. Персия занимала в большевистской стратегии особенное место. Российский революционер и историк К. Трояновский писал в 1918 г., что главной целью распространения революции является Индия. А Персия – единственный путь, который к ней ведёт. Персидская революция станет ключом к революции на всём Востоке, так же как Египет и Суэцкий канал были ключом британского доминирования на Востоке. Персия – это Суэцкий канал революции⁴.

Советское руководство не скрывало своих планов – путём инициирования и поддержки, так называемых, народно-освободительных движений добиться ослабления позиций Великобритании на всем Востоке. Англичане, в свою очередь, прекрасно понимали, что большевистская пропаганда в Иране могла быть намного опасней, чем замыслы царских военно-политических кругов. Опасаясь распространения большевистских идей в этой стране и их воздействия на мусульманский мир Ближнего и Среднего Востока, Великобритания всеми доступными ей средствами боролась против установления советско-иранских отношений⁵. Поэтому неудивительно, что, несмотря на первые дружественные шаги РСФСР и начавшиеся советско-иранские контакты, дальнейшее развитие двухсторонних отношений зашло в тупик из-за политики Великобритании.

Несмотря на успехи Красной Армии на Закаспийском фронте, РСФСР находилась в полной дипломатической блокаде. Брита-

ния угрожала превратить Афганистан, Иран и Турцию в антисоветский плацдарм для дестабилизации обстановки на Кавказе и в Центральной Азии. В британском руководстве прекрасно понимали, что главным вызовом Советской России на Востоке является не распространение коммунизма, а её антибританская и антиимпериалистическая агитация. Это отчётливо проявилось после прибытия в Лондон 27 мая 1920 г. советской торговой делегации во главе с Леонидом Красиным. В ответ на советские предложения о снятии блокады английская сторона выставила несколько требований, среди которых было прекращение антибританской пропаганды, как в странах Запада, так и в азиатских странах, включая Иран⁶.

Намеченная Политбюро в отношении Персии «максимально примирительная» линия означала установление дипломатических отношений с официальным Тегераном и приобретение возможности влиять мирным путём на политику и состав шахского правительства. Это в свою очередь подразумевало, во-первых, заключение дружественного договора с Персией, который на фоне неравноправного англо-персидского соглашения 1919 г. стал бы «блестящим орудием агитации» в пользу РСФСР, и, во-вторых, ликвидацию «марионеточного гиланского правительства»⁷ Таким образом, с советской стороны выбор был сделан – предать иранских коммунистов в угоду российским геополитическим интересам.

В мае 1920 г. шахское правительство заявило о восстановлении отношений с северным соседом, а в ноябре 1920 г. в Москве руководство НКВД приступило к переговорам с полномочным послом Ирана Мошавер оль-Мемалеком (Али-Голи ханом) с целью составления текста советско-иранского всеобъемлющего договора. Если на Версальской конференции делегация Мошавера требовала вернуть Ирану кавказские провинции, то в Москве иранцы приняли прагматичное решение отказаться от своих территориальных претензий. «Переговоры в Москве проходили достаточно успешно, что усилило позиции противников англо-иранского соглашения. Несомненно, именно успешность переговоров Мошавера в Москве стала одной из причин отказа Верховного Совета, созданного в ноябре в Тегеране, утвердить англо-иранское соглашение»⁸.

26 февраля 1921 г. в Москве состоялось официальное подписание советско-иранского договора. Иранскому парламенту потребовалось больше г., чтобы ратифицировать советско-иранский договор, основным препятствием этому была статья 6 этого документа⁹. 24 января 1922 г. Договор был одобрен Ахмед-шахом Каджаром.

Несомненно, эта статья ущемляла интересы Ирана, поскольку создавала угрозу его территориальной целостности и суверенитету. Однако настоятельное требование России её введения в Договор объяснялось тем, что в начале 20-х годов все ещё сохранялась угроза вторжения белогвардейских и британских сил с территории Ирана. Практическим применением 6-й статьи явился ввод войск в Иран в годы Второй мировой войны и советско-иранские трения по поводу вступления Ирана в Организацию Центрального Договора (Багдадский Пакт) в 1955 году¹⁰.

Договор 1921 г.: оценки, последствия, нерешённые вопросы

С момента начала переговоров в Москве и до сих пор этот документ получает неоднозначные, часто противоречивые оценки, как в России, так и в Иране. В 1921 г. на страницах прогрессивного иранского журнала «Каве», издаваемого в Берлине Хасаном Тагизаде, развернулась дискуссия об этом Договоре с целью «его исправления»¹¹. Говоря о 5-й статье, предлагалось прояснить вопросы о том, кого следует считать врагами России и Ирана и что надо понимать под их намерениями причинить вред двум странам. Автор статьи (скорее всего сам Тагизаде) считал, что 5-я статья Договора несовместима с иранскими национальными интересами по причине того, что Россия никогда не выполняла условия 14-й статьи Туркманчайского договора, а именно депортацию в Иран иранских оппозиционеров и преступников. Тем не менее, согласно «Каве», Договор 1921 г. «смывает стыд Туркманчая», но усиливает русское влияние при дворе и тормозит модернизацию Ирана, не создавая достаточных условий для мира в Иране. «Несмотря на то, что Договор представляет большой интерес, не следует слишком радоваться. Те, кто радуются, не имеют опыта. Не сле-

дует полагать, как делают многие оптимисты, что угроза с севера исчезнет. Это наивный взгляд на этот Договор»¹² – заключают авторы «Каве».

Вот как вспоминает о заключении Договора Абдул Хусейн Масуд Ансари, сын Мошавер-оль-Мемалека, подписавшего соглашение: «Как только я услышал эту новость, душа моя наполнилась радостью и гордостью. Это была прекрасная возможность сохранить национальную целостность Ирана и восстановить наши утраченные права. Гегемонистская политика царской России, которая подавляла Иран с начала девятнадцатого века, была внезапно свергнута, и все зловещие планы колониальных держав по отношению к нашей угнетённой Родине были сразу же разрушены. Это соглашение открыло новую главу в отношениях Ирана с его северным соседом. И это был первый договор, который Иран, поддававшийся всевозможным формам угнетения, терпевший позорный режим капитуляций, заключил на равных правах и во взаимном уважении с другой страной. Подписать его было очень трудно, но потом стало ясно, что соглашение 1919 г., которое фактически делало Иран протекторатом Великобритании, больше не могло оставаться в силе. Этот договор стал началом новой главы в истории Ирана»¹³.

Весьма позитивную оценку получил этот Договор в работах некоторых иранских историков периода Пехлеви. Так, Али Асгар Шамим пишет, что Договор между Ираном и Советской Россией, положивший конец всем соглашениям царского режима с Персией и заложивший основу для новых отношений между советским режимом и Ираном, является одним из самых блестящих политических достижений, достигнутых Ираном в эту эпоху, несмотря на все политические и экономические проблемы¹⁴.

Традиционно поддерживали Договор и представители левых политических движений в Иране. Генеральный секретарь ЦК Народной партии Ирана Р. Радманеш в 1952 г. следующим образом оценил значение договора 1921 г.: «Этот договор не только дал иранскому народу огромные экономические и политические выгоды, но и неоднократно приводил к срыву различные империалистические затеи, направленные против национальной незави-

симости и жизненных интересов иранского народа» Этот договор был, есть и будет одним из основных факторов нашей национальной независимости»¹⁵.

Как считает Махмуд Хаджинури, победа Российской империи и Великобритании в Первой мировой войне, без сомнения, привела бы к окончательному разделу Ирана между этими двумя державами. Но большевистская революция заставила Россию пересмотреть свою политику, что привело к изменению ситуации в Иране. Подписанием советско-иранского договора 1921 г., заключает автор, «заканчивается период безраздельного влияния Британии в Иране»¹⁶.

Мустафа Шоаиян, критикуя политику советского правительства по отношению к гилянским революционерам считает, что единственной и главной целью Москвы было «установление торговых отношений с Ираном», тогда как другие статьи Договора не имели никакой практической реализации, они либо давали иранскому народу ложные надежды, либо являлись фоном для достижения этой основной цели¹⁷.

По словам Марьям Мирахмади, «со стороны Советской России этот Договор на самом деле являлся в значительной степени пропагандистским актом, тем более что почти в то же время аналогичные соглашения были подписаны 28 февраля 1921 г. с Афганистаном и 16 марта 1921 г. с Турцией»¹⁸.

Американский учёный иранского происхождения Махмуд Реза Годс в своей книге «Иран в XX веке: политическая история» утверждает, что этот Договор не был в полной мере равноправным и с позиции Советской России имел своей целью создание социальной базы внутри Ирана для разжигания революции. Поддерживая таких буржуазных и националистических лидеров, как Резахан и Ататюрк, пишет Годс, «Советы стремились укрепить свою собственную стратегическую безопасность и в то же время способствовать социальным сдвигам в других странах и создавать классовую базу для возможной социальной революции»¹⁹.

Хомаюн Элахи также считает, что Советская Россия, стремясь заключить соглашение об урегулировании разногласий с Велико-

британией, поддерживала контакты с иранскими заговорщиками, осуществившими государственный переворот 21 февраля в Тегеране. По словам Х. Элахи, Советское правительство по средствам заключения Договора добилось обеспечения безопасности своих южных границ взамен на отказ от привилегий в Иране, предоставленных царскому правительству²⁰.

Говоря о российском взгляде на Советско-иранский договор 1921 г., необходимо подчеркнуть, что многие архивные материалы, касающиеся внешней политики Советского государства, долгие годы оставались засекреченными. И советские иранисты в своих трудах вынуждены были придерживаться официальной линии. Поэтому в советское время Советско-иранский договор получал исключительно положительные оценки.

В постсоветское время палитра оценок этого Договора значительно обогатилась. Хотя исключительно восхваляющие отклики можно встретить и сейчас. Так, например, О. Васильева пишет: «Советское правительство, содействуя договором 1921 г. укреплению национальной независимости иранского народа, делало основной упор на обеспечение его суверенных прав. Советско-иранский договор 1921 г. явился проявлением бескорыстной и великодушной политики Советского правительства в отношении Ирана»²¹. В. О. Кулаков подчёркивает, что «принципиально новым в практике договорных отношений Ирана с великими державами явилось то, что Иран как одна из стран-участниц договора признавался во всех отношениях равноправным партнёром в межгосударственных отношениях»²². Он считает важным с точки зрения договорно-правовых норм, что, согласно ст. 10 Договора, РСФСР согласилась посильно возместить Ирану ущерб, причинённый ему войсками царского правительства. Это, по мнению автора, «было беспрецедентным случаем в практике межгосударственных отношений великих держав с малыми странами и народами. Как известно, ни Великобритания, ни Германия, ни Турция, войска которых вместе с российскими находились на территории Ирана в период Первой мировой войны в нарушение объявленного им нейтралитета, ничем не компенсировали Ирану тот ущерб, который они нанесли этой стране»²³.

По мнению известного российского востоковеда С. Алиева, «заключение договора 1921 г. явилось значительным позитивным шагом в истории внешних отношений Ирана. В той или иной степени договор содействовал стабилизации внутривнутриполитического положения в Иране и тем самым появлению условий для возрождения централизованного государства». В то же время, считает автор, «в статьях 5 и 6 не был соблюден принцип равноправия. Условия этих статей сформулированы с явным нарушением суверенных прав Ирана. Этот вопрос впоследствии неоднократно вызывал недовольство в политических кругах Ирана». В договоре не были указаны сроки и условия вывода советских войск с иранской территории²⁴.

Идею неравноправности Договора поддерживает и азербайджанский учёный Дж. Гасанлы. Он отмечает, что, во-первых, договор закладывал основы новых неравноправных отношений, во-вторых, он способствовал тому, что народные массы, интеллигенция и передовые люди из самостоятельных слоёв Ирана видят будущее своей страны только в сближении с Советским Союзом²⁵.

По мнению Н. Кожанова, излишняя щедрость Советского правительства при заключении советско-иранского договора 1921 г., «до сих пор негативно влияет на ряд аспектов российско-иранских отношений», поскольку «слабых и необоснованно щедрых на Среднем Востоке не уважали и считали необязательным и ненужным с ними договариваться». Тогда, как и во время переговоров ООН по поводу иранской ядерной программы в 2000-х гг., «не был учтён этот этнопсихологический аспект»²⁶, считает учёный.

Конечно, как мы видели выше, эта «чрезмерная щедрость» Советского государства определялась не только идеологической составляющей – готовностью проводить внешнюю политику, отличную от царской, но и прагматичной необходимостью обеспечить безопасность своих внешних границ. Однако мы можем только согласиться с Н. А. Кожановым и З. А. Арабаджяном в том, что Советская Россия и в последствии Советский Союз не смогли извлечь политических выгод из этого Договора. К сожалению, сегодняшние иранцы, даже если и слышали о существова-

нии советско-иранского Договора о дружбе 1921 г., говорят лишь о печально известных статьях 5 и 6. Это соглашение даже не упоминается в школьных учебниках истории Исламской республики²⁷.

Несмотря на различные подходы к оценке этого документа, нельзя отрицать, что он стал определяющим для дальнейшего развития отношений между двумя странами. На протяжении 1920-х годов Реза-хан поддерживал активное сотрудничество с СССР и странами Запада, применяя при этом политику лавирования. Он использовал советскую экономическую помощь и дипломатическую поддержку для укрепления суверенитета страны. Конечно, никто не назовёт политику Реза-хана просоветской. Это была политика рационального национализма, исключавшего чрезмерную зависимость от любой из сильных держав. Но объективно в тот период сближение с Москвой больше отвечало интересам Ирана, чем восстановление патронажа Великобритании. В 1920–1930-х гг. наблюдался значительный рост ирано-советской торговли, например, торговый баланс между двумя странами в 1925–1926 гг. достигал 492,9 млн рублей; против 28,7 млн рублей в 1920–1921 гг.²⁸ В первой половине 1930-х гг. СССР становится крупнейшим торговым партнёром Ирана, занимая более трети его рынка. Двусторонние торговые соглашения были последовательно заключены в 1927, 1931 и 1935 гг.²⁹ Большинство российских авторов считают, что до середины 30-х годов, хотя и было много негативных моментов (разногласия по поводу границы, запрет Иранской коммунистической партии и т. д.), ирано-советские отношения в целом развивались успешно. Однако со второй половины тридцатых годов на фоне сближения шахского режима с Германией начинается упадок ирано-советских отношений.

Разумеется, Договор 1921 г. не мог одним махом решить все накопившиеся за долгие годы разногласия между Россией и Персией. Как указывают Л. М. Кулагина и Е. В. Дунаева, «хотя в договоре 1921 г. упоминалось о равных правах на использование пограничных вод, в действительности, согласно практике, сложившейся ещё в период территориального размежевания между царской Россией и Персией, российская доля значительно превышала персид-

скую, что вызывало постоянное недовольство иранской стороны, считавшей, что в результате неадекватного забора воды российской стороной, иранские земли опустыниваются, и местное население вынуждено перекочёвывать в другие районы»³⁰. Но уже в 1926 г. после длительных переговоров между двумя странами было подписано Соглашение о взаимном пользовании пограничными реками и водами.

Другая иранская претензия, связанная с Договором, – «захват» россиянами парка Атабак³¹. Речь идёт о территории, которую сейчас занимает посольство РФ в Тегеране. Изначально дом и окружающий его сад принадлежали Мирзе Али Асгар Хану Атабеку, видному политическому деятелю Персии, трижды занимавшему пост премьер-министра при трёх Каджарских монархах. После смерти Атабека в 1907 г., усадьба была продана иранскому зороастрийцу Джамшиду Джамшидиану, известному банкиру и депутату первого иранского парламента. Для иранцев это здание имеет большую историческую ценность, поскольку во времена Конституционной революции здесь были размещены прибывшие из Тебриза (1911) революционные войска во главе с Саттар-ханом. Затем усадьба Атабак была заложена Джамшидианом для получения кредита в русском Учётно-ссудном банке и по причине неспособности последнего вернуть долги перешёл в собственность банка. С октября 1915 г. и по конец 1917 г. российское Посольство арендовало это здание. Советское же правительство для своего посольства арендовало здание в районе Паминар. В 1919 г. усадьба снова была заложена за 40 тыс. туманов в Шахиншахском банке. После заключения Советско-иранского договора 1921 г. и передачи всех царских активов, включая Учётно-ссудный банк, иранское правительство выкупило парк Атабак, который в отсутствии протеста с советской стороны стал государственной иранской собственностью, зарегистрированной в национальном кадастре в 1927 г. Девятая статья советско-иранского договора 1921 г., однако, предусматривала, что Советская Россия имела право сохранить за собой одну недвижимость в каждом городе для размещения своих консульских (а не посольских, подчёрки-

вают иранцы) организаций. Апеллируя именно к этой статье Договора, советское правительство отказалось освободить парк и дворец Атабак в первые годы после Второй мировой войны и продолжает использовать их до сих пор. Однако этот вопрос (точнее его нерешённость) отрицательно влияет на имидж современной России в Иране.

Заключение

Окончание Первой мировой войны стало для иранской нации той «нулевой» точкой, точкой отскока, после которой эта страна начала развиваться как действительно суверенное, независимое государство. Конечно, невозможно было сразу решить все проблемы, накопившиеся за долгие годы полуколониального существования. Хорошо известно, что ещё вплоть до исламской революции 1979 г. Ирану в своей внешней и внутренней политике приходилось учитывать интересы США и бывших колониальных держав. Но, на наш взгляд, именно этот Ирано-советский договор о дружбе 1921 г. стал для Ирана началом долгого пути к обретению подлинной политической независимости. Нетрудно себе представить, что в отсутствие этого договора Иран, как и многие другие страны региона, ещё полвека оставался бы в колониальном рабстве Великобритании.

Если абстрагироваться от сегодняшних взглядов на международные отношения, то становится ясно, что этот документ был совершенно уникальным и беспрецедентным для своего времени. За все 120 лет правления Каджаров в Иране (и даже шире – во всём мире), не было случаев, когда слабое в экономическом и военном отношении государство вело переговоры и заключало соглашение на равных (или почти на равных) с великой державой. Без сомнения полученные Ираном преимущества значительно превышали российские. Вместе с тем этот документ отражал и сложную геополитическую ситуацию двух стран, сложившуюся в начале 20-х годов прошлого века. Поэтому, некоторые положения Договора, в частности, его 5, 6, 7, 13 статьи, сегодня кажущиеся весьма

противоречивыми, отвечали вызовам того непростого времени. И если современные иранские учёные и политики изучат вопрос в его историческом контексте, то поймут, что советские требования были продиктованы не желанием «урезать» иранский суверенитет, а острой необходимостью обеспечения безопасности южных границ Советской России.

Этот договор заложил базу российско-иранских отношений. Его рассмотрение весьма интересно, поскольку тенденции, проявившиеся в то время, действуют и сейчас. История заключения этого договора прекрасно демонстрирует дилемму, перед которой оказалось руководство молодой Советской России, – между идеологическими приоритетами поддержки Коминтерна и прагматическими императивами обеспечения надёжности границ и развития экономического сотрудничества. Советско-иранский договор положил конец политике поддержки национал-коммунистов и знаменовал собой выбор советских руководителей в пользу дипломатии безопасности. Такая ситуация в советско-иранских отношениях будет повторяться ещё неоднократно, и каждый раз советские руководители будут «предавать» иранских коммунистов в угоду политико-экономическим интересам СССР. Проявленный с двух сторон прагматизм станет на долгие годы основой российско-иранского взаимодействия. Договор 1921 г. прекрасно демонстрирует, что российско-иранские отношения никогда не были исключительно двусторонними, как не являются таковыми и сейчас. Российско-британско-иранский треугольник трансформировался со временем в ирано-российско-американский.

Этот договор получил и продолжает получать неоднозначные оценки как с российской, так и с иранской стороны. Иранские критики этого соглашения считают его неравноправным и ущемляющим суверенитет их страны. Российскую сторону же обижает иранская неблагодарность, поскольку, несмотря на проявленную Советской Россией щедрость (излишнюю, по мнению, некоторых авторов) при заключении этого договора, Россия не смогла получить от этого политические дивиденды. Этому документу не уделяется большого внимания в Иране. Современные иранцы, без

сомнения, и под влиянием западной антироссийской пропаганды, продолжают считать русских «пожирателями их земель» («замин-хорха»). При всяком удобном случае они напоминают о несправедливостях по отношению к их стране, зафиксированных в Туркманчайском договоре, и забывают о полученных ими политических и экономических преимуществах в 1921 г. Вполне понятно, что режиму Пехлеви не было выгодно акцентировать внимание на этом договоре по нескольким причинам. Во-первых, это могло вызвать симпатии к советскому режиму (идеологическому противнику), а во-вторых, несмотря на то, что этот договор был подписан в первые дни правительства Зияэддина Табатабаи, основные инициативы по его заключению с персидской стороны исходили от Хасана Восуг-од-Доуле, премьер-министра Ахмад-шаха – последнего каджарского правителя Ирана. А в период Пехлеви считалось хорошим тоном очернять всех государственных деятелей до февральского переворота 1921 г. Кроме того, именно 6-я статья настоящего договора стала юридической основой для введения на территорию Ирана войск союзников в 1941 г. и свержения Реза-шаха Пехлеви. Эту военную операцию в Иране всегда квалифицировали как агрессию. Исламская республика, тоже находясь в оппозиции к коммунистической идеологии, односторонне прекратила действия двух из двадцати шести статей договора.

Конечно, невозможно переписать историю. Однако уточнение исторического контекста заключённого договора, повторное и внимательное прочтение этого одновременно исторического и действующего документа, несомненно, помогут российским и иранским политикам взглянуть немного по-другому на историю российско-иранских отношений, и, будем надеяться, извлечь из неё полезные уроки.

¹ Обращения Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». 20 ноября 1917 г. // «Декреты Советской власти». URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/156944-iz-obrascheniya-soveta-narodnyh-komissarov-ko-vsem-trudyaschimsya-musulmanam-rossii-i-vostoka-20-noyabrya-1917-g> (дата обращения: 01.10.2021).

² Известия. 27.02.1918.

³ Бабаев А. М. Российско-иранские отношения в 20-е годы XX века: история становления и развития // Россия: цивилизация, патриотизм, культура, М; РУДН. 2003. С. 27–30.

⁴ Хейфиц А. Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока. М., Наука, 1964.

⁵ Тузмухамедов Р. А. Советско-иранские отношения (1917–1921 гг.). М.: Изд-во ИМО, 1960. С. 266.

⁶ Там же, с. 285.

⁷ Генис В. Л., Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М.: Центр стратегических и политических исследований; МНПИ, 2000. С. 324.

⁸ Ansari A. M. Zandegani-ye man. Jeld-e 2. Tehran: Ibn Sina, 1350. С. 207–208.

⁹ Mirahmadi M. Pojuheshi dar tarikh-e moaser-e iran. Entesharat-e astan-e ghods-e rezavi, 1366. С. 37

¹⁰ Shoaiyan M. Negahi be tarikh-e moaser-e iran va jahan. Tehran: Ibn Sina 1351, jeld-e 2. С. 31

¹¹ Kave. N 4, 9 decambre 1

¹² Там же.

¹³ Ansari A. M. Zandegani-ye man. С. 57–58.

¹⁴ Mokhtari M. T. Negahi be tarikh-e ravabet-e Iran ba rusiye. Tehran: IRAS, 1387. С. 45.

¹⁵ Соглашение о британской помощи для содействия прогрессу и благополучию Персии от 9 авг. 1919 г. // Ключников Ю. В., Сабалин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. – М.: Издание Литиздата НКВД, 1926. V.C.115.

¹⁶ Richard Y. L'Iran de 1800 à nos jours. Paris : Edition Flammarion. 2009. С. 39.

¹⁷ Shoayan M. Negahi be tarikh-e moaser-e iran va jahan. С. 36.

¹⁸ Mirahmadi M. Pojuheshi dar tarikh-e moaser-e iran. Entesharat-e astan-e ghods-e rezavi, 1366. Р. 49.

¹⁹ Годс, Махмуд Реза. Иран в XX веке: политическая история. М.: Восточная литература. 1994. С. 21.

²⁰ Цит. по Navazeni B. Ahdname-ye movadat-e Iran va Russiye 26 fevriye 1921. Tehran: Ketabrah, 2015.С.23–24.

²¹ Васильева О. А., Советско-иранский договор 1921 г. // НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право, том. 29, выпуск 16 (187), 2014, С. 113–118.

²² Кулаков В. О. "Законодательные основы установления и развития дипломатических отношений Советского Союза с Ираном" Манускрипт, №. 12-4 (86), 2017. С. 90–93.

²³ Там же.

²⁴ Алиев С. М. История Ирана. XX век; – М.: ИВРАН, 2004 С. 131.

²⁵ Гасанлы Дж., СССР–Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.) – М.: Герои Отечества. 2006. С. 9.

²⁶ Кожанов, Н. А. Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения. М.: Институт Ближнего Востока, 2011. С. 22.

²⁷ Зотова Ю. А. Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С.

²⁸ Mokhtari M. T. Negahi be tarikhe ravabet-e Iran ba rusiye. С. 45

²⁹ Lenczovski, George, Russia and the West in Iran, 1918–1948, A study of big power Rivality, New York, 1949. С. 91.

³⁰ Кулагина, Л. М., Дунаева Е. В. Россия и Иран: история формирования границ – М.: Гуманитарий, 2007. С. 85.

³¹ Sefarat-e rusie ghasbi ast. URL : <http://tarikhirani.ir/fa/news/3559> (Дата обращения: 20.10.2020).

Глава II

АФГАНИСТАН

Советско-афганский договор 1921 г. и его значение для Афганистана и РСФСР

Начало 1920-х гг. как для Афганистана, так и для недавно образованной Советской России было связано с необходимостью международного признания и укрепления своего суверенитета на международной арене. Оба государства были крайне заинтересованы в скорейшем установлении дипломатических отношений друг с другом.

Советско-афганские отношения накануне подписания договора 1921 г.

Важно отметить, что Советская Россия оставалась в международной и дипломатической изоляции. На рубеже 1920-х гг. активно велась борьба за дипломатическое признание РСФСР и других советских республик. Большая часть контактов с советским правительством в этот период носила неофициальный характер. Многие государства не спешили признавать новое государство, во главе которого стояли большевики. Отчасти было связано с тем, что многие они ослаблены Первой мировой войной. Кроме того, существо-

вала необходимость у западных держав в стабилизации мирового порядка, существовавшего до 1914 г.

Октябрьская революция в России вызвала неоднозначную реакцию Афганистане. Эмирское правительство проявило в большей степени настороженность, тогда как младоафганцы, которым были свойственны антибританские настроения, симпатизировали большевикам в их борьбе с интервенцией европейских держав¹. На тот момент эмир Афганистана Хабибулла стремился избегать активности в сфере внешней политики для того, чтобы избежать политического противостояния с Великобританией. Поэтому Хабибулла не стремился заключать договор с Москвой, направленный на провозглашение в нем недействительности всех неравноправных соглашений, касающихся Афганистана и Персии. Однако ситуация изменилась после убийства эмира Хабибуллы в 1919 г. После его смерти в Афганистане 28 февраля 1919 г. на престол взошел его сын Аманулла-хан. В результате была провозглашена полная независимость страны, что привело к третьей англо-афганской войне 1919 г. Этим событиям предшествовало ослабление влияния России и Великобритании в центрально-азиатском регионе. Оба государства уже не могли держать под своим контролем ситуацию в этих странах, так как были истощены Первой мировой войной. Кроме того, революционные события в России в 1917 г., а также брожения в северной части Центральной Азии, которая была российской зоной влияния, указывали на неспособность советской власти с 1917 по начало 1919 г. контролировать ситуацию. Сомнения вызывала и прочность позиций Великобритании. Это привело к тому, что в афганском обществе стали активизироваться сторонники независимости Афганистана.²

После восшествия на престол Аманулла направил властям Британской Индии извещение в тексте, которого было сказано о стремлении афганского народа к освобождению и готовности независимого афганского правительства заключить с Великобританией новые соглашения, которые были бы выгодны обеим сторонам³. На тот момент Великобритания не была готова как признать независимость Афганистана, так и не была готова начать немед-

ленные военные действия против Амануллы с целью сохранить здесь свой контроль.

При этом по итогам Первой мировой войны страны-победительницы провозгласили торжество принципов самоопределения и уважения прав малых народов, в результате чего Афганистан мог полноправно претендовать на независимость, признаваемую международным сообществом.

Важно отметить, что советское правительство было первым в мире, которое 27 марта 1919 г. официально объявило о признании независимости Афганистана. В ответ афганская сторона выступила с пожеланием установить дипломатические отношения с советской Россией⁴. Это был значительный шаг к укреплению суверенитета Афганистана на международной арене, так как другие государства его независимость признали намного позже. К примеру, Великобритания только в 1921 г. официально (де-юре) признала его независимость, хотя фактически независимым от британского контроля Афганистан стал в 1919 г. на основе Равалпиндийского договора (хотя в этом договоре ничего не говорилось о признании независимости Афганистана Великобританией).

Новый эмир Афганистана также в свою очередь обратился к В. И. Ленину с сообщением о том, что он считает необходимым сделать заявление «о единении и дружбе»⁵. В этих событиях можно увидеть предпосылку к заключению договора о дружбе между Афганистаном и Советской Россией в 1921 г.

В этот период дипломатические отношения между РСФСР и Афганистаном продолжились развиваться, что было важно и выгодно для каждой из сторон. Советская Россия также нуждалась в международном признании и установлении дипломатических отношений с другими государствами, так как до 1923 г. Советскую Россию практически никто не признавал (кроме Афганистана, Эстонии и Латвии в 1920 г.). Афганистан был первым, кто официально признал РСФСР.

В апреле 1919 г. Аманулла направил в Советскую Россию чрезвычайного посла генерала Мухаммада Вали-хана для установления дипломатических отношений между государствами. Позднее совет-

ская сторона выступила с предложением произвести обмен дипломатическими представительствами⁶. Это означало установление официальных дипломатических отношений между государствами. Для советской дипломатии это был большой шаг вперед, поскольку это усиливало позиции Советской России в Центральной Азии.

Несмотря на положительную динамику в отношениях с РСФСР, отношения Афганистана с Великобританией были не настолько успешны. Попытки обрести независимость от колонизаторов не привели к успеху, так как Великобритания отказывалась полностью официально признавать независимость Афганистана. Хотя, как было уже отмечено выше, Афганистан уже фактически был независимым от Великобритании государством.

13 сентября 1920 г. в Кабуле между Афганистаном и РСФСР состоялось подписание прелиминарного договора о дружбе. Согласно этому договору советская сторона брала на себя выполнение обязательств по предоставлению ежегодных денежных субсидий афганскому правительству, оборудование телеграфной линии Кушка-Герат-Кандагар-Кабул, предоставление Афганистану 12 аэропланов, поставка двух батарей с 8 зенитными орудиями, предоставление 3 тыс. винтовок и патронов к ним, строительство завода бездымного пороха⁷. В свою очередь советская сторона получала право открыть консульства в Мазари-Шарифе, Маймане, Герате, Кандагаре и Газни, а афганская сторона – в любом городе советского Туркестана и в Петрограде.

Согласно ст. 8 данного договора советское правительство признавало независимость Хивы и Бухары при любой существующей там форме правления. В результате этой уступки советского правительства был укреплен престиж Амануллы в мусульманском мире как борца за исламскую солидарность. В соответствии с ст. 9 советская сторона согласилась передать Афганистану пограничные районы, принадлежавшие последнему в прошлом веке (Пендинский оазис). Однако в последующем данный пункт не был выполнен. В статье также значилось, что стороны обязуются не вступать в военные или политические соглашения с третьими странами, которые могут быть недружественны одной из сторон⁸. Для

Москвы это стало самой важной статьей, так как она фактически блокировала возможность создания союза между Афганистаном и Великобританией.

Известия о подписании подобного договора вызвало недовольство у Великобритании. Британская сторона стремилась препятствовать дальнейшей ратификации советско-афганского договора. На фоне этого эмиру Аманулле был предложен вариант англо-афганского соглашения. Британская сторона полагала, что Советская Россия не способна выполнить свои обязательства. Кроме этого британские представители намекали на возможность соглашения Великобритании с Советской Россией по восточным делам⁹, что могло привести к тому, что Афганистан будет повторно брошен на произвол судьбы.

В результате этого афганская сторона торопилась с ратификацией советско-афганского договора.

Советско-афганский договор о дружбе 1921 г.

В конце концов, договор был ратифицирован в Москве 28 февраля 1921 г. народным комиссаром иностранных дел Г. Чичериным и заведующим восточным отделом НКВД Л. Караханом.

Советско-афганский договор 1921 г. имел большое значение для обеих сторон, как в сфере дипломатических отношений, так и для укрепления суверенитета каждой из них.

В рамках договора РСФСР и Афганистан подтвердили признание независимости друг друга. Следует отметить что, РСФСР предоставила Афганистану право свободного и беспоплатного транзита грузов через свою территорию, а также согласилась оказать ему материальную помощь.

Договор стал прочной основой для развития дружественных отношений между РСФСР и Афганистаном.

Общий ход и тенденции взаимодействия РСФСР и Афганистана по тем временам были уникальным примером мирного сосуществования государств с различными социальными системами и идеологиями¹⁰.

При этом афганская сторона не только не прекращала переговоры с Великобританией, на что рассчитывала Москва, но при этом она была готова пойти и на требования Великобритании. В свою очередь Великобритания не хотела, чтобы советские консульства были открыты как в южных регионах Афганистана, так и в северных. Это бы способствовало усилению позиций Советской России в регионе, что было крайне невыгодно для Великобритании, которая стремилась всеми силами сохранить свои колонии.

Сложившаяся ситуация являлась угрозой для заключенного советско-афганского договора и способствовала временному кризису в отношениях между РСФСР и Афганистаном, который продолжался до конца осени 1921 г.

Тем не менее существовала вероятность аннулирования уже заключенного и ратифицированного обеими сторонами советско-афганского договора 1921 г. Подобная инициатива исходила от афганского эмира Амануллы-хана. Афганская сторона рассчитывала заключить новый более выгодный договор с Великобританией. Новый договор предусматривал получение Афганистаном от Великобритании большого объема субсидий и иной помощи различного характера, в том числе и военной. В то же время Великобритания обещала афганскому эмиру признать независимость Афганистана в обмен на разрыв дипломатических отношений с Советской Россией. При этом Афганистан только что получил от России половину обещанной ему денежной субсидии в 500 тыс. рублей. Данные действия Аманулла-хана вызвали недоумение у англичан. В то же самое время Великобритания, которая стремилась ослабить российское влияние в регионе, рассчитывала лишь на заключение неофициального – джентльменского соглашения с Афганистаном и другие компромиссные варианты решения афганского вопроса в региональном масштабе. Особенно учитывая тот факт, что Великобританию не устраивал их собственный договор с афганцами, подписанный также в 1921 г.¹¹ Получив доступ к Афганистану, британская сторона рассчитывала ослабить влияние Советской России в странах Центральной Азии. При этом попытки англичан давить на афганцев и попытки снова

начать контролировать внешнюю политику Афганистана не привели к успеху.

Изначально договор между Великобританией и Афганистаном носил временный характер и также полностью не удовлетворял афганскую сторону. Он должен был действовать менее трех лет. Однако договор действовал до 1947 г., пока Индия не обрела независимость, и из-за отсутствия альтернативы¹². Британские политики понимали, что нельзя игнорировать существования независимого афганского государства, которое при этом связано дружбой с Советской Россией, что способствовало укреплению как международного, так и внутреннего положения Афганистана.

В британо-афганском договоре 1921 г. содержится лишь двустороннее обязательство Афганистана и Великобритании извещать друг друга о крупных военных операциях, предпринимаемых против племен своей пограничной полосы. Изначально британская сторона пыталась обусловить заключение британо-афганского политического договора ограничением советско-афганских отношений областью торгово-экономических связей. На это Амануллахан ответил решительным отказом, осознавая значение афгано-советской дружбы для обеспечения независимости Афганистана¹³.

В свою очередь ситуация с Великобританией заставила афганское руководство ускорить ратификацию советско-афганского договора о дружбе. При этом со стороны афганцев был выдвинут ряд условий, которые должна была выполнить советская сторона: она должна была подтвердить свой временный отказ от открытия консульства в восточном Афганистане, дать обещание о заключении торгового договора с Афганистаном, статья о транзите афганских грузов через советскую территорию должна распространяться и на военные грузы (которые могли быть приобретены и в других странах), подтверждение безвозмездности всей советской помощи. Дипломатические представительства РСФСР должны дать от имени своего правительства письменные гарантии, что советская сторона отказывается от пропагандистской работы против существующих в Афганистане правительства и строя¹⁴. Советским дипломатам не оставалось ничего,

кроме как согласиться со всеми выдвинутыми афганской стороной требованиями.

5 августа 1921 г. договор был ратифицирован Афганистаном. Это привело к тому, что все надежды Великобритании вернуть свое влияние в Афганистане были разрушены. При этом британская сторона продолжала также терять свое влияние в той части Британской Индии, которая примыкала к Афганистану.

Советско-афганский договор о дружбе стал крупным поражением для Великобритании в «Большой игре» в Центральной Азии, в которую включилась РСФСР.

Согласно мнению Ю. Н. Тихонова, центральное место в советско-афганских отношениях того периода занимала проблема антибританского сотрудничества¹⁵.

Другой отечественный исследователь В. С. Христофоров отмечает, что при Аманулле-хане между РСФСР и Афганистаном установились особые отношения сотрудничества в политической и экономической сферах¹⁶.

* * *

Договор о дружбе 1921 г. стал важным этапом не только в дипломатических отношениях между Афганистаном и Советской Россией, но также он стал важным этапом в укреплении суверенитета и независимости обоих государств. Данный договор стал стартовой площадкой для того, чтобы в последующем как Афганистан, так и Советская Россия получили международное признание и укрепили свое положение на международной арене.

Кроме этого, установление дипломатических отношений и заключение советско-афганского способствовали не только ослаблению позиций Великобритании в регионе, но также стали одной из причин постепенного потерей контроля над Британской Индией.

¹ Бойко В. С. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. / В. С. Бойко. – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 30.

² Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / А. Д. Боготуров. – М., 2011. – 128 с.

³ Там же.

⁴ *Коргун В. Г.* История Афганистана XX в. / В. Г. Коргун. – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 57.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ *Бойко В. С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. / В. С. Бойко. – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 39.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Anglo-afghan treaty of 1921. URL: <https://iranicaonline.org/articles/anglo-afghan-treaty-of-1921> (дата обращения: 10.11.2021).

¹³ *Коргун В. Г.* История Афганистана XX в. / В. Г. Коргун. – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 65.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Тихонов Ю. Н.* Советско-афганские отношения в 1921 г. Доклад полпреда Ф. Ф. Раскольникова в НКВД I / Восточный Архив, № 1 (25), 2012. – С. 37.

¹⁶ *Христофоров В. С.* Документы центрального архива ФСБ России по истории Афганистана 1920–1930 годов / Восточный Архив, № 1 (21), 2010. – С. 69.

Развитие двусторонних торгово-экономических отношений между Россией и Афганистаном (1921–2021)

Афганистан к моменту восстановления политической независимости в феврале 1919 г. обладал крайне отсталой экономикой, в которой от подавляющей части современных отраслей народно-хозяйственной системы не имелось и признаков. Страна, в частности, была полностью лишена отраслей производственной инфраструктуры, в первую очередь дорог, пригодных для колесного движения, телефонно-телеграфной связи, энергетики, от уровня развития которых во многом зависела работа других социально-экономических сфер. Имевшаяся к тому времени в стране картина хорошо описана советским исследовате-

лем Н. Днепровским, посетившим Афганистан в середине 20-х гг., и обратившим внимание на многие проблемы афганской экономики, в частности, изолированности районов друг от друга. Влияние одного района на другого им оценивалось как минимальное, отмечалось полное отсутствие каких-либо экономических связей между районами, и это не касалось отдельно взятых территорий, поскольку все районы Афганистана «в той или иной мере оторваны друг от друга, почти никакого влияния друг на друга не оказывают и сплошь и рядом перераспределяют внутри себя то, что сами производят»¹. В этой связи Афганистану с приобретением политической независимости было особенно важным заниматься развитием народного хозяйства, внешнеторговых и экономических отношений, поскольку собственно афганских ресурсов осталось все меньше, особенно после третьей англо-афганской войны, еще больше истощившей внутренние источники. Необходимость преобразования и развития всех сторон афганской жизни была налицо, поскольку «жестокий финансовый кризис, вызванный войной, пошатнул самые основы старой налоговой системы, старого бюджета и ставил перед правительством Амануллы-хана тот же вопрос о реформах, как вопрос дальнейшего существования и укрепления этого правительства»².

В этой связи, для страны, экспортировавшей исключительно продукцию сельского хозяйства, приоритетом стал вопрос развития внешней торговли, с одной стороны, как источника поступления валюты, с другой получения доступа к транзитным маршрутам, поскольку Афганистан наравне с операциями, связанных с куплей-продажей товаров первой необходимости нуждался в поставках машин и оборудования для развития собственной экономики. Следовательно, при обсуждении вопроса развития двусторонних отношений между Афганистаном и РСФСР внешняя торговля наряду с денежной и материальной помощью Афганистану были первыми статьями в области экономики, получившие отражение в Договоре о дружбе между от 1921 г. Ранее об улучшении «взаимных торговых сношений» между Афганистаном и Российской республикой было сказано 27 марта 1919 г. в письме народного

комиссара иностранных дел Туркестанской Советской Республики, адресованное правительству Афганистана³. Советская власть, находясь в трудной экономической ситуации, старалась сохранять отношения на приемлемом уровне, по мере возможностей подтвердить приверженность обещаниям относительно содействия развитию Афганистана, что было необходимо для завоевания доверия афганской стороны в изменившихся условиях и сохранения престижа как надежного соседа и партнера. Для пришедших к власти большевиков наряду с экономическими выгодами более важными были вопросы получения политических дивидендов от заключения соглашения, прежде всего ведения политической пропаганды через афганские территории против англичан в индийских землях. Следовательно, предоставление Афганистану обещанного объема помощи советской стороной считалось необходимым и аргументировалось следующим образом: «при создавшихся условиях и принимая во внимание крутой перелом в Кабуле в нашу пользу, когда наш престиж достиг небывалой высоты, а не исполнение данных нами обещаний о помощи может разрушить всю нашу работу целого года». В этой связи в обмен на получение определенных товаров из Афганистана, доступа к индийским границам через Афганистан, в частности, к территории независимых племен для ведения пропаганды, предлагалось предоставить «1 млн рублей золотом, 12 аэропланов, радиостанцию, оборудование телеграфной линии Кушка–Герат–Кандагар–Кабул (в течении трех лет), зенитные орудия, материалы и инженеров для сооружения в Кабуле фабрики для производства бездымного пороха, необходимых военных техников и специалистов, 5 тыс. винтовок для Афганистана, 10 тыс. – для пограничных племен»⁴.

В связи с этим Советская власть с первых дней развития двусторонних отношений старалась показывать свою надежность экономической и технической помощью в тех направлениях, по которым имелась возможность. Некоторые практические шаги предпринимались еще до заключения Договора о дружбе. Летом 1920 г., например, Афганистану на безвозмездной основе предоставлялась станция беспроволочного телеграфа, по кото-

рой 18 сентября того же года афганским королем была отправлена первая зарубежная телеграмма на имя В. И. Ленина, в которой Аманулла-хан выразил свою искреннюю признательность советской стороне⁵.

Интерес к развитию торговых отношений Афганистан показывал изначально при обсуждении текста будущего договора, сделав в большей степени упор на торгово-экономический вопрос. Аманулла-хан называл договорное соглашение «единственным средством поставить дружбу между обоими странами на прочное, не подверженное никаким колебаниям основание» и предложил афганский вариант, который состоял из двух частей – политической и торговой. В нем в одностороннем порядке говорилось исключительно об интересах афганской стороны, что было негативно воспринято советским полномочным представителем, указавший на отсутствие условий двусторонности в проекте договора. Речь, в частности, шла о предложении прямых торговых контактов афганских купцов с частными лицами из числа русских подданных. Такое предложение, по всей видимости, выдвигалось из-за отсутствия понимания афганскими властями сущности социалистической системы, но требование получения равноправного доступа к бухарским железным дорогам, удивило представителей советской стороны⁶.

В конечном итоге в договоре о дружбе только в двух статьях затрагивались вопросы торговли, оказание РСФСР денежной и материальной помощи афганской стороне. Транзит товаров после ухудшения отношений с Англией имел жизненно важное значение для Афганистана, который теперь первым делом надеялся на открытие и развитие северного транспортного маршрута путем строительства автомобильной дороги. Следовательно, указанные вопросы были включены в текст документа, в котором, в частности, статья VI гласила, что «Россия соглашается на свободный и беспошлинный транзит через свою территорию всякого рода грузов, закупленных Афганистаном как в самой России через государственные органы, так и непосредственно за границей», а в статье X отмечалось, что «для укрепления дружеских взаимоотно-

шений между Высокими договаривающимися сторонами правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики соглашается оказать Афганистану денежную и другую материальную помощь⁷.

Аманулла-хан, тем не менее, в целях получения большей экономической и военной помощи выразил готовность пойти на крайние шаги, в частности, аннулированию ратифицированного с Россией договора в обмен на заключение более выгодного соглашения со своим давним противником – Великобританией в обмен получения «массированных субсидий и иной помощи различного, в том числе военного назначения»⁸.

В целом взаимный товарооборот к этому времени в разы сократился по сравнению с несколькими годами раньше (периода царской России), но тем не менее стороны стремились восстанавливать потерянные позиции, что удалось частично в небольших объемах. В 1920 г., например, через Мерв было ввезено из Афганистана более 1 тыс. пудов чая, семян в небольшом объеме, индиго и бумажные ткани, а в 1921 г. самой значимой статей была ввоз 5,5 тыс. голов мелкого рогатого скота⁹.

Таблица 1

Объемы советско-афганской торговли, млн руб.

	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Оборот	1,12	1,67	4,55	6,07	10,47	5,05
Экспорт	0,09	0,38	1,99	2,69	5,38	1,78
Импорт	1,03	1,29	2,56	2,38	5,09	3,27
Сальдо	-0,94	-0,91	-0,57	-0,69	0,29	1,49

Источник: Головин Ю. М. Советский союз и Афганистан. Опыт экономического сотрудничества. М., 1962. С. 9.

Тем не менее удельный вес Советского Союза в общем внешнеторговом обороте Афганистана остался незначительным, составив в 1924 г. всего 7% (3% в импорте и 13% в экспорте), но к концу десятилетия положение начало постепенно меняться благодаря росту производства и экспорта советских промышленных товаров¹⁰.

Советский экспорт в Афганистан по своей структуре состоял из нефтепродуктов, машин и оборудования, строительных материалов, черных металлов, лесоматериалов, текстильных изделий, продовольственных товаров, бытовой посуды, резиновой обуви, спичек, прочих потребительских товаров. Пик товарооборота приходился на 1927 г., а затем с ухудшением внутриафганской политической обстановки в 1928 г. объемы торговли существенно снизились. Лидерами среди экспортируемой советской стороной продукции выступали текстильные изделия, которых в 1923 г. было вывезено на 7 тыс. рублей, а к 1927 г. – 3008 тыс., но через год этот показатель демонстрировал трехкратное снижение – 914 тыс. руб. Такое положение дел наблюдалось по части экспорта продовольственных товаров (66 тыс., 1512 тыс. и 378 тыс. рублей соответственно), нефтепродуктов (2 тыс., 185 и 134 тыс. соответственно)¹¹.

Что касается импорта из Афганистана, то он преимущественно состоял из земледельческой и животноводческой продукции. Ввозили в основном шерсть, пушнину, живой скот, кожсырья, хлопок, сухофрукты и орехи, масло, семена, рис и прочую продукцию. Существенной в составе импорта была доля шерсти, которая в 1923 г. ввозилась на 878 тыс. рублей, и достигнувшая к 1927 г. 2792 тыс., пушнины (58 тыс., 958 тыс. руб.) и живой скот – 2 тыс. и 656 тыс. соответственно¹².

По другим данным из Афганистана осенью 1921 г. было закуплено 50 тыс. пудов пшеницы и 100 тыс. голов мелкого рогатого скота, а именно овец. Расчет советская сторона просила осуществлять по среднерыночным афганским ценам частично в обмен на мануфактуры, шелка-сырца, посуды, керосина, спичек, сахара и частично серебром¹³.

Афганистан в том же году начал закупать машины и оборудование и намеревался транспортировать через советскую территорию, но на практике изначально возникли практические сложности «благодаря отсутствию точных, определенных данных о роде, количестве, свойстве тех грузов», которые ожидалось афганской стороной. Советская власть всесторонне старалась решать этот вопрос для улучшения содействия¹⁴.

Советская власть параллельно старалась оказывать и техническую помощь. Например, в сентябре 1921 г. сверх условий договора на безвозмездной основе Афганистану предоставляли две метеорологические станции для наблюдения за режимом вод рек, но фактически была установлена только одна в Герате¹⁵. Советский Союз одним из первых открыл воздушное сообщение с Афганистаном. 28 ноября 1927 г. в Кабуле было подписано соглашение между сторонами об открытии воздушной линии Кабул–Ташкент. Документ, состоявший из 17 параграфов, регламентировал обязательства сторон по обеспечению надлежащего воздушного сообщения в указанном направлении. Так, согласно параграфу 4 правительство СССР соглашалось «предоставлять Управлению Воздушного Флота Афганистана необходимые запасные части, горючие и смазочные материалы для воздушной линии Кабул–Ташкент по ценам, установленным для воздушных линий СССР»¹⁶. Для организации международных полетов Афганистан в первые годы пользовался услугами иностранных авиакомпаний. Авиарейсы Ташкент–Кабул, например, выполняли самолеты советской авиакомпании «Аэрофлот»¹⁷.

Аманулла-хан во время своего визита в Москву весной 1928 г. надеялся на экономическую поддержку советского государства для снятия зависимости от транзита и торговли от Британской Индии. Он искал поддержку в решении данного вопроса путем создания необходимой инфраструктуры и заключения торгово-транзитного соглашения с советской Россией¹⁸, но к этому моменту внутриполитическая ситуация в Афганистане начала кардинально меняться не в его пользу.

В дальнейшем к 30-м и 40-м гг. наряду с развитием торговых отношений между странами советскими специалистами были построены в Афганистане объекты инфраструктуры, оказывалось содействие развитию сельского хозяйства, в частности, в борьбе против вредителей сельскохозяйственного урожая, болезней хлопчатника. На новый уровень экономического сотрудничества страны вышли к 50-м гг., когда Афганистан приступил к разработке и реализации пятилетних планов. Новый афганский премьер-министр М. Дауд первым делом для достижения намеченных целей обра-

тился к США, но получил отказ в оказания финансовой помощи. Советский союз после обращения М. Дауда дал положительный ответ и Афганистан получил необходимую сумму¹⁹.

Афганистан в дальнейшем на развитие и модернизацию народного хозяйства, а именно осуществления последующих двух пятилетних планов продолжал ощущать нехватку средств, что вынуждало обратиться за содействием и к другим государствам. Постепенно многие страны, в частности европейские, по различным каналам оказывали Афганистану финансовую и техническую поддержку, но наибольшая часть предоставленных займов, кредитов, грантов и техники приходилась на долю СССР. Для сравнения отметим, что только в годы первого пятилетнего плана объем советской помощи Афганистану составил 166 млн долл. (из них 38 млн – дары, 128 млн – льготные кредиты), что составляло 70% всей иностранной помощи Афганистану²⁰.

По имеющимся данным, объем финансовой помощи Советского Союза афганской стороне по состоянию на 1966 г. (конец второго пятилетнего плана), составил 600 млн долл. Вторым и после СССР в отношении помощи Афганистану были США, вложившие к тому времени в экономику страны около 350 млн долл²¹. В целом за время реализации трех пятилетних планов с 1957 по 1972 гг. Советский Союз предоставил Афганистану свыше 900 млн долл., что составляло около 60% всей внешней помощи²². Иначе говоря, в среднем на реализацию каждого из трех планов советская сторона вложила по 300 млн долл. СССР существенно активизировал свою экономическую политику в Афганистане в 70-е годы. Благодаря помощи советских специалистов и советскому капиталу в этой стране в 1971 г. было построено свыше 60 различных объектов, а к 1975 г. их число выросло более чем в два раза²³.

Особенно активное участие Советский Союз в афганской экономической жизни принимал после прихода к власти Народно-демократической партии Афганистана в конце 70-х гг. Так, в бюджете развития Афганистана 1987 г. сумма, предоставленная СССР, составила 84,1% общих финансовых ресурсов, полученных из внешних источников²⁴.

После прихода к власти правительства моджахедов в 1992 г. как торговые, так и экономические отношения между двумя странами достигли минимального значения, и в таком состоянии находились до свержения власти талибов в 2001 г. С первых дней появления временной власти и далее афганская сторона выражала заинтересованность в участии России в восстановлении и развитии афганской производственной инфраструктуры, но на практике никаких продвижений не произошло. На Токийской конференции, посвященной Афганистану, в 2002 г. глава временного правительства Х. Карзай на встрече с российской делегацией, например, подчеркнул, что его страна нуждается в помощи РФ для восстановления особенно важных для нее секторов экономики – энергетики и ирригации, но на деле афганская сторона не допустила отечественных компаний, готовых вкладывать в Афганистан. Карзай, возможно, и на самом деле желал развития двусторонних отношений, но окончательные решения принимались другими западными странами, прежде всего США, что не позволило ему принимать практические шаги. Об этому свидетельствует его визит в Москву в начале марта 2002 г., в ходе которого было подписано 26 документов о конкретном экономическом сотрудничестве. В частности, обсуждались вопросы взаимодействия в нефтегазовой сфере, системе управления воздушной авиацией, строительстве автодорог. Однако в реальности все эти заявления и соглашения остались на бумаге.

Свой вклад в дело оказания помощи Россия внесла списанием оставшегося еще со времен СССР долга Афганистана. Впервые этот вопрос был поднят в начале 2006 г. на встрече Х. Карзая с президентом В. В. Путиным в столице Казахстана. Изначально речь зашла о реструктуризации долга, составившего 10 млрд долл. Россия выразила готовность списать эту сумму в рамках парижского клуба кредиторов в обмен на получение российскими компаниями доступа на афганский рынок – прежде всего в области добычи полезных ископаемых, нефти, газа, и восстановления объектов, построенных Советским Союзом²⁵.

Во время визита Х. Карзая в Москву в январе 2011 г. российские официальные лица говорили о готовности вложить средства в вос-

становление Кабульского домостроительного комбината и цементного завода в Джабаль-ус-Сирадже, однако афганский президент этот вопрос оставил без ответа. Российский бизнес был готов инвестировать большие средства в названные два объекта, но афганская сторона не проявила своей заинтересованности. По итогам визита «стороны выразили заинтересованность в наращивании регионального экономического сотрудничества, включая реализацию важных проектов в области железнодорожного транспорта и энергетики, в частности, проектов формирования системы передачи электроэнергии из Таджикистана в Афганистан и Пакистан «CASA-1000» и строительства газопровода Туркмения-Афганистан-Пакистан-Индия, и высказались за поддержку участия в них РФ по согласованию с другими заинтересованными сторонами»²⁶, но до распада в августе 2021 г. существовавшей власти никаких позитивных сдвигов в двусторонних отношениях не произошло.

Афганистан получил политическую независимость при наличии крайне неразвитой экономики, которая по сей день находится в неудовлетворительном состоянии. Статьи афганского экспорта, в частности, в Россию за это время не изменились. Так или иначе, Россия с первых дней обретения Афганистаном независимости, играла позитивную роль в становлении и развитии афганской экономики, внешней торговли. Двусторонние торгово-экономические отношения до 90-х гг. развивались неравномерно, но росли в объемах и масштабах. Годы реализации афганских пятилетних планов были периодом наибольшей экономической активности страны и вклад Советского Союза здесь был значимым. Активное участие СССР, а затем Российской Федерации в торгово-экономическом развитии Афганистана завершился с распадом власти НДПА во главе с М. Наджибом, и в дальнейшем зависело исключительно от воли афганских властей и внешних сил, фактически управлявших страной.

¹ Цит. по: *Гуревич Н. М.* Проблемы сельскохозяйственного производства в Афганистане // Народы Азии и Африки. 1979, № 2. С. 32.

² *Рейснер И. М.* Пять лет внутренних реформ в Афганистане // Новый восток. Книга 8–9-я. М., 1925. С. 40.

³ Советско-афганские отношения. 1919–1969 гг. (документы и материалы). М.: Политиздат, 1971. С. 7.

⁴ *Тихонов Ю. Н.* Советская Россия в «Большой игре» (1919–1925). Сборник документов. М., 2019. С. 111–114.

⁵ Советско-афганские отношения... С. 21–22.

⁶ *Тихонов Ю. Н.* Указ. соч. С. 129–135.

⁷ Советско-афганские отношения... С. 30.

⁸ *Бойко В. С.* Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. С. 39–40.

⁹ Документы внешней политики СССР. Том 4. – М.: Госполитиздат, 1960. С. 339; *Головин Ю. М.* Советский союз и Афганистан. Опыт экономического сотрудничества. М., 1962. С. 7–8.

¹⁰ *Гуревич Н. М.* Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М., 1981. С. 32–33.

¹¹ *Головин Ю. М.* Советский союз... С. 14.

¹² Там же, с. 18.

¹³ Документы внешней политики... С. 409.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Документы внешней политики... С. 339; *Головин Ю. М.* Советский союз... С. 7–8.

¹⁶ Советско-афганские отношения... С. 51–55.

¹⁷ *Головин Ю. М.* Афганистан: Экономика и внешняя торговля. М., 1962. С. 70.

¹⁸ Г. В. Чичерин в своих записях приводит содержание беседы с королем и отмечает, что «в других странах он всегда делал что-нибудь для своего народа: или покупал машины или оружие, или приходил к соглашению о посылке афганских учеников или о приглашении в Афганистан инженеров. Он будет очень разочарован, если во время его пребывания в наиболее дружественной стране ничего не будет достигнуто для его страны. ... Он в особенности выделил два актуальнейших вопроса: о проведении шоссейной дороги и о торговом договоре. ... Наша дружба должна выразиться в чем-нибудь конкретном, и прежде всего в том, чтобы мы связались путем проведения шоссейной дороги. ... Еще более важным он считает вопрос о торговом договоре. Его лично горячо интересует вопрос о транзите, ибо Афганистан лишен выхода, так неужели же дружественная страна не предоставит ему транзита». Советско-афганские отношения... С. 95.

¹⁹ *The Middle East and North Africa, 1976–77. L., 1976. P. 182; Корзун В. Г.* Афганистан: политика и политики. М., 1999. С. 24–25.

²⁰ *Гуревич Н. М.* Экономическое развитие Афганистана: финансовые вопросы. М., 1966. С. 238–239.

²¹ *Area Handbook for Afghanistan.* Washington, 1973. P. 348–353.

²² *The Middle East and North Africa...* P. 182.

²³ *Рашидов Р. Т.* СССР – Афганистан. 70-е годы. Ташкент, 1981. С. 17.

²⁴ Материалы государственного плана экономического и социального развития Демократической Республики Афганистан на 1366 год. [март 1987 г. – март 1988 г.]. Т. IV: показатели по капитальным вложениям и капитальному строительству. Кабул, саур 1366 [май 1987]. С. 48.

²⁵ Об урегулировании задолженности Афганистана / МИД РФ, департамент информации и печати, сообщение для печати. 06.02.2006.

²⁶ Россия и Афганистан намерены сотрудничать в реализации ряда энергопроектов, в том числе в реализации проекта газопровода. URL: <https://ria.ru/20110121/324482601.html> (дата обращения: 15.05.2022)

Сотрудничество РСФСР/СССР и Афганистана в военной сфере (1920–1930-х гг.)

Сто лет даже для истории – срок немалый. Он не только позволяет обобщать и оценивать прошлое, но и побуждает к этому. Время проверяет и межгосударственные отношения. Военное сотрудничество – неотъемлемая их составляющая. Тем более, что в нашем случае оно зародилось сразу же после обретения независимости Афганистаном, то есть сто с лишним лет назад и продолжалось весь этот период, меняя только формы и интенсивность.

Октябрьская революция в России, как бы мы сейчас к ней ни относились, создала новые условия для антиколониальной борьбы народов Востока. Обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» стало известно афганским общественным кругам ранней весной 1918 г. В стране активизировалась деятельность оппозиции. В ночь на 21 февраля 1919 г. был убит эмир Афганистана Хабибулла. Близкий к младоафганцам принц Аманулла объявил себя эмиром. Напомним, движение младоафганцев возникло под влиянием русской революции 1905–1907 гг. и выступало за введение конституции, осуществление внутренних реформ и достижение страной политической независимости.

Правительство РСФСР первым признало независимость Афганистана, о чем уведомило его новое руководство 27 марта 1919 г. Еще до получения в Кабуле этого заявления, 7 апреля

1919 г., афганский эмир обратился к главе советского правительства В. И. Ленину с посланием, в котором извещал о своем вступлении на престол. Ответное приветственное послание советского руководства от 27 мая 1919 г. содержало предложение обменяться дипломатическими представительствами. В нем была подтверждена готовность оказать Афганистану вооруженную помощь «против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние»¹.

Установление дипломатических отношений с РСФСР покончило с внешнеполитической изоляцией Афганистана. Однако Великобритания отказалась признать его суверенитет и в мае 1919 г. началась третья англо-афганская война. Регулярные войска Афганистана при поддержке ополчения племен под командованием Мухаммада Надир-хана 27 мая 1919 г. блокировали британские части в форте Тал (в настоящее время – территория Пакистана вблизи афганской границы), что ограничило их наступательные возможности. Потерпев в ходе военных действий поражение, Великобритания пошла на заключение прелиминарного мирного англо-афганского договора, подписанного 8 августа 1919 г. в Равалпинди.

Несмотря на достижение победы в войне, она высветила отсталость военной организации Афганистана и побудила его руководство к поиску путей создания оснащенных современной техникой и способных к решению внутренних и внешних задач вооруженных сил (ВС). Но афганская монархия в то время не располагала необходимыми для этого финансовыми средствами и подготовленными военными кадрами. На помощь пришло молодое советское государство, предложившее заключить торговое соглашение и военный союз между двумя странами, а также предоставить на безвозмездной основе 1 млн рублей золотом, поставить 5 тыс. винтовок с боеприпасами, передать несколько самолетов и организовать в Кабуле авиационную школу для обучения афганских пилотов, направить оборудование для постройки завода по изготовлению бездымного пороха и телеграфной линии Кушка – Герат – Кандагар – Кабул, послать в страну своих технических и

иных специалистов для осуществления этих проектов. 14 августа 1920 г. в Кабул прибыл специальный технический отряд, доставивший подаренную Советской Россией радиостанцию. Вскоре первая группа афганских военнослужащих отбыла в Ташкент на курсы связи для того, чтобы по возвращении составить штат этой радиостанции².

Предложения Советской России уже тогда носили комплексный характер и включали не только поставки вооружения и боеприпасов, но и мероприятия по созданию военной инфраструктуры и помощь специалистами. Этот подход стал характерным для всего дальнейшего военного и военно-технического сотрудничества (ВТС) нашей страны с Афганистаном. Развитию отношений в этих областях способствовало и подписание в Москве 28 февраля 1921 г. Договора о дружбе между РСФСР и Эмиратом Афганистан. Опора на помощь северного соседа позволила эмиру Аманулле продолжить начатые годом ранее военные реформы.

Вместе с тем становление сотрудничества между двумя странами не обходилось без трудностей и разногласий по ряду вопросов. В их основе лежала присущая внешней политике советского государства идеологическая составляющая, которая не встречала понимания афганской монархии, стремившейся следовать собственным интересам, в том числе сохраняя давние, хотя и не равноправные отношения с Великобританией, и извлекать выгоду из балансирования между великими державами, боровшимися за влияние в «сердце Азии». Поэтому попытки Советской России увязать сотрудничество с Афганистаном со свободой ведения на территории этой страны антибританской пропаганды и прямыми поставками оружия приграничным пуштунским племенам Британской Индии не были приняты афганской стороной³.

Особое внимание афганцы придавали формированию такого нового для них вида ВС, как военно-воздушные силы (ВВС,) а также развитию зенитной артиллерии. Это не было случайным. В Афганистане помнили безнаказанные налеты британской военной авиации 12–24 мая 1919 г. на крупные городские центры, включая Джалалабад и Кабул.

Подготовка афганских летчиков была организована осенью 1921 г. при содействии сформированного Советской Россией авиационного звена особого назначения (АЗОН). В Кабуле АЗОН, численность которого составляла 25 чел. под командованием военного летчика В. В. Гоппе, собрало два доставленных сюда в разобранном виде самолета «Сопвич» и «Ньюпор-24» и начало обучение афганцев азам летного дела. Позднее Афганистану в качестве дара нашей страны были переданы 12 самолетов «Сопвич», «Ньюпор-24», «Фарман» и других типов⁴.

Весной 1924 г. пуштунские племена юго-востока страны подняли мятеж против эмира-реформатора. Уступки правительства и его попытки решить возникшие противоречия мирным путем к успеху не привели и летом боевые действия продолжились, создавая реальную угрозу существованию режима. В СССР возглавленный духовенством и знатью пуштунских племен Хостинский мятеж был расценен как результат очередных происков Великобритании против афганского государства. 5 мая 1924 г. И. В. Сталиным, Л. Д. Троцким и Г. В. Чичериным было внесено в Политбюро ЦК РКП (б) предложение срочно предоставить Афганистану «в счет годовых выплат» 250 тыс. рублей серебром. Позднее было принято решение об оказании дипломатического давления на Великобританию, а также последовало указание командованию Туркестанского фронта разработать необходимые меры в связи с ситуацией в соседней стране.

В конце лета, 21 августа, Политбюро приняло решение передать Афганистану 5 тыс. винтовок с боеприпасами, от 50 до 100 пулеметов, 3 радиостанции, а также «ускорить передачу аэропланов, находящихся в Кушке, вместе с летчиками» и «послать летчиков для имеющихся в Афганистане аэропланов». Уже в сентябре – октябре советская сторона поставила Афганистану 5 самолетов. Дополнительно было передано «артимущество» – главным образом снаряды и авиабомбы более чем на 607 тыс. рублей⁵.

Прибывшие в сентябре 1924 г. в Кабул 11 советских летчиков и авиатехников приняли участие в подавлении Хостинского мятежа. Первые боевые вылеты на самолетах «Де Хевилленд»

английской разработки они совершили 6 октября. В конце этого же месяца эмир дал согласие на реализацию предложенного ему советским послом в Кабуле Л. Н. Старком плана формирования ВВС Афганистана. В их составе предусматривалось иметь 36 самолетов, сведенных в два разведывательных авиаотряда по 12 самолетов типа «Де Хевилленд» D. Н. 9 (8 основных и 4 запасных), один истребительный в составе 12 самолетов «Фоккер-27», а также авиашколу (16 самолетов) для выпуска 30 афганских летчиков и наблюдателей ежегодно⁶.

Советские летчики, пребывание которых в Афганистане носило секретный характер, задержались в этой стране на достаточно длительный период. Их участие в хостинских событиях 1924–1925 гг. на стороне правительственных сил укрепило доверие между двумя странами, а привлечение к созданию афганских ВВС, совершавших полеты вблизи линии Дюранда, расширило ожидаемые советской стороной возможности по установлению контактов со свободными пуштунскими племенами Британской Индии⁷.

В 1927–1928 гг. глава Афганистана Аманулла, принявший титул короля (падишаха), совершил длительную зарубежную поездку (Индия, Египет, Италия, Франция, Великобритания, Германия, СССР, Турция, Иран). Всего в ходе этой поездки в Италии, Франции, Великобритании, Германии и других странах было закуплено и заказано 53 тыс. винтовок (по 1 тыс. патронов к каждой), 106 артиллерийских орудий (по 1 тыс. снарядов), 6 пулеметов, 18 самолетов, 5 бронемашин, 10 тыс. шлемов, 1 тыс. фляг, 300 биноклей и 800 радиоаппаратов⁸. По возвращении Аманулла приступил к разработке новой серии реформ, частью прямо заимствованных на Западе без учета особенностей афганского менталитета, уровня развития страны, национальных и религиозных традиций. Ориентируясь на армии европейских стран, он предложил ввести всеобщую воинскую повинность, увеличить срок службы с 2 до 3 лет, а осенью 1928 г. ввел дополнительный чрезвычайный налог в 5 афгани с каждого подданного для закупки вооружений⁹.

Это вызвало недовольство населения, оживление оппозиции и разногласия в среде соратников короля. В отставку были вынуж-

дены уйти идеолог движения младоафганцев министр иностранных дел Махмуд-бек Тарзи и ближайший советник короля министр обороны Мухаммад Вали-хан. Под лозунгами свержения «эмира-безбожника» и отмены «еретических» реформ восстала часть пуштунских племен Восточной провинции. Севернее Кабула разрозненные банды объединились и подняли мятеж под предводительством дезертировавшего из армии унтер-офицера Хабибуллы Калакани по прозвищу Бачаи Сакао (Сын водоноса). Привлечение войск для подавления восстания результатов не дало и в декабре мятежники осадили г. Джалалабад.

В этой ситуации армия показала свою ненадежность: многие нижние чины дезертировали, а офицеры, не принявшие реформ, в которых они видели ущемление собственных интересов, переходили на сторону «защитников ислама». Аманулла, лишившись поддержки правящей верхушки, среди которой царила растерянность, армии, состоявшей главным образом из представителей национальных меньшинств, и части пуштунских племен был вынужден 14 января 1929 г. отречься от престола и выехать в Кандагар. Бачаи Сакао занял Кабул и 19 января был провозглашен эмиром Афганистана¹⁰.

Приход к власти в Кабуле консервативных сил вызвал беспокойство советских властей. Среднеазиатский военный округ (САВО) в то время продолжал вооруженную борьбу с басмачеством. 10 марта 1929 г. разведывательный отдел САВО докладывал: «Хабибулла установил контакты с эмиром бухарским и Ибрагим-беком, обещал оказать содействие в походе на Бухару... Развернувшиеся в Афганистане события, развязывая силы басмаческой эмигрантщины, создают угрозу спокойствия на нашей границе»¹¹. Поэтому когда Аманулла возобновил в Кандагаре борьбу за власть в стране, СССР проявил заинтересованность в оказании ему военной помощи.

В апреле 1929 г. в Москву прибыл министр иностранных дел Аманулла Сиддик-хан Чархи. Он и И. В. Сталин разработали план совместной операции по захвату г. Мазари-Шарифа и других пунктов на пути к Кабулу. Такое решение, вероятно, было принято уже

после обращения в ЦК ВКП (б) генерального консула Афганистана в Ташкенте Гулям Наби-хана Чархи. Он предлагал сформировать на территории СССР отряд из сторонников Амануллы для ведения боевых действий на севере Афганистана и похода на Кабул.

К 10 апреля 1929 г. небольшой по численности отряд Гулям Наби-хана, состоявший из афганских узбеков и хазарейцев, был усилен красноармейцами и советскими командными кадрами, хорошо экипирован, оснащен радиостанцией и вооружен 12 станковыми, 12 ручными пулеметами и 4 горными орудиями. Возглавил советско-афганский отряд численностью около 2 тыс. чел. комкор Виталий Маркович Примаков (с 1927 по 1929 г. – военный атташе посольства СССР в Афганистане). 14 апреля отряд переправился через Амударью и двинулся на юг, а 15 апреля захватил г. Келиф, гарнизон которого не оказал решительного сопротивления. Утром 22 апреля отряд начал штурм главного города северного Афганистана Мазари-Шарифа и к вечеру сумел овладеть им.

Этот город как сторонниками Амануллы, так и советскими политиками и военными рассматривался в качестве важного плацдарма для наступления на Кабул. За него разгорелась ожесточенная борьба. Однако ожидания, что на территории Афганистана к отряду будут присоединяться тысячи добровольцев, не оправдались. Более того, население проявляло к нему враждебность. Под руководством новых властей гарнизон близлежащего г. Дейдади и местные ополчения предприняли попытку уничтожить отряд и несколько раз штурмовали Мазари-Шариф. Атаки были отбиты, тогда афганцы перекрыли арыки, по которым в него поступала вода.

К поддержке отряда подключилась советская авиация. 26 апреля в Мазари-Шариф по воздуху были переброшены 10 пулеметов и 200 снарядов. 5 мая на помощь осажденным был направлен отряд из 400 красноармейцев, вооруженный 8 пулеметами и 6 орудиями. На следующий день советские самолеты бомбили боевые порядки противника, а 8 мая советско-афганский отряд вместе с прибывшим красноармейским отрядом отбросил противника и при поддержке авиации и артиллерии захватил Дейдади.

Через два дня отдыха объединенный отряд взял г. Балх (к западу от Мазари-Шарифа), продолжил движение на восток к Ташкургану и захватил его. 18 мая В. М. Примаков был отозван в СССР, командование отрядом принял Александр Иванович Черепанов. Однако его продвижение в направлении Кабула застопорилось в связи с тем, что брошенная против отряда афганская дивизия овладела Ташкурганом и отрезала пути его снабжения. Между тем 25 мая город в ходе ожесточенных боев был отбит.

Вместе с тем к тому времени продолжение похода потеряло всякий смысл, так как пришло сообщение о поражении войск Амануиллы, двигавшихся на Кабул с юга. 28 мая поступил приказ САВО на возвращение. На Родине более 300 участников операции были награждены орденами «Красного знамени». В походе приняли участие военнослужащие 81 кавалерийского, 1 – горнострелкового полков и 7 – конного горного артиллерийского дивизиона¹².

Весной 1929 г. против Бачаи Сакао начал борьбу бывший военный министр Амануиллы генерал Мухаммад Надир-хан: в марте он начал собирать в Хосте ополчения племен востока и юга Афганистана. Помощь Надир-хану оказали британские колониальные власти. 8 октября его вооруженные формирования нанесли поражение войскам Бачаи Сакао и 12 октября заняли Кабул. Надир-хан 15 октября въехал в столицу и в этот же день был провозглашен королем Афганистана. Бачаи Сакао был схвачен и 2 ноября 1929 г. казнен вместе со своими ближайшими сторонниками.

Основные принципы своей внутренней и внешней политики Надир-шах изложил в декларации, обнародованной 16 ноября 1929 г. В области внешней политики он придерживался курса на нейтралитет и развитие равноправных отношений со всеми странами. Однако в этот период наиболее тесные связи афганского государства складывались с Великобританией, предоставлявшей ему военную и финансовую помощь в обмен на пресечение шахом попыток оказания помощи пуштунскими племенами Афганистана своим соплеменникам в Британской Индии.

Афганистан в рамках объявленной политики нейтралитета, что на практике означало балансирование между интересами великих

держав, продолжил развитие отношений и с СССР. Тогда их военной составляющей стала борьба с басмачами. Они активно использовали приграничные районы Афганистана как убежища и базы для набегов на территорию советских среднеазиатских республик. В конце июня 1930 г. сводная кавалерийская бригада САВО под командованием Якова Аркадьевича Мелькумова вошла в северные районы Афганистана для уничтожения баз басмачей. Афганское правительство не препятствовало этой акции, хотя она вызвала определенное беспокойство властей Британской Индии, с которыми поддерживал тесные связи король Афганистана Надир-шах. Цель вторжения была озвучена бойцам перед переходом границы у поста Айвадж. Она обосновывалась «необходимостью обеспечить социалистическое строительство в СССР и в частности Таджикистана и Узбекистана, необходимостью лишить басмачество экономической базы, истребить басмаческие кадры...».¹³ Представители афганских властей Бадахшана, первоначально упрекнув советских командиров в нарушении границы и призвав их возвратиться на свою территорию, в дальнейшем оказывали им помощь в закупках фуража и переправе через реку Ханабад-дарья.

В отчете сводной бригады об этом походе сообщалось: «... нашим частям не пришлось встретить организованного сопротивления, и они ликвидировали отдельные шайки численностью по 30–40 джигитов, отдельных басмачей и их пособников. Всего уничтожено 839 человек басмачей, эмигрантов, активных пособников... Взорвано до 17 тыс. патронов, взято до 40 винтовок, сожжен весь эмигрантский хлеб, частично угнан и уничтожен скот... Местное афганское население отнеслось к Красной Армии хорошо... Наши потери – утонул при переправе один красноармеец и ранены один комвзвода и один красноармеец»¹⁴.

Руководители басмачей, в том числе Ибрагим-бек, не решились вступить в бой с перешедшими границу советскими войсками и ушли в горы. С лета 1930 г. к уничтожению их отрядов на севере Афганистана приступили афганские ВС и привлекаемые властями ополчения пуштунских племен. Руководство военными действиями осуществлял лично военный министр Шах Махмуд¹⁵. В результате

наиболее многочисленные отряды под руководством Ибрагим-бека, лишившись прежнего благосклонного отношения властей Афганистана, под ударами регулярных войск и пуштунских ополченцев были прижаты к северной границе страны. На совещании в марте 1931 г. Ибрагим-бек вместе со своими курбаши или, как бы сейчас сказали, крупными полевыми командирами принял решение «уйти на советскую территорию, а там будет видно: если население поддерживает, то начнем широкую борьбу с Советами, если нет – заведем с властью переговоры о сдаче».¹⁶ Однако продолжение борьбы на советской территории без ожидаемой поддержки уставшего от войны населения и тыловых баз в Афганистане не представлялось возможным и Ибрагим-бек сдался советским властям.

Уничтожение афганцами инфраструктуры и баз зарубежных вооруженных формирований на своей территории сыграло важную роль в ликвидации в 1931–1932 гг. басмачества как организованного движения¹⁷. Это также способствовало упрочению связей между СССР и Афганистаном, которые закрепил подписанный 24 июня 1931 г. в Кабуле советско-афганский Договор о нейтралитете и взаимном ненападении.

В ноябре 1933 г. Надир-шах был убит. Королем Афганистана был провозглашен его сын Мухаммад Захир-шах (1933–1973). Внутренняя и внешняя политика страны с восшествием на престол нового короля не претерпела принципиальных изменений. Не изменились и основы военного строительства, направленные на модернизацию и увеличение численности ВС. Вместе с тем по ряду причин военное сотрудничество между нашими странами пошло на спад. Главной из них надо признать соперничество великих держав в Афганистане, важную роль в котором продолжала играть Великобритания, боровшаяся против усиления позиций Германии и ее союзников, а также влияния Советского Союза. Афганистан в такой ситуации стремился извлечь максимальную выгоду, сохраняя нейтралитет и балансируя между этими центрами силы.

Вместе с тем в 1930-х гг. лидирующие позиции в военном сотрудничестве с Афганистаном постепенно перешли к Герма-

нии и Турции. Численность турецких военных советников, занятых модернизацией и подготовкой афганской армии, возросла примерно до 150 чел. Турецкие офицеры вели преподавание в Кабульском военном училище. Немцы работали в Главном штабе ВС Афганистана, обеспечивали учебный процесс на высших офицерских курсах и курсах высшего командного состава. В 1938 г. Афганистану был предоставлен германский заем в 8 млн марок для закупки стрелкового и артиллерийского вооружения и боеприпасов, а также самолетов. Германия принимала афганских офицеров технических специальностей на обучение в собственных учебных заведениях сухопутных войск. Великобритания сумела сохранить влияние главным образом на ВВС Афганистана. Меньшую роль в военном строительстве Афганистана в те годы играли Италия, Япония и СССР¹⁸.

Расширяя экономические и военные связи с Германией и ее союзниками, Афганистан не принимал на себя каких-либо военно-политических обязательств, и после начала Второй мировой войны в сентябре 1939 г. официально объявил о своем нейтралитете. Между тем антисоветская и антианглийская деятельность германской агентуры на территории Афганистана продолжалась. На севере она сколачивала вооруженные формирования из эмигрантов, готовя их к переброске на территорию СССР, а на юго-востоке снабжала оружием и деньгами пуштунские племена, провоцируя их на антианглийские выступления.

Необходимо отметить, хотя это и выходит за обозначенные хронологические рамки статьи, что после нападения 22 июня 1941 г. нацистской Германии на СССР советское правительство в октябре 1941 г. направило руководству Афганистана ноту с предложением пресечь антисоветскую деятельность на территории страны. С таким же обращением выступило правительство Великобритании. Афганистан выслал из страны всех подданных Германии и Италии, не являвшихся сотрудниками дипломатических представительств. Внешнеполитический курс на соблюдение полного нейтралитета во Второй мировой войне был подтвержден на Лояджирге, собравшейся в ноябре 1941 г. в Кабуле. В годы Второй

мировой войны Афганистан поддерживал военные связи только с Великобританией и Турцией, они же оказывали ему небольшую военную помощь¹⁹.

* * *

Начало военному и военно-техническому сотрудничеству РСФСР/СССР положило достижение Афганистаном независимости в 1919 г. Подписанный 28 февраля 1921 г. Договор о дружбе между РСФСР и Эмиратом Афганистан предусматривал взаимное обязательство не вступать с третьей державой в военное или политическое соглашение, которое «доставило бы ущерб» одной из сторон. Другие положения договора напрямую не регламентировали отношения в военной сфере, однако согласие Советской России оказать Афганистану финансовую и материальную помощь отнюдь не препятствовало, а лишь способствовало поставкам этой стране военного имущества и вооружений. К тому же, как стало известно уже сейчас, к договору имелись секретные приложения. В развитие Договора о дружбе 31 августа 1926 г. в Пагмане (Афганистан) сторонами был подписан Договор о нейтралитете и взаимном ненападении, который предусматривал невмешательство во внутренние дела друг друга, недопущение использования территории одной из сторон вооруженными отрядами и организациями, враждебными другой стороне, еще раз подтверждал обязательство не вступать в политические, а также экономические блоки, направленные против другой стороны, и сохранять нейтралитет в случае вовлечения одной из сторон в войну с третьей державой.

Договорные обязательства в военной сфере нашли отражение в развитии ВТС, особое место в котором принадлежало оказанию помощи в создании такого нового для Афганистана вида ВС, как военная авиация. Взаимодействие в этой сфере вышло за рамки ВТС, когда советские летчики приняли непосредственное участие в подавлении Хостинского мятежа. В дальнейшем военное сотрудничество в период правления Амануллы и пришедшего ему на смену Надир-шаха дало примеры непосредственного задействи-

вания вооруженных формирований двух стран на афганской территории для решения задач, имеющих для обеих сторон принципиальную значимость. Речь идет о поддержке Амануллы в 1929 г. советско-афганским отрядом под командованием В. М. Примакова и совместной деятельности в 1930–1931 гг. по уничтожению баз среднеазиатских басмачей в Афганистане.

При новом короле Захир-шахе, вступившем на престол в 1933 г, военное и военно-техническое сотрудничество между двумя странами пошло на спад главным образом в связи с укреплением в Афганистане позиций Германии и Турции, принявших активное участие в «большой игре», в которой они выступили противниками СССР и Великобритании.

¹ Цит. по: История вооруженных сил Афганистана 1747–1977. М.: Наука, 1985. С. 89.

² Там же. С. 90, 94.

³ См.: подробнее: *Тихонов Ю. Н.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 47–62.

⁴ *Лаишов А. Ю.* Красные авиаторы на «перекрестке Азии» (1921–1929 гг.). Ч. 1 // Авиапанорама. 2011. № 6. URL: <https://www.aviapanorama.ru/2011/12/krasnye-aviatory-na-perekrestke-azii/> [дата обращения: 24.06.2019].

⁵ *Тихонов Ю. Н.* Указ. соч. С. 154.

⁶ *Аптекарь П.* Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 20-е годы // Сайт «РККА». URL: <http://www.rkka.ru/oper/afg/afg.htm> [дата обращения: 29.05.2019]; *Лаишов А. Ю.* Красные авиаторы на «перекрестке Азии» (1921–1929 гг.). Ч. 1 // Авиапанорама. – 2011. – № 6. URL: <https://www.aviapanorama.ru/2011/12/krasnye-aviatory-na-perekrestke-azii/> [дата обращения: 24.06.2019].

⁷ Там же.

⁸ История вооруженных сил Афганистана 1747–1977. С. 94.

⁹ История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М.: Мысль, 1982. С. 230–231.

¹⁰ См. подробнее: История Афганистана с древнейших времен до наших дней. С. 232–236.

¹¹ Цит. по: *Аптекарь П.* Специальные операции Красной Армии в Афганистане в 20-е годы // Сайт «РККА». URL: <http://www.rkka.ru/oper/afg/afg.htm> [дата обращения: 29.05.2019].

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Слинкин М. Ф.* Вооруженные силы Афганистана в 1955–1971 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 37; История вооруженных сил Афганистана 1747–1977. С. 101.

¹⁶ Цит. по: *Абдуллаев К.* История в лицах. «Наполеон из Локая». Ч. II // Сайт «Comunicom.ru». URL: <http://comunicom.ru/istoriya/156-istoriya-v-litsakh-napoleon-iz-lokaya-chast-ii> [дата обращения: 02.03.2020].

¹⁷ Впоследствии такой же подход – лишение противника баз на сопредельной территории и надежное прикрытие границ страны – стал едва ли не одним из решающих в борьбе с иррегулярными вооруженными формированиями. Достаточно упомянуть вооруженную борьбу турецких властей против повстанческого движения курдов в Восточной Анатолии в 1970–1990-е гг., когда войска совершали трансграничные рейды в Ирак для уничтожения баз Рабочей партии Курдистана, мероприятия по борьбе с проникновением караванов с оружием из Пакистана и Ирана во время войны в Афганистане 1979–1989 гг., а также свежие примеры борьбы против экстремистов на Северном Кавказе и в Сирии. См.: Турция и Курдистан (Курдское национальное движение и опыт вооруженной борьбы при решении проблем этнического сепаратизма). М.: ГК ВВ МВД России; ИВИ МО РФ, 2003. С. 88–92; *Богданов В. А.* Афганская война: Воспоминания. М.: Советский писатель, 2005. С. 88–89; *Лаишков А. Ю., Слинкин М. М.* Сирия. Далекая и близкая война. М.: Издательство МБА, 2018. С. 183–184, 197, и др.

¹⁸ История вооруженных сил Афганистана 1747–1977. С. 100–104.

¹⁹ Там же. С. 107.

Глава III

ТУРЦИЯ

К вопросу о роли российской финансовой помощи в развитии политического сотрудничества с Турцией в период подписания Московского договора 1921 г.

Краткая предыстория подписания Московского договора 1921 г. о дружбе и братстве такова. Брест-Литовский мирный договор, заключенный 3 марта 1918 г. между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, предусматривал пересмотр русско-турецкой границы, установленной после войны 1877–1878 гг. По условиям договора, русские войска должны были незамедлительно очистить округа Ардаган, Карс и Батум, и Россия отстранялась от вмешательства «в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов», но «предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией»¹.

В соответствии с Русско-Турецким Дополнительным договором к основному тексту, пограничная линия, разделявшая Россию и Турцию от точки, где три границы – русская, турецкая и пер-

сидская сходились, до границ Карсского санджака устанавливалась по пограничной линии, существовавшей до Первой мировой войны. Русская же граница и граница трех санджаков Карса, Ардагана и Батума должна была быть восстановлена в том виде, как она существовала до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Таким образом, эти территории оказывались за пределами России. Вместе с тем, из положений договора не следовало и безусловное право турецкой стороны на данные округа.

В сентябре 1918 г. советское правительство аннулировало ту часть Брест-Литовского договора, которая касалась отношений с Турцией. При этом в ноте Народного Комиссара Иностранных Дел Министерству Иностранных Дел Турции² от 20 сентября указывалось на неоднократные нарушения османским правительством Брест-Литовского договора. В частности, по вопросу о плебисците, в рамках которого и должно было быть реализовано право населения трех округов «установить новый строй» отмечалось: «... сейчас же после заключения договора округа эти (имеются в виду Карс, Ардаган и Батум) были заняты турецкими военными силами и к ним был применен режим военной оккупации, сопровождавшийся недопустимыми грабежами и насилиями над мирным населением...

Население, свободным выражением воли которого должен был быть установлен новый строй, было заранее терроризировано и поставлено в условия, при которых право, предоставленное населению трех округов, превращалось в открытые издевательства над ним»³. На основании сказанного советское правительство заявило, «что оно не может согласиться с результатом так называемого волеизъявления населения округов Карса, Ардагана и Батума и считает право этого населения установить новый строй своих областей неиспользованным...»⁴. Нота советского правительства означала разрыв отношений России с Турцией. К тому же общей границы двух стран на тот момент де факто уже не существовало, т. к. оказавшиеся у власти в конце 1917 г. буржуазно-националистические правительства государств Закавказья пошли по пути отделения от Советской России, о чем свидетельствовали

проводившиеся ими переговоры о создании Закавказской Федеративной Демократической Республики (ЗФДР) со своим органом власти – Закавказским сеймом. В мае 1918 г. ЗФДР распалась на отдельные республики, Турция пыталась вести переговоры о границах с каждой из них. В частности, 4 июня 1918 г. были подписаны Батумские соглашения, позже аннулированные по условиям Мудросского перемирия от 30 октября 1918 г. В ноябре 1918 г. Брест-Литовский договор был полностью аннулирован советским правительством. Таким образом, вопрос о границах Турции и Закавказья лишь ожидал своего решения.

В начале 1920 г. Советская Россия и Турция начали предпринимать шаги по установлению отношений. Речь идет о Турции, в качестве представителей которой выступали Мустафа Кемаль и его сторонники – лидеры на тот момент еще далекой от завершения национально-освободительной борьбы турецкого народа, вызывавшей у европейских государств опасливое и, скорее, враждебное отношение. Таким образом, начало сближения сторон стало возможным благодаря наличию общих внешних противников, что позволяло надеяться на эффективность их политического сотрудничества, а значит, – и на укрепление позиций кемалистов и большевиков внутри своих стран.

В конце ноября 1920 г. правительство Турции обратилось к российской стороне с предложением о созыве советско-турецкой конференции. Местом ее проведения была избрана Москва, куда турецкая делегация прибыла 18 февраля 1921 г. Российскую сторону на конференции представляли Г. В. Чичерин, Дж. Коркмасов, турецкую – Юсуф Кемаль-бей, Риза Нур-бей, Али Фуад-паша в качестве посла ВНСТ. Важно, что на момент начала переговоров в Москве в руках у турок находились бывшие территории Армении, которые перешли к ним по Александропольскому договору (декабрь 1920 г.), заключенному между правительством Турции и дашнакской Арменией по итогам турецкого наступления на Армению в сентябре-ноябре 1920 г. Армянский историк Р. Казанджян пояснял: «...правительство первой (Армянской – *Н.У.*) республики обменяло эти территории на обещание Турции помочь ему в борьбе против боль-

шевигов»⁵ (речь идет о статье 5 Александропольского (Гюмрского) договора, в соответствии с которой Турция брала на себя обязательство оказать Армении помощь при просьбе о таковой со стороны правительства дашнаков – *Н.У.*). И именно Александропольский договор оказался исходным при определении границ Армении уже Московским договором 1921 г. Забегая вперед, отметим, что пересмотреть его условия, вернув Армении утраченные земли, не удалось. Но как резюмирует Р. Казанджяна, «... армянские территории были переданы Турции не по Московскому советско-турецкому договору от 16 марта 1921 г. Россия не дарила их Турции. Они были завоеваны последней во время наступления на Армению в сентябре-ноябре 1920 г. и закреплены за Турцией пресловутым Александропольским договором...»⁶. Кроме того, в руках Турции оказались и схожим образом уступленные меньшевистским правительством Грузии Артвин и Ардаган.

Московский договор практически полностью за малым исключением закрепил за турками названные районы. Причем позиция российской делегации как позиция территориальных уступок турецкой стороне была определена еще до начала переговоров в Москве, о чем свидетельствует ряд документов. Так, назначенный послом Советской России в Анкаре П. Мдивани в ходе состоявшейся в январе 1921 г. беседы с Джебесой-пашой – послом ВНСТ в Советской России в конце 1920 – начале 1921 гг. – вручил ему письменные заверения, касавшиеся предстоящих переговоров, следующего содержания: "Ни в переданной мне директиве, ни во время встречи с тов. Сталиным не было ни слова о возможности передачи какой-либо части турецких земель Армении"⁷. Весьма красноречивы были и инструкции по ведению переговоров, полученные советской делегацией от Ленина: положить между Советской Россией и Турцией "начало сближению и дружбе чрезвычайно прочно"⁸.

Позиция российской стороны, очевидно, связана с тем обстоятельством, что наступил момент для более или менее окончательного определения системы послевоенного устройства в Европе: победа России на западном фронте означала, что для союзных дер-

жав оставалась возможность нанести удар Советам только с юга. Закавказье уже практически полностью находилось в сфере влияния России. Турция, таким образом, оказалась последним стратегическим плацдармом, с помощью которого Запад мог пытаться реализовать силовое решение в отношении Советской России. Таким образом, для последней укрепление отношений с Турцией означало столь необходимую перспективу внешнеполитической стабилизации. Турецкий историк-публицист Д. Авджиоглу одну из основных причин подписания Московского договора видел в том, что в руководстве Советской России возобладало мнение, что на советских границах следует приветствовать создание национальных государств, которые не окажутся инструментом агрессии английского империализма и с которыми можно будет развивать дружественные отношения⁹.

Но одновременно готовность российской стороны к конструктивным переговорам предоставила Турции возможность выбора между двумя полюсами противостояния – Россией и странами Запада, причем этот выбор неизбежно должен был быть сделан с учетом того, какая из сторон предложит более убедительные гарантии окончательного создания национального турецкого государства в пределах, установленных самими кемалистами на Основании так называемого Национального турецкого обета или пакта от 1920 г., в данном случае, в пределах границ, включавших и бывшие армянские земли. Поэтому считать, что подписание договора было предопределено обоюдным пониманием общности интересов советского и турецкого народов в борьбе за свободу и независимость – явное упрощение сложившейся на тот момент ситуации¹⁰. Ряд турецких исследователей, например, Мехмет Алтан, Исмаил Джем, Тимур Танер, определяет сущность внешней политики кемалистов в годы национально-освободительной борьбы как использование в интересах Турции противоречий, а точнее – противостояния между Россией и Великобританией. Данного обстоятельства не могло не понимать и большевистское руководство России. Тем более, что к началу московских переговоров ситуация трансформировалась в открытую борьбу между Россией и Англией за Турцию.

О степени остроты этой борьбы говорит тот факт, что буквально за несколько дней до начала переговоров в Москве, а именно, 21 февраля 1921 г. открылась конференция европейских держав в Лондоне с целью пересмотра в сторону смягчения для Турции условий Севрского договора 1920 г., который как раз предполагал расширение территории Армении, включая часть черноморского побережья в районе Трабзона. Делегации, представлявшие кемалистскую Турцию, участвовали как в переговорах в Лондоне, так и в Москве. Английская газета «Манчестер гардиан» писала 26 января 1921 г., что Лондонская конференция означала признание де-факто правительства Кемаля союзниками, и ему остается теперь сделать выбор между ними и большевиками¹¹.

На Лондонской конференции союзники предложили Турции установить границу с Арменией в соответствии с Александропольским договором.

В этих условиях дискуссия на московских переговорах по вопросу о границах Турции с Арменией была практически невозможной: советские предложения о границах просто не могли быть существенно более жесткими, чем те, которые были получены турецкой делегацией в Лондоне. Поэтому подписание договора было неизбежно обусловлено известными территориальными уступками в пользу Турции. Но как признал впоследствии Г. В. Чичерин, «наше тогдашнее сближение с национальной Турцией было и для последней, и для нас актом самосохранения»¹².

Московский договор был подписан 16 марта 1921 г. Он закрепил территориальные приобретения Турции по Александропольскому договору за исключением самого Александрополя (впоследствии Ленинакана, а ныне – Гюмри), который должен был быть возвращен Армении. Турция также сохранила за собой прежде грузинские Артвин и Ардаган, но уступила Батум.

Таким образом, по Московскому договору 1921 г. к Турции отошла входившая прежде в состав Российской империи территория площадью в 23 тыс. кв. км. и с населением около 570 тыс. человек¹³.

Договор с Турцией был ратифицирован чрезвычайной сессией ВЦИК РСФСР уже 20 марта 1921 г., а ВНСТ – лишь 22 июля

того же года¹⁴. Какими же событиями отмечено развитие двусторонних отношений в течение времени, отделившего московские переговоры от ратификации договора турецким меджлисом?

Прежде всего отметим важное обстоятельство, которое акцентируется в работе «Россия и Турция: проблемы формирования границ»: поскольку Турция действительно находилась в положении выбора между Западом и Россией, то уже сделанный выбор означал не урегулирование всех внешнеполитических проблем страны, а лишь более или менее окончательное определение основного вектора своей внешней политики, а следовательно – союзников и противников. Поэтому подписание договора в Москве на самом деле имело своим следствием предотвращение для Турции вероятной борьбы на два фронта, но одновременно оно определяло и тот фронт, где борьба должна была неизбежно продолжиться. *Поэтому-то выбрав Россию в политические союзники, Турция столь настойчиво требовала от нее оказания помощи деньгами и оружием для противостояния военному давлению со стороны западных государств*¹⁵ (Н.У.).

При заключении договора в Москве было достигнуто соглашение об оказании Турции безвозмездной финансовой помощи в размере 10 млн рублей золотом, а также помощи оружием. Однако дальнейшее развитие событий вокруг Александрополя омрачило развитие турецко-российских отношений. В феврале 1921 г. дашнакам удалось восстановить свою власть на значительной части Армении. Таким образом, настал момент вспомнить о Статье 5 Александропольского договора. При этом важно, что договор оставлял Александрополь за турками. Российская сторона получила информацию о контактах турок с дашнаками, очевидно, по поводу вопроса о пресловутой военной помощи. Более того, ввиду изменений во внутривосточной ситуации в Армении турки не спешили освобождать Александрополь, который являлся весьма скромной территориальной уступкой, на которую Турция согласилась по Московскому договору от 16 марта. Одновременно продолжалось сближение Турции с Францией, что в совокупности стало причиной возросшего недоверия российской стороны¹⁶. В итоге совет-

ская сторона приостановила выделение помощи Турции. В марте же 1921 г. Россия подписала торговое соглашение с Англией. Прекращение российской помощи в этой ситуации было воспринято Турцией как жест России в пользу их общего на тот момент противника – Великобритании. Таким образом, даже факт подписания российско-турецкого соглашения в Москве не смог разрядить до конца обстановку взаимных подозрений, в которой развивались отношения России и Турции. Д. Авджиоглу приводит слова из обращения посла Турции в России Али Фуада, датированного апрелем 1921 г.: «Если же вы для того, чтобы угодить англичанам ослабите дружбу с нами и уменьшите свою помощь, английский империализм обманет каждого из нас в отдельности»¹⁷. Тем не менее, российская помощь не возобновлялась, и обе стороны по-прежнему испытывали сомнения в намерениях друг друга. Очевидно, неуверенность во внешнеполитическом курсе Советской России заставляла турецкий меджлис сомневаться в целесообразности ратификации договора с Россией, сама действенность которого, оказалась под вопросом. Вполне вероятно, что в этой ситуации промедление с ратификацией договора турецкая сторона пыталась использовать и как способ давления на Советскую Россию с целью получения от нее обещанной военной и финансовой помощи.

Прибытие в Анкару в июне 1921 г. французского сенатора Франклен-Буйона западноевропейская и стамбульская печать сопровождала активными комментариями о примирении Турции с Антантой. Одновременно активно сообщалось о концентрации турецких войск в Карсе и Ардагане, якобы в преддверии военного конфликта с Советской Россией. На самом деле, как пишет историк-исследователь С. И. Кузнецова, правительство ВНСТ отказалось вступить в антисоветскую коалицию и прекратить войну за независимость¹⁸. Посему Антанта попыталась сломить турок силой оружия – стало известно о готовящемся наступлении греков на Анкару. Именно в эти дни, стремясь до предела осложнить положение кемалистов, Великобритания усердно распространяла слухи о готовящемся нападении большевиков на Турцию. Но 5 июля началось наступление греков на Анкару. Кроме того, еще в апреле 1921 г. Красная

Армия стремительно начала развивать наступление на территории, находившейся под дашнакским правлением. 11 апреля 1921 г. посол Турции в Москве Али Фуад направил своему правительству шифровку следующего содержания: «В случае, если желательна поддержка России в нашей внешней политике и быстрое получение обещанных ею денег, оружия и боеприпасов, следует немедленно начать соблюдать статьи Договора (Московского – *Н.У.*), особенно относящиеся к восточным границам»¹⁹. Советская сторона также ясно давала понять Турции необходимость соблюдения Московского договора в новых условиях, когда советская власть в Армении оказалась восстановленной. В своей ноте на имя Али Фуада от 8 апреля 1921 г. Г. В. Чичерин писал: «Поскольку весь район Александрополя и Эривани снова находятся в руках Армянского Советского Правительства, для турецких войск наступило время отойти за границу, установленную в Московском договоре...». И далее: «Желать выполнения Александропольского договора равносильно аннулированию Московского договора»²⁰. 23 апреля 1921 г. турецкие войска оставили город.

Наступление греков, равно как и окончательное разрешение к этому моменту российско-турецких противоречий по поводу границы с Арменией, убедило турок окончательно принять положительное решение по поводу укрепления российского направления своей внешней политики: Московский договор был срочно ратифицирован ВНСТ 31 июля 1921 г.

Разрешение ситуации вокруг Александрополя открывало пути для оказания российской помощи Турции – советское правительство передало правительству Великого национального собрания Турции в апреле 4 млн руб. золотом, а в мае-июне – 1,4 млн а также во многом устраняло препятствия не только для ратификации Московского договора, но и подписания соглашения между Турцией и тремя Закавказскими республиками, что и произошло в октябре 1921 г.

Развивая выше изложенный тезис, подчеркнем, что ратификация Московского договора означала вторичный и уже окончательный выбор Турцией союзника – Советской России с одновремен-

ным более явным, можно даже сказать, необратимым возложением на последнюю функции помощи Турции и с неизбежным принятием ее Советами вопреки собственным ограниченным возможностям. В силу этого должна была произойти логичная и во многом обязательная трансформация финансово-экономической повестки в доминирующую в двусторонних отношениях. То, что прогноз оказался верным и предполагаемое стало действительным убедительно показывают архивные материалы РГАСПИ, опубликованные в сборнике «Турция: рождения национального государства (1918–1923)»²¹.

Из письма наркома иностранных дел Чичерина наркому по делам национальностей И. В. Сталину от 20 сентября 1921 г.: «Наша восточная политика может потерпеть серьезнейший ущерб из-за финансового вопроса. Самые блестящие победы не спасут Турцию от отчаянного финансового положения. Турки почти ежедневно все в новых вариациях и формах пристают к нам насчет займа. Они все время указывали, что если сверх договорных 10 миллионов мы не дадим им теперь взаймы 50 миллионов рублей золотом, им придется искать милости Антанты»²². Ту же мысль Чичерин продолжает развивать в чуть более позднем письме от 19 ноября 1921 г.: «Мне часто приходила мысль, что для большей успешности наша политика в Турции, в настоящее время страдающая узко политической односторонностью, должна была бы быть восполнена более активной экономической политикой... Одна борьба за национальное освобождение недостаточна для противодействия мировым экономическим законам... Для того, чтобы Турция в конце концов, не подпала под экономическую власть мирового капитала, мы должны были бы помочь ей создать базис для сопротивления этому»²³. В ноябре 1921 г. правительству Турции был передан 1,1 млн руб.²⁴

Из письма полпреда РСФСР при правительстве ВНСТ С. И. Аралова наркому иностранных дел Г. В. Чичерину от 24 февраля 1922 г.: «Политические и экономические результаты нашей смелости и активности или робкой осторожности и пассивного выжидания скажутся в самом непродолжительном времени. Тем более, что напор западного и американского капитала на Анатолию

в настоящее время значительно усиливается»²⁵. Идею стратегической важности экономической помощи Турции Аралов развивает в следующем письме от 1 марта 1922 г. «Правительство прислушивается к нашему мнению и ждет помощи. Настроение в пользу России... В настоящее время в широких кругах Турции широко известно о помощи России, и это необходимо поддерживать и углублять... *Нашей основной задачей на Востоке является помощь ему стать на собственные промышленные ноги, эта экономическая работа и борьба с Западом должны быть общей на всем Востоке*»²⁶ (Н.У.).

Убежденность С. И. Аралова в важности финансово-экономической помощи сыграла свою роль, хотя масштабы помощи оказались несколько более скромными. В адресованной ему телеграмме Заместителя Народного Комиссара Иностранных Дел РСФСР Л. Карахана от 7 марта 1922 г. читаем: «Решено немедленно передать туркам три с половиной миллиона рублей золотом... Немедленно командуйте в Тифлис приемщика, заручившись от турок надежной охраной на турецкой территории...»²⁷. По сообщению издания «Документы внешней политики СССР», указанная сумма была передана Турции в мае 1922 г.²⁸. Таким образом, советская сторона в полном объеме выполнила финансовые обязательства, принятые на себя в ходе подписания Московского договора 1921 г.

Помощь советской России получила позитивный отклик турецкого руководства. В телеграмме от 10 апреля 1922 г., которая может считаться ответной, С. И. Аралов информировал Л. Карахана: «Юсуф Кемаль заявил мне и меджлису, что его впечатление от поездки в Европу следующее: престиж и значение анатолийской Турции в Европе исключительно держится благодаря Советской России и нашей дружбе»²⁹.

Знаменательно, что руководство Советской России, исходя из того, что курс на поддержку Турции является принципиальным, не считало возможным пересматривать его в зависимости от подчас развивавшейся в негативном направлении текущей конъюнктуры двусторонних политических отношений. Так, в апреле-мае 1922 г. разразился инцидент в связи с обвинением российской сто-

роной сотрудников посольства Турции Идрис-бей, Зия-бей, Саим-бей и Эмин бей «в шпионской деятельности против Государства, при котором аккредитовано названное Посольство, членами которого они являются»³⁰. Сотрудники Государственного политического Управления РСФСР изъяли документы, свидетельствующие о преступлении турецких дипломатов и поместили их в вализу³¹ под русской и турецкой печатями. Как отмечалось в ноте Л. Карахана на имя Али Фуада от 27 апреля 1922 г., «эта вализа до сих пор не вскрыта вследствие Вашего отказа от предложения ее вскрыть и подвергнуть досмотру в присутствии представителей Посольства Турции с тем, чтобы позволить возвратить последнему документы, которые якобы не имеют отношения к шпионажу»³². Несколько недель спустя Карахан писал Аралову: «Скажите Мустафе Кемалю, что мы в достаточной степени доказывали, доказываем и будем доказывать нашу дружбу с Турцией; наша помощь оружием и золотом достаточное тому доказательство и не сорвать эту дружбу чемодану, от совместного с нами вскрытия которого Али Фуад отказался, так же как отказался и обсудить с нами возможный выход, ограничиваясь только ультиматумами»³³.

И действительно в дипломатической переписке от июня 1922 г. вновь встречаем упоминание о выделении Турции помощи, правда на сей раз военной. В телеграмме Л. Карахана на имя С. И. Аралова читаем: «Поверенный в делах Зеки Хаки-бей обратился к нам, ссылаясь на просьбу своего правительства, об отпуске тридцати тысяч обойм для французских автоматических ружей. Мы распорядились эту просьбу удовлетворить»³⁴.

Одновременно приведенные выдержки из документов позволяют увидеть процесс выстраивания общих принципов и основных схем политико-экономического взаимодействия будущего СССР со странами третьего мира – обмен нашей экономической помощи на готовность к их элит к политическому сближению и проявление последующей лояльности с целью формирования более или менее дружественного и надежного внешнего окружения, а в последующем – возникновения новых союзников в различных точках земного шара.

¹ См. Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой. Документы внешней политики СССР. Том 1. М.: Госполитиздат, 1957, С. 121.

² Название должностных лиц кабинета Мустафы Кемаля приводится по изданию «Документы внешней политики СССР».

³ См. Документы внешней политики СССР, 1957, т. 1. С. 490

⁴ Там же, с. 491.

⁵ *Казанджян Р. В.* Злосчастный договор. Из истории подписания Московского советско-турецкого договора 1921 г. / «Республика Армения», 25.03.1995.

⁶ Там же.

⁷ *Avcioglu D.* Milli kurtulus tarihi 1838-1995. İkinci Kitab. İstanbul, Tekin Yayınevi, 1993. S. 805.

⁸ *Кузнецова С. И.* Установление советско-турецких отношений (К 40-летию Моск. договора между РСФСР и Турцией). М.: Изд-во вост. лит., 1961. С.47.

⁹ *Avcioglu D.* Milli kurtulus tarihi. S. 808.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Цит. по *Кузнецова С. И.* Установление советско-турецких отношений. С. 31.

¹² Цит. по *Казанджян Р.* Злосчастный договор.

¹³ *Завриев Д. С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, Тбилис. гос. ун-т им. Сталина, 1947. С. 111.

¹⁴ См. СССР и Турция (1917–1979). М.: Наука, 1981. С. 38. В издании «Документы внешней политики СССР». Том 3. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М.: Госполитиздат, 1959. С. 604 приводится другая дата ратификации договора ВЦИК – 20 июля 1921 г.

¹⁵ См. подробнее: *Орешкова С. Ф., Ульченко Н. Ю.* Россия и Турция (проблема формирования границ). М.: Гуманитарий, 2006. С. 150.

¹⁶ *Avcioglu D.* Milli kurtuluş tarihi. S. 830–831.

¹⁷ Ibid. S. 837.

¹⁸ *Кузнецова С. И.* Установление советско-турецких отношений. С. 62.

¹⁹ *Avcioglu D.* Milli kurtuluş tarihi. S. 837.

²⁰ Документы внешней политики СССР. Том 4. 19 марта – 31 декабря 1921 г. М.: Госполитиздат. 1960. С. 49, 54.

²¹ Турция: рождения национального государства. 1918–1923 (По документам РГАСПИ). Составитель: Шувалова Н. Б. М.: Гуманитарий, 2007.

²² Турция: рождение национального государства. С. 120.

²³ Там же. С. 133–134.

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 675.

²⁵ Турция: рождения национального государства. С. 160.

²⁶ Там же. С. 161.

²⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 5. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961. С. 143.

²⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 675.

²⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 5. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г. С. 207.

³⁰ Там же. С. 275.

³¹ Вали́за (от фр. *valise postale* «почтовый мешок») – дипломатическая почта (сумка, пакет, конверт) дипломатического курьера, пользующаяся неприкосновенностью.

³² Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 275.

³³ Там же. С. 379.

³⁴ Там же. С. 454.

Московский договор 1921 г. и его значение для советско-турецких отношений в оценках турецких ученых

В литературе по истории Турции начальный этап советско-турецких отношений рассматривается как время, отмеченное взаимным стремлением к развитию и упрочению межгосударственных связей. Конечно, это обстоятельство разными историками воспринимается неодинаково. Если в отечественной историографии на нем делается особое ударение, то в зарубежной, в том числе турецкой, оно просто констатируется. Тем не менее, сам факт интенсивных союзнических связей пока еще никем не оспаривается.

Предлагаемая статья дана по материалам фундаментального турецкого издания «Турецкая внешняя политика» (*Türk Dış Politikası*, том I. 1919–1980, İstanbul 2001).

После того, как 23 апреля 1920 г. в Анкаре открылось Великое национальное собрание Турции – *меджлис*, декларирующий независимость и целостность Турции, и было образовано правительство, стало очевидно, что не было денег и оружия, чтобы вести борьбу.

Для решения этой проблемы и нейтрализации иттихадистов, находившихся в Москве, и стремившихся оказать влияние на пра-

вительство большевиков, ВНСТ приняло решение направить в Москву делегацию с посланием «Первое письменное предложение ВНСТ московскому правительству» за подписью главы ВНСТ К. Ататюрка. Письмо М. Кемалю к В. И. Ленину от 26 апреля 1920 г. принято считать началом официальных отношений новой Турции с Советской Россией¹.

Письмо содержало предложение установить дипломатические отношения, заключить военный союз и оказать Турции военную, финансовую и продовольственную помощь. В письме указывалось: «Чтобы освободить наши земли от империалистических сил и объединить наши усилия для совместной борьбы против империализма, выражается просьба предоставить в рассрочку 10 млн золотых рублей и определенное количество боеприпасов и других видов вооружения, а также продовольствия»².

2 июня 1920 г. М. Кемалю ответил народный комиссар по иностранным делам РСФСР Г. Чичерин. В ответном письме говорилось следующее: «Российское советское правительство с большим удовлетворением восприняло основные принципы внешней политики турецкого правительства, возглавляемого Великим национальным собранием в Анкаре. Эти принципы следующие: 1) провозглашение Турцией независимости. 2) Бесспорно, все турецкие земли принадлежат турецкому государству. 3) По решению ВНСТ признается право на землю и определения своей судьбы народам со смешанным населением, проживающих в Армении, Курдистане, районе Батуми, Восточной Фракии. 4) Признание всех прав для национальных меньшинств. 5) По вопросу разрешения проблемы Проливов созвать конференцию всех черноморских стран и рассмотреть этот вопрос. 6) Положить конец режиму капитуляций»³.

Таким образом, указывается в работе, в письме Чичерина признавалось сотрудничество с ВНСТ и установление прямых связей, а также право народов, проживающих в Анатолии, определять свою судьбу. Вопрос Проливов должен был быть решен на конференции черноморских стран.

«Эта переписка – подчеркивается в работе – считается началом политических отношений между двумя новыми руковод-

ствами». В этот период группа депутатов ВНСТ выступила против установления отношений с большевиками. М. Кемаль на заседании успокоил их следующими словами: «По этому пункту надо разделять два аспекта. Первый – становиться большевиками; второй – заключать союз с большевистским руководством. Мы, как орган правления, говорим о заключении союза с большевистской Россией. Иначе, мы не говорим о том, чтобы стать большевиками».

Опуская все действия Турции на Западном фронте, перейдем непосредственно к соглашению. Турецкие авторы следующим образом характеризуют причины и факторы российско-турецкого сотрудничества в данный период.

С позиций Анкары следующие причины имели свое значение.

а) для каждой из сторон необходимо было взять во внимание принцип «враг моего врага – мой друг». Для Москвы и Анкары, сражавшихся против империалистических оккупантов, это стало первой причиной, толкавших их к сотрудничеству;

б) для Анкары, не имевшей собственной военной промышленности, Москва стала самым главным источником экономической помощи и поставки военного оборудования;

в) Анкара, не обращая внимания на создание на Кавказе большевистского руководства, взяла под гарантии восточный фронт, смогла все силы перенести на западный фронт, и это сыграло важную роль в победе;

г) особое значение для Анкары имело то, что большевистское руководство стало первым, установившим с ней связи, признала независимость и территориальную целостность Турции, и соглашением 1921 г. Россия стала первым государством, отвергшим режим капитуляции;

д) можно утверждать, что в период Лондонской конференции 21 февраля – 12 марта 1921 г. Анкара в переговорах с западными странами использовала отношения с Москвой в качестве козырной карты.

С точки зрения Москвы причинами сотрудничества стало следующее.

а) для Москвы имеющим силу фактором стал принцип «Враг моего врага – мой друг»;

б) к тому же, победу, которую должна завоевать Анкара в отношении Греции, поддерживаемой Англией, могло бы пробудить мусульман, находившихся под колониальным господством Великобритании;

в) победа Турции над империализмом означала победу для Москвы на южном фронте. Это, с одной стороны, позволило создать на Кавказе большевистское руководство, а, с другой стороны, создало бы ситуацию, когда контроль над Проливами вместо союзников возьмет независимая Турция.;

г) для Москвы создание хороших отношений с Анкарой было положительной рекомендацией в отношениях с народами Средней Азии;

д) на начальном этапе развития (по крайней мере, до 1921 г.) Москва надеялась, что большевистская революция станет фактором, который будет воспринят анатолийским руководством;

е) Москва, считая, что без решения «восточного вопроса» невозможно обеспечить стабильность в международных отношениях, надеялась, что в разрешении этого вопроса эффективную роль сыграют отношения с Анкарой⁴.

«Договор о дружбе и братстве» (1921 г.) стал первым соглашением, указывается в работе, которое ВНСТ подписало с великой державой и включил очень важные положения⁵.

В работе выделены следующие статьи данного договора:

Статья I

Каждая из договаривающихся сторон соглашается в принципе не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою другая из Договаривающихся сторон. Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики соглашается не признавать никаких международных актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции, представленным ныне ее Великим Национальным Собранием.

Под понятием Турции в настоящем договоре подразумеваются территории, включенные в Национальный турецкий Пакт от 28 января 1920 (1336) годы, выработанный и провозглашенный Оттоманской Палатой Депутатов в Стамбуле и сообщенный прессе и всем государствам.

Статья II

Турция соглашается уступить Грузии сюзеренитет над портом Батумом и территорией, лежащей к северу от границы, указанной в статье первой нынешнего Договора, и составляющей часть Батумского округа, при условии, что:

1) население местностей, указанных в настоящей статье, будет пользоваться широкой местной автономией;

2) Турции будет обеспечен свободный транзит всяких товаров, отправляемых в Турцию или из нее, через Батумский порт, беспоплавно, без учинения каких-либо задержек и без обложения их какими то ни было сборами, с предоставлением Турции права пользоваться Батумским портом без взимания за то специальных сборов.

Статья III

Обе договаривающиеся стороны согласны, что Нахичеванская область образует автономную территорию под протекторатом Азербайджана, при условии, что Азербайджан не уступит сего протектората третьему государству.

Статья IV

Обе договаривающиеся стороны, констатируя соприкосновение между национальным и освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй, безоговорочно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления, согласной их желаниям.

Статья V

Дабы обеспечить открытие проливов и свободу прохождения торговых судов для всех народов, обе Договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статута Черного моря и проливов будущей Конференции из деле-

готов прибрежных государств, при условии, что вынесенные ею решения не несут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столице Стамбулу.

Статья VI

Обе договаривающиеся стороны признают, что все договоры, до сего времени заключенные между обеими странами, не соответствуют обоюдным интересам. Они соглашаются поэтому признать эти договоры отмененными и не имеющими силы.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заявляет, в частности, что она считает Турцию свободной от всяких к нему денежных или иных обязательств, основанных на международных актах, ранее заключенных между Турцией и царским правительством.

Статья VII

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, признавая режим капитуляций несовместимым со свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав, считает потерявшими силу и отмененными всякого рода действиями и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму.

Статья VIII

Обе договаривающиеся стороны обязуются не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой страны, или части ее территории, равно как и пребывания групп, имеющих целью борьбу против другой страны. Россия и Турция принимают на себя такое же обязательство и в отношении Советских республик Кавказа, при условии взаимности.

Таким образом, пишет турецкий ученый Эрель Теллял, РСФСР этим договором берет на себя ответственность за признание кавказскими республиками восточных границ Турции. После ратификации договора 22 сентября 1921 г. оно вступило в силу⁶.

Московское соглашение 1921 г., указывается в работе, с самого начала стало основой отношений двух стран и в дальнейшем, когда вставал вопрос о заключении новых соглашений (особенно,

когда СССР в пятидесятые годы стремился к улучшения отношений), советские руководители в своих заявлениях давали на него отсылку⁷.

В 1921 г. правительство ВНСТ вынуждено было более всего проявлять интерес к борьбе на западном фронте. После боев под Сакарья 13 октября 1921 г. в Карсе был подписан договор о дружбе между Арменией, Азербайджаном, Грузией и представителями турецкого правительства. С точки зрения содержания это соглашение было аналогичным, подписанному Московскому договору 16 марта 1921 г.

13 декабря 1921 г. М. Фрунзе прибыл в Анкару, и 2 января 1922 г. было подписано соглашение с Украиной о дружбе и братских отношениях. Турецкий историк Сойсал подчеркивает, что благодаря подписанию соглашения в Карсе, удалось «устранить препятствия для получения помощи из Москвы, а также приграничные страны официально признали восточные границы Турции и принципы ВНСТ»⁸.

Дружественные отношения, выстроенные с РСФСР, подверглись определенным испытаниям в апреле 1922 г. в ходе дипломатического скандала. Военный атташе турецкого посольства и его помощники были обвинены в шпионской деятельности. Советская милиция провела обыск в доме военного атташе и арестовала его и его персонал. 26 апреля РСФСР (стиль сохранен) потребовала экстрадиции задержанных. После этого Анкара выступила с нотой протеста на события и отозвала своего посла. И турецкий посол 10 мая 1922 г. вместе с 15 сотрудниками посольства покинул Москву. В улаживании этого дипломатического скандала важную роль сыграли переговоры, проведенные в Москве с представителем турецкого МИД Нуром, и в Анкаре – российским послом Араловым⁹.

В сентябре 1922 г. после окончательной победы на повестку дня встал вопрос, какой будет обеспечен мир.

Первой проблемой на Лозаннской мирной конференции, открывшейся 20 ноября 1922 г., стал вопрос об участниках конференции. Державы Антанты под предлогом того, что Турция не вое-

вала с участниками Московского и Карсского соглашений, но заключила с ними договоры, выступили против участия РСФСР и других советских республик в конференции. По этой причине среди участников Лозаннской конференции советских республик не было¹⁰.

С другой стороны, одним из самых главных проблем конференции должен был стать вопрос об определении статуса Проливов. В 1921 г. в Московском соглашении подчеркивалось, что вопрос Проливов должен быть отрегулирован прибрежными государствами (статья 5). Но державы Антанты, желавшие «разрядить» этот вопрос, хотели сами стать главными участниками урегулирования этого вопроса. К тому же они выступали против участия Москвы в решении этого вопроса. Таким образом, большевистское руководство, с одной стороны подчеркивало, что урегулирование этого вопроса без его участия будет недействительным, а, с другой стороны, напоминало Турции об урегулировании, предусмотренном в Московском соглашении. Российский посол Аралов в ноте, отправленной в МИД Турции, призывал ее действовать совместно. В результате советская делегация, состоявшая из представителей России, Украины и Грузии, приняла участие лишь в первом разделе Лозаннской конференции, на котором рассматривался вопрос Проливов. 27 октября 1922 г. Ленин в интервью, данном английской газете «Observer Manchester Guardian» следующим образом изложил российскую позицию по вопросу Проливов: «Необходимо удовлетворить все национальные требования Турции; должны быть закрыты Проливы для всех военных кораблей в мирное и военное время; предоставить полную свободу торгового мореплавания»¹¹.

В период Лозаннской конференции Исмет-паша и Чичерин договорились проводить совместную политику и проводить консультации. Чичерин в заявлении 4 декабря заявил от имени советского правительства, что Проливы принадлежат Турции. Он также подчеркнул, что Проливы очень важны для советских республик: еще до национально-освободительной войны 70% российской пшеницы проходили через проливы.

Несмотря на возражения советов, 1 февраля 1923 г. было достигнуто соглашение о том, что при определенных условиях военные корабли могут войти в Черное море, и безопасность проливов будет обеспечена международной комиссией¹².

Таким образом, очевидно, что турецкие историки в данном издании лишь констатировали события и практически не дали оценок как самого соглашения 1921 г., так и его значения для советско-турецких отношений.

¹ Turk Dış Politikası çilt I 1919–1980 İstanbul, S. 166.

² Ibid, S. 167.

³ Ibid.

⁴ Ibid. S. 162.

⁵ Ibid. S. 173.

⁶ Ibid. S. 174.

⁷ Ibid. S. 174.

⁸ Ibid. S. 162.

⁹ Ibid. S. 175.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. S. 176.

¹² Ibid.

Московский договор 1921 г. и территориальные проблемы в советско-турецких отношениях на заключительном этапе Второй мировой войны в оценках турецких исследователей

16 марта 1921 г. в Москве представителями Великого Национального Собрания Турции (ВНСТ) и правительством Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) была установлена северо-восточная граница Турции, существующая до настоящего времени (Договор о дружбе и братстве). Был зафиксирован отказ двух стран от принятия договоров и актов,

к принятию которых понуждалась бы другая сторона¹. Согласно договору, Батуми оставался за Грузией². Карс и Ардаган передавался Турции. Москва признавала южные границы Турции.

Спустя почти четверть века – 19 марта 1945 г., Советский Союз денонсировал другой основополагающий для советско-турецких отношений документ – Парижский договор о дружбе и нейтралитете (17 декабря 1925 г.).³ Как отмечает Мустафа Бильгин (Университет им. Баязида Йылдырыма, Анкара), автор монографии «Британия и Турция на Ближнем Востоке», в начале марта 1945 на внешнюю политику Турции повлияли два разных события. С одной стороны, Турция и Великобритания стали ближе друг к другу после непростого периода охлаждения в последние годы войны. Таким образом, наметились пути выхода Турции из международной изоляции, куда загнала ее политика «активного нейтралитета». С другой стороны, начался беспокойный период между СССР и Турцией. «В начале марта, после объявления Турцией войны державам оси (23 февраля 1945 г.), советское радио и пресса начали кампанию против Турции, обвиняя ее в сотрудничестве с Германией. Более конкретное событие произошло с уведомлением Москвы 19 марта 1945 г. о расторжении российско-турецкого договора от декабря 1925 г., который должен был быть продлен 7 ноября 1945 г.. Советский МИД передал записку Сарперу, который собирался вылететь в Анкару для консультаций»⁴.

Из записки, которую Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов представил послу Турции Селиму Сарперу, следовало, что в «связи с глубокими переменами, особенно в период Второй мировой войны, Договор 1925 г. больше не соответствует новой ситуации и нуждается в серьезном улучшении». В ответном письме Турции от 4 апреля 1945 г. была выражена готовность «внимательно ... рассмотреть любые предложения, которые Советское правительство предложило бы, чтобы заключить договор, более соответствующий нынешним интересам двух стран»⁵. Как отмечает американский исследователь внешней политики США на Ближнем и Среднем Востоке, профессор Брюс Р. Кунихолм, «Турция была готова изменить Конвенцию Мон-

трё, но не могла уступить территории или базы Советам. Однако в свете своей уязвимости к советскому давлению правительство Турции 4 апреля сообщило Советскому Союзу, что оно готово изучить любые предложения, которые Советы могут сделать в отношении другого пакта»⁶.

Советский демарш не стал неожиданностью для Турции. Британский исследователь Николас Тамкин отмечает, что «такой шаг ожидался в Лондоне и Анкаре: договор датирован 1925 годом и был откровенно устаревшим»⁷. Дело не ограничивалось исключительно давностью договора. В ходе войны Лондон имел неоднократные объяснения с СССР по поводу изменения его турецкой политики. Анкара также осознавала, что ее сомнительная политика в годы войны с точки зрения буквы договора 1925 г. должна была поставить вопрос о его ревизии. Турецкие исследователи Пинар Бильгин и Кыванч Кош (Университет Билькент, Анкара) в связи с этим также пишут, что «денонсация СССР Договора 1925 г. не стала шоком для турецких политиков. Сарпер предупреждал Анкару еще в декабре 1944 г., что СССР, скорее всего, денонсирует Договор 1925 г. и предложит некоторые изменения в Конвенции Монтрё». Посол Турции в Москве предупреждал также, что «отношение его советских коллег к Турции было далеко не “дружественным”»⁸. Поэтому первой реакцией Турции на послание Молотова от марта 1945 г. (в ходе первой беседы с С. Сарпером) было заявление о своей готовности обсудить новый договор⁹.

Во время второй беседы, между С. Сарпером и В. М. Молотовым 7 июня 1945 г., последний заявил, что есть два условия для заключения нового договора между Турцией и Россией: исправление турецко-советской границы, установленной Договором 1921 г., что означало отказ Турции от Карса и Ардагана, и предоставление баз для Советской России в Дарданеллах¹⁰. «...Советы выдавали в качестве компенсации за возможную потерю Карса и Ардагана возвращение Алеппо (бывшие османские владения в Сирии – *А.Б.*)»¹¹. При этом, как отмечает Мустафа Бильгин, в разговоре с С. Сарпером, Молотов «“мрачно намекнул”, что существует четвертый нерешенный вопрос...»¹². По словам Мурата Улгула

из Черноморского Технического Университета (Трабзон), четвертым требованием могли быть «некоторые ... изменения в Турецкой Фракии в пользу Болгарии и Греции»¹³. Американский исследователь Б. Р. Кунихолм дает иную версию четвертого требования В. М. Молотова. По его словам, оно состояло в разрыве Анкарского соглашения с Великобританией¹⁴ или переориентации внешней политики Турции (в пользу СССР – *А.Б.*)¹⁵. Позже, уже в ходе Потсдамской мирной конференции¹⁶, по словам турецкого исследователя Тюрккаяй Атаёва¹⁷, В. М. Молотов заявил британскому премьеру Уинстону Черчиллю, что части Советской Армении и Советской Грузии в 1921 г. (по Московскому договору 1921 г. – *А.Б.*) были отторгнуты от России и никакие соглашения не могут быть достигнуты до урегулирования территориального вопроса¹⁸. Следует отметить, что в разговоре с У. Черчиллем В. М. Молотов практически дословно повторил свой ответ во время третьей встречи с С. Сарпером 18 июня 1945 г.¹⁹.

Мнение о том, что ухудшение советско-турецких отношений достигло своего апогея сразу после войны в 1945 году, т. е. «когда Москва денонсировала Договор о дружбе и братстве 1925 г., и когда были выдвинуты официальные и полуофициальные требования в отношении проливов и восточных провинций Турции»²⁰ разделяют и другие турецкие исследователи. Как отмечал турецкий исследователь Алтемир Кылыч²¹, «Сарпер тут же (т. е. на первой же встрече 4 апреля 1945 г. – *А. Б.*) отклонил эти (территориальные – *А.Б.*) условия, даже не запросив указаний своего правительства. Пересмотр границ 1921 г. означал возвращение России провинций Карс и Ардаган в Восточной Турции, которые царская Россия захватила после войны 1877–1878 гг., а Советская Россия *вернула в 1921 году* (выделено нами. – *А.Б.*)»²². По его мнению, если бы Турция проявляла какой-либо интерес, советская сторона проинформировала бы об этом Сирию – давнего соперника Турции²³. Некоторый диссонанс в единство мнений вносят П. Бильгин и К. Кош. Они отмечают, что хотя намеки на изменение политического курса после заявления В. М. Молотова (т. е. официальных требований Советского Союза – *А.Б.*) были очевидны, а обильные коммен-

тарии со стороны официальных лиц Анкары в отношении текста «молотовской декларации» означали начало конца эры «искренней дружбы», дискурс турецких политиков еще не указывал на решительное изменение идентичности (образа) СССР. «Общее впечатление в Министерстве иностранных дел в Анкаре было выжидательным», – подчеркивают они²⁴.

Второе предложение В. М. Молотова было направлено на двустороннее изменение Конвенции Монтрё 1936 г. (далее КМ-36 – *А.Б.*), на что С. Сарпер сказал, что это вопрос не может быть обсуждаем в формате двух государств²⁵. Турецкие историки отмечают, что позиция Анкары по данному вопросу *с самого начала была однозначной* (выделено нами. – *А. Б.*). Хасан Сака, министр иностранных дел Турции, возвращаясь с конференции в Сан-Франциско²⁶, остановился в Лондоне, где на пресс-конференции заявил, что «многостороннее соглашение Монтрё не может быть пересмотрено только Турцией и Советским Союзом»²⁷. Дипломат, политолог и профессор международных отношений, академик Али Суат Билге (1921–2010), автор монографии «Трудное соседство: турецко-советские отношения между Турцией и Советским Союзом. 1920–1964 годы»²⁸, подчеркивает, что относительно территориальных требований Москвы и создания советской военной базы в проливах, Х. Сака заявил, «что, если эти требования будут приняты, Турция фактически будет присоединена (в данном случае аннексирована – *А.Б.*) Россией»²⁹. То же, как отмечают турецкие исследователи, подчеркивал в своем заявлении премьер-министр Турции Шукрю Сараджоглу указавший на то, что во внешней политике Турции не произошло никаких изменений: «как и в прошлом, современная внешняя политика Турции направлена на защиту независимости и суверенитета Турции»³⁰.

Общественная же реакция на советские требования в Турции была «подобно взрыву»³¹. Нация, по словам А. Кылыча «немедленно объединилась против неизбежной советской агрессии. Президент Турции Исмет Инёню в своем ноябрьском «послании о республике» по сути выразил готовность к войне³². По словам С. Бильге, градус возмущения в Анкаре в 1945 г. был такой, что в магазинах

пришлось поменять салаты с русскими этикетками на американские³³. Он подчеркивает, что принятие Турцией советских требований означало конец Турции как независимого государства³⁴.

Большинство турецких историков отмечает доброжелательную и терпеливую позицию Турции, ее безупречную позицию с точки зрения буквы Московского договора, готовность заключить приемлемый новый договор и агрессивные планы Москвы. Так, тот же А. Кылыч отмечает, что полное значение советских намерений в отношении Турции стало ясно через несколько месяцев после окончания войны в Европе, когда «яростная пропагандистская кампания была развязана советской прессой и радио». По его словам, сама Турция «в принципе согласилась с тем, что договор 1925 г. может потребовать пересмотра, и поручила своему послу в Москве обратиться к советскому правительству, чтобы изучить условия, при которых может быть заключено новое соглашение» (см. выше)³⁵. При этом А. Кылыч, не склонен сравнивать пропагандистскую кампанию в СССР с реакцией на события в самой Турции, которая, по его словам, была не меньшей.

Со своей стороны, М. Улгул считает, что требования к турецким землям ничем не отличались от итальянских претензий на западные территории Турции до войны, и любой шаг к признанию этого требования «являлся бы казусом белли для Турции. ... Мало того, что Советское правительство не уважало независимость и территориальную целостность своего южного соседа, она также отказалось от принципов, сформировавших основу советско-турецкой дружбы в межвоенный период»³⁶.

М. Бильгин также исследовал реакцию турецкого посла в Москве на советские требования. Судя по его монографии, в своем докладе Анкаре С. Сарпер верно оценил намерения советской стороны. «Он отметил, что русские хотели бы решить проблему проливов в будущем. Для достижения этой цели они могут стремиться к тому, чтобы Турция согласилась с этим еще до созыва международной конференции по данному вопросу». Тем не менее реакция Сарпера на советскую ноту была умеренной, поскольку он заверял Анкару, что «русские не будут пытаться достичь дву-

стороннего соглашения с Турцией, поскольку этот вопрос был международным»³⁷. То же отмечает и Н. Тамкин. Он подчеркивает, что «хотя Сарпер был встревожен советскими условиями, он не унывал ... Он также, похоже, предположил, что Советам может быть разрешено, использовать базы в районе Проливов в военное время». Переговоры относительно территориальных требований СССР, по мнению С. Сарпера могли лишь помешать возможности «реальных переговоров по Проливам»³⁸. П. Бильгин и К. Кош подтверждают, что «после передачи послания Молотова в марте 1945 г. Сарпер предположил, что Молотов имел в виду под «улучшениями» пересмотр положений Монтрё»³⁹.

В целом, как отмечает, М. Бильгин, «по словам британского посла в Анкаре⁴⁰, *демонстрация не вызвала особой тревоги у турецкого правительства из-за обнадеживающих объяснений советского посла* (выделено нами. – А.Б.). В своих беседах с С. Сарпером С. А. Виноградов⁴¹ оставил у первого впечатление, что тот найдет подходящую форму для переговоров в Москве»⁴². Поэтому, получив ноту В. М. Молотова, турецкий посол отправился в Анкару в мае 1945 г. для двух «неофициальных» встреч с советским послом С. А. Виноградовым. «На этих и других последующих встречах посол Сарпер сообщил своим коллегам из СССР, что Турция согласится на некоторые из их просьб (например, с закрытием проливов для военных кораблей нечерноморских государств и разрешением прохода военных кораблей СССР во время войны)». Исследователи обращают внимание на то, что С. Сарпер «также отметил, что для того, чтобы разделить дополнительное бремя, вызванное таким изменением режима Проливов, СССР должен был бы заверить Турцию в своей «поддержке» безопасности Проливов»⁴³. Следует прийти к заключению, что под безопасностью турецкий посол подразумевал солидарность позиций Турции и СССР на предстоящей конференции по проливам.

Другой исследователь – Барин Кайяоглу, также отмечает, что вначале турецкое правительство не делало большой проблемы из советских требований. На встрече с турецким верховным командованием в июле 1945 г. президент Исмет Инёню выразил желание

остаться в дружбе с Москвой. «Преемник Ататюрка, он заметил, что для Турции было бы идеально вступить в союз с Великобританией и Советским Союзом. Инёню рассчитал, что какая бы сторона не оказала давление на Турцию в будущем, та сможет опереться на поддержку другой стороны; используя соперничество между ними, Турция сможет просто оставаться нейтральной»⁴⁴. Сходное мнение присутствует и в западной историографии. Так, Б. Р. Кунихолм отмечает, что к самому заявлению о денонсации турецкие лидеры «отнеслись ... философски»⁴⁵.

Тем не менее, заключает М. Бильгин, «фактически это (продолжение переговоров по поводу заключения нового договора – *А.Б.*) была иллюзия, поскольку Сарпер попал в советскую ловушку»⁴⁶. Относительно оптимистичная атмосфера, которую он почувствовал, вскоре сменилась огромной горечью, когда Москва попросила Анкару согласиться с ее необоснованными требованиями»⁴⁷. Н. Тамкин отмечает, что перехваченная шифровка второй встречи Сарпера с Молотовым (7 июня 1945 г. – *А.Б.*) «показала, что оптимизм был необоснованным. Тон Молотова был резким, и он повторил советские требования. Молотов настаивал на Карсе и Ардагане [...] Сарпер теперь пессимистично относился к будущим переговорам»⁴⁸. Следует отметить, впрочем, что мнение о прекраснодушии турецкого посла представляется необоснованным. С. Сарпер вполне отдавал себе отчет в «сложном» отношении Советского Союза к его стране (см. выше) и был совершенно прав в том, что решение такого важного международно-правового вопроса, как изменение режима Конвенции Монтрё 1936 г. было невозможно в рамках двусторонних советско-турецких отношений, что и показали дальнейшие события.

Среди турецких историков разнятся и оценки характера советских угроз. Так, С. Бильге обращает внимание на то, что отказ Турции вступать во Вторую мировую войну ввиду опасности советско-турецкого сотрудничества и советские требования к Турции после войны, были тождественными процессами, указывающими, прежде всего на то, что Россия «проводит глобальную политику ... и что, получив власть, она выходит за пределы своих границ».

Польша, Румыния, Иран и Турция находились в тех регионах, которые, по его мнению, пострадали после войны «от этого влияния». С. Бильге отмечает, что для проведения своей внешней политики Москва использовала «польский синдром» Анкары, который последняя испытывала после раздела Польши. В качестве доказательства С. Бильге приводит слова В. М. Молотова, который в ходе переговоров с С. Сарпером ссылаясь на пример Польши, которая изменила, по требованию СССР Рижский договор 1921 г.⁴⁹ Предполагалось, заключал С. Бильге, «что Турция станет сателлитом, подобным Польше»⁵⁰.

По мнению М. Улгула, «ретроцессия турецких территорий имела второстепенное значение для советских правителей по сравнению с базовыми требованиями к турецким проливам». В то же время он подчеркивает, что «несмотря на то, что советские правители отказались (в дальнейшем – *А.Б.*) от территориальных требований для обсуждения вопроса о проливах, мы не могли бы сказать, что территориальные требования были полностью тактическим шагом ... было бы логично согласиться с Теллялем⁵¹, что это была ошибка для советских правителей, потому что это требование вызвало острую реакцию, может быть, больше, чем спрос на базу на Проливах»⁵².

Есть, впрочем, и другие исследователи, которые предлагают рассматривать послевоенный кризис советско-турецких отношений в комплексе взаимоотношений двух стран в 20–40-е гг. В своей докторской диссертации Б. Кайяоглу, отмечает, что в изменении внешнеполитического курса СССР после войны в равной степени была виновата и турецкая сторона. Соглашаясь с тем, что требования СССР о базах и территориях «нанесли серьезный удар по турецко-советским отношениям и подтолкнули Анкару к Западу», он, тем не менее, приходит к выводу, что главная причина советских требований, состояла в том, «что отношения между Анкарой и Москвой не могли быть прежними после войны, потому, что Советский Союз был убежден, что нейтралитет Турции благоприятствовал Берлину. При этом он подчеркивает, что «что официальных требований со стороны Москвы не было, были только предложения»⁵³.

Б. Кайяоглу отмечает также, что советско-турецкие отношения были корректными – даже дружескими – с 1920-х гг., обращая внимание на то, что в межвоенный период турецкое правительство старалась не делать большой проблемы из советских требований аналогичного характера⁵⁴. Более подробно эту тему разработана Пинар Бильгин и Кыванчем Кошем, которые склонны идти дальше своих коллег, исследуя истоки советско – турецких отношений. Так, они приходят к выводу, что внешнеполитический дискурс Турции по поводу идентичности СССР за два десятилетия «прошел полный круг». «В межвоенный период СССР не один, не дважды, а четыре раза заявлял о своих интересах так, чтобы Турция изменила свою позицию по многим вопросам, включая режим проливов ... и ее восточных границ»⁵⁵. Тем не менее, отмечают они, турецкие политики предпочитали изображать эти потенциально опасные предложения «как простые внешнеполитические вызовы», сохраняя «идентичность» своего северного соседа как «искреннего друга»⁵⁶. Т. е., по мнению авторов, «значение потенциально взрывоопасного момента было (сознательно – *А.Б.*) преуменьшено»⁵⁷.

После войны, когда турецкие политики «решили обострить отношения с СССР *и стремились к безопасности в союзе с Западом* (выделено нами – *А.Б.*) в дискурсе турецких политиков идентичность своего северного соседа была переделана как «СССР, царский экспансионист», что, в свою очередь, сделало сохранение отношений «искренней дружбой» «невозможным, а разрыв с СССР неизбежным»⁵⁸. В данном случае выражение «обострить отношения с СССР», не следует понимать буквально. Подобно другим турецким историкам П. Бильгин и К. Кош считают, что невозможность (после заявления В. М. Молотова) продолжить с СССР прежнюю политику подвела турецких руководителей к необходимости бросить вызов Советскому Союзу в форме открытого отказа от его требований, рассчитывая на поддержку западных союзников СССР⁵⁹. Поворот этот не был одномоментным, а происходил, как утверждают исследователи, по мере осознания руководителями Турции невозможности оставаться в прежнем формате советско-турецких взаимоотношений, а «пока турецкие политики пытались решить,

как именно реагировать, какое-то время они молчали»⁶⁰. В самом дискурсе политики Анкары, отмечают П. Бильгин и К. Кош, «произошел поворот, хотя и далеко не радикальный. В то время как в предыдущих случаях Турция не отклоняла советские предложения по изменению режима Монтрё, на этот раз министр иностранных дел публично отверг любые возможные двусторонние решения, которые должны были быть найдены для решения советских проблем». Слова Ш. Сараджоглу (см. выше) означали изменение образа СССР во внешнеполитическом дискурсе Турции, поскольку в отличие от предыдущих лет, когда значение аналогичных советских предложений сознательно преуменьшалось, «сообщение Молотова было представлено турецким премьер-министром как подрывающее «суверенитет» Турции»⁶¹.

В особенности изменение дискурса в конструировании образа СССР, по мнению П. Бильгин и К. Коша, было заметно в позиции сторонников сохранения прежних советско-турецких отношений. Так, генерал в отставке Казым Карабекир⁶², «который был одним из важнейших участников по становлению дружеских отношений Турцией и СССР в 1920 г.» в 1945 г. вновь подтвердил свое желание, чтобы между Турцией и СССР сохранялись хорошие отношения. «Тем не менее, Карабекир также предупредил, что, если СССР будет настаивать на проведении “царской политики” и требовать территориальных уступок, вражда девятнадцатого века, безусловно, возродится». С точки зрения П. Бильгин и К. Коша, это был еще один показатель «сдвига» в дискурсе турецких политиков. Как и в случае со словами Ш. Сараджоглу, «использование Карабекиром метафоры “царская политика” применительно к СССР сигнализировало о возможности возврата к представлениям (о России – *А.Б.*), существовавшим до 1920 г. (т. е. до начала советско-турецкого сближения – *А.Б.*). Всего несколько месяцев назад (т. е. до заявления В. М. Молотова – *А.Б.*) актуальность прежней идентичности СССР как «царского экспансиониста» была отвергнута турецкими политиками в пользу послевоенной идентичности «искреннего друга». Теперь один из архитекторов идентичности СССР после Первой мировой войны публично ставил

под сомнение актуальность этой идентичности»⁶³. Следует отметить все же, что степень резкости заявления К. Карабекира исследователя явно преувеличена.

К каким же результатам, по мнению турок, привел кризис в советско-турецких отношениях в связи с требованием СССР изменить территориальные статьи Московского договора 1921 г. По общему мнению, Советский Союз понес большие политические потери. Согласно утверждению М. Улгула, советскую политику в отношении Турции в 1945 г. можно охарактеризовать как провал, поскольку ни одно из требований, не было реализовано Советским Союзом «в 1945 году или позже». Одной из основных причин М. Улгул считает территориальные требования, «которые вызвали более негативную реакцию, чем требование о базах (в проливах – *А.Б.*)»⁶⁴. Как утверждает С. Бильге, «уважение к территориальной целостности Турции было одним из главных условий дружбы с Турцией, и нарушение этого условия вызвало не только негативную реакцию со стороны турецких политиков, но и турецкой общественности и прессы. Когда Соединенные Штаты настаивали на базах из Турции в последующие годы, это не вызвало общественной реакции, а в конце 1950-х годов Турция даже вызвалась предоставить базы для американских баллистических ракет»⁶⁵. Эта ситуация была расценена как естественные результат альянса с западными государствами, они не рассматривались как неуважение к независимости Турции»⁶⁶.

Вторым результатом турецкие ученые считают полный поворот во внешнеполитической традиции республиканской Турции. Как отмечает М. Бильгин, «советская угроза стала основным фактором, который возродил традиционное англо-турецкое стратегическое сотрудничество в начале эпохи холодной войны»⁶⁷. П. Бильгин и К. Кош также подчеркивают, что «переосмысление идентичности СССР в дискурсе турецких внешнеполитических деятелей сконструировало “реальность”, в рамках которой принимались конкретные внешнеполитические решения, в том числе послевоенный поворот от СССР к «Западу»»⁶⁸. М. Улгул утверждает, что «требуя неприемлемых условий, Советское правительство толкнуло Турцию

в объятия западных государств и заставило ее отказаться от традиционной политики баланса сил еще в начале холодной войны»⁶⁹. Как бы продолжая эту мысль, турецкие исследователи из Университета Vistula (Варшава) Аслан Давут Хан и Сельджук Бугра отмечают, что «как следствие, Турция стала членом НАТО в 1952 году. Это был конец периода нейтралитета, который она так старалась сохранить любыми средствами во время войны и после нее. Было очевидно, что использование одной могущественной страны против другой⁷⁰ для сохранения статуса уже невозможно. Период невмешательства в активную международную политику закончился»⁷¹.

Таким образом, в современной турецкой историографии по-прежнему преобладает негативная оценка той роли, которую сыграл Советский Союз в послевоенной истории советско-турецких отношений. Следует признать справедливость выводов в той части, которая касается выдвижения СССР заведомо невыполнимых требований по исправлению советско-турецкой границы⁷². При этом некоторые исследователи обращают внимание на то, что советские предложения не носили законченного характера, т. е. сохранялась возможность для переговоров. Подчеркивая справедливый характер турецкой политики, многие исследователи не обращают внимания на то, что советские требования к Турции в отношении проливов не оспаривались никем из держав антигитлеровской коалиции, в том числе и самой Турцией и были обусловлены печальным опытом турецкого «суверенитета» над проливами в годы Второй мировой войны⁷³. При этом в турецкой историографии преобладает тенденция ограничить исследования территориальных и «проливных» претензий Советского Союза послевоенным периодом, т. е. показать, что политика Турции в этом вопросе изначально носила принципиальный характер⁷⁴. Более объективный характер носят те исследования, в которых данная проблема рассматривается, начиная с межвоенного периода.

¹ Договор между Россией и Турцией. 16 марта 1921 г. Ст. 1. // *Орешкова С. Ф., Ульянов Н. Ю.* Россия и Турция: проблема формирования границ. М., 2006, С. 216.

² Там же.

³ Советский Союз отказался от пролонгации договора. Договор должен был истечь 7 ноября 1945 г.

⁴ *Bilgin M.* Britain and Turkey in the Middle East. Politics and Influence in the Early Cold War Era. London; New York, 2007. P. 53.

⁵ *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy, 1939–1945. Ankara, 1965. P. 126.

⁶ *Kuniholm B. R.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980. P. 255. По словам Б. Р. Кунихолма, посол США в Турции Эдвин Уилсон рассказал Г. Трумэну (сменившему Ф. Рузвельта на посту президента США 12 апреля 1945 г. – А.Б.) о последних событиях в этой стране, и сообщил ему о «разумном» отношении Турции к изменению конвенции (*Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 257).

⁷ *Tamkin N.* Britain, Turkey and the Soviet Union, 1940–45. Strategy, Diplomacy and Intelligence in the Eastern Mediterranean. London, 2009. P. 174.

⁸ *Coş K., Bilgin P.* Stalin's Demands: Constructions of the "Soviet Other" in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945 // Foreign Policy Analysis. № 6. 2010. P. 54–55. URL: https://www.academia.edu/393303/2009_Stalins_Demands_Constructions_of_the_Soviet_Other_In_Turkeys_Foreign_Policy_1919_1945 (дата обращения: 28.08.2020)

⁹ *Ibid.* P. 55.

¹⁰ Третий состоял в пересмотре Конвенции Монтрё в том, что касалось СССР и Турции (*Bilgin M.* Op. cit. P. 55).

¹¹ *Ataöv T.* Op. cit. P. 126.

¹² *Bilgin M.* Op. cit. P. 55.

¹³ *Ulgul M.* The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945 – 1960). A Thesis submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Gainesville, 2010. P. 35.

¹⁴ В мае 1939 г. правительства Турции и Великобритании заявили о своем намерении заключить долгосрочное взаимное соглашение, которое привело к подписанию договора о союзе между Турцией, Великобританией и Францией (19 октября 1939 г.). В 1940 г. после поражения Франции в войне с Германией Анкарское соглашение стало англо-турецким.

¹⁵ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 258.

¹⁶ Потсдамская конференция 17 июля 1945 г. – 2 августа 1945 г. третья и последняя официальная встреча лидеров «большой тройки» (И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля) – трех крупнейших держав антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

¹⁷ Известный исследователь международных отношений, профессор Анкарского университета Тюрккайя Атаёв. Два года работал в Секторе Турции ИВ АН СССР.

¹⁸ *Ataöv T.* Op. cit. P. 127.

¹⁹ Как отмечают П. Бильгин и К. Кош, «во время второй встречи 18 июня Молотов повторил свое сообщение и подчеркнул, что без согласия по этим вопросам СССР не возобновит переговоры (*Coş K., Bilgin P.* Op. cit. P. 55).

²⁰ *Kilic A.* Turkey and the World. An appraisal of events and policies since World War II. Washington, 1959. P. 59–60.

²¹ Алтемур Кылыч (1924–2016) – турецкий журналист и писатель.

²² *Kilic A.* Op. cit. P. 117. М. Бильгин в связи с этим отмечает, что посол Турции сразу же ответил, что его правительство не может вновь ставить на обсуждение вопрос о договоре 1921 г. «по которому стороны в свое время стороны уже пришли к соглашению. Он даже не мог рассмотреть вопрос о предоставлении России баз в проливах» (Bilgin M. Op. cit. P. 55).

²³ *Kilic A.* Op. cit. P. 117. Причиной турецко-сирийских осложнений была турецкая провинция Хатай – область на юге Турции, перешедшая к ней в 1938 г. Принадлежность Хатая долгое время оставалась причиной напряженности в отношениях между Турцией и Сирией. Последняя не признавала турецкого суверенитета над Хатаем до начала 2005 г.

²⁴ *Cos Kıvanç, Bilgin Pinar.* Op. cit. P. 55.

²⁵ *Bilgin M.* Op. cit. P. 55.

²⁶ Конференция в Сан-Франциско – международная конференция, проходившая с 25 апреля по 26 июня 1945 г. В конференции участвовали 50 государств, которые являлись учредителями Организации Объединённых Наций (ООН). Конференция была созвана от имени Китая, Великобритании, СССР и США. На конференции уделялось большое внимание целям, принципам, структуре и полномочным представительствам ООН. Конференция проходила в обстановке острой борьбы, большие затруднения вызывали вопросы о колониях и зависимых территориях, о целях международной опеки, о правах Совета Безопасности, о процедуре голосования в Совете Безопасности (Сан-Францисская конференция Материал из Википедии – свободной энциклопедии. Wikipedia.org. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BD-%D0%A4%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 31.10.2021).

²⁷ *Ataöv T.* Op. cit. P. 126.

²⁸ *Bilge Suat A.* Güç Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri. 1920–1964. Ankara, 1992.

²⁹ *Bilge S. A.* An Analysis of Turkish-Russian Relations. Perceptions. 1997. Vol. II. URL: https://www.google.com/search?q=B%C4%B1l%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&rlz=ICISVED_en RU 436 RU 436 &oq=B%C4%B1l%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&aqs=chrome.69i57.1556j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 31.10.2021);

³⁰ *Coş K., Bilgin P.* Op. cit. P. 55.

³¹ 29 июня 1945 г. радио Анкары объявило, что «Советская Россия предложила новый договор, который был бы равносителен совместному контролю проливов Россией и Турцией» (*Kilic A.* Op. cit. P. 117).

³² *Kilic A.* Op. cit. P. 117.

³³ *Bilge Suat A.* Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri. P. 352. (Цит. по: *Ulgul M.* Op. cit. P. 44–45).

³⁴ *Bilge S. A. An Analysis of Turkish-Russian Relations* URL: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/A.SuatBilge.pdf> (дата обращения 28.04.2020).

³⁵ *Kilic A.* Op. cit. P. 117.

³⁶ *Ulgul M.* Op. cit. P. 35, 37.

³⁷ *Bilgin M.* Op. cit. P. 54.

³⁸ *Tamkin N.* Op. cit. P. 178. То же отмечает в своих воспоминаниях посол СССР в Турции в 1974–1983 гг. А. А. Родионов. Он подчеркивает, что согласно заявлению С. Сарпера, точка зрения турецкого правительства по вопросу заключения нового договора состояла в следующем. Как минимум Турция предлагала заменить денонсированный договор договором такого же характера. Как максимум можно было заключить союзный договор, который предусматривал бы союз между Турцией и СССР против агрессии какой-либо европейской или средиземноморской державы. В случае войны СССР с какой-либо европейской державой Турция брала на себя обязательства не пропускать через проливы сухопутные и морские силы этой державы. С. Сарпер также отметил, что Конвенция Монрё может быть пересмотрена в будущем на международной конференции, где СССР и Турция будут выступать с единой позицией, как союзники (выделено нами. – *А.Б.*) (*Родионов, А. А.* Турция – перекресток судеб. Воспоминания посла. М.: Международные отношения, 2006 с. 107–108). Возможно, что предложения Турции, собиравшейся традиционно балансировать на британо-советских противоречиях, не были вполне искренними. Однако это была база для переговоров.

³⁹ *Coş K., Bilgin, Z.* Op. cit. P. 54–55.

⁴⁰ Морис Петерсон – посол Великобритании в Турции в 1944–1946 гг.

⁴¹ Сергей Александрович Виноградов (1907–1970) – советский дипломат. В 1940–1948 гг. полномочный представитель – Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Турции.

⁴² *Bilgin M.* Op. cit. P. 55.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ *Kayaoglu B.* Loving and Hating America in Turkey and Iran: A Cold War Story of Alliance Politics and Authoritarian Modernization, 1945-1980. Dissertation presented to the Graduate Faculty of the University of Virginia in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy Department of History University of Virginia. Ankara, 2014. P. 38.

⁴⁵ *Kuniholm B. R.* Op. cit. P. 255.

⁴⁶ По словам М. Бильгина, тактика Москвы состояла в том, чтобы обосновать свои действия перед Великобританией и США, тем, что она действует в ответ на просьбу Турции и тем самым предотвратить их негативную реакцию (*Bilgin M.* Op. cit. P. 55).

⁴⁷ *Bilgin M.* Op. cit. P. 55.

⁴⁸ *Tamkin N.* Op. cit. P. 178.

⁴⁹ Рижский мирный договор 1921 г. – договор между РСФСР, УССР с одной стороны, и Польской Республикой – с другой. Подписан 18 марта 1921 г. в Риге.

⁵⁰ *Bilge S. A. An Analysis of Turkish-Russian Relations. Perceptions.* 1997. Vol. II. URL: <https://www.google.com/search?q=B%4C%81%9C%9F%20Suat.%20An>

+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&rlz%20=1CISVED%20_en%20RU%20436%20RU%20436%20&oq%20=B%20C4%B1%C4%9Fe+Suat.+An+Analysis+of+Turkish-Russian+Relations&aqs%20=chrome%20..69i57%20.1556j0j7&sourceid=chrome&ie=UTF-8 (дата обращения: 31.10.2021).

⁵¹ Профессор Анкарского университета Эрель Телляль.

⁵² *Ulgul M.* Op. cit. P. 38.

⁵³ *Kayaoglu B.* Op. cit. P. 38–39.

⁵⁴ Ibid. P. 38. Имеются в виду территориальные претензии СССР к Турции и попытки изменить режим КМ-36 в межвоенный период (см. след. сноску).

⁵⁵ Авторы имеют в виду территориальные претензии Советского Союза в Северо-Восточной Анатолии, которые, по мнению турецких историков, не раз служили поводом для советско-турецких осложнений в 1930-е гг. Что касается проливов, то в июле 1937 г. состоялись визиты в Москву министра иностранных дел Тевфик Рюшту Араса и министра внутренних дел Шюкрю Кая. По словам авторов, в рамках беседы Р. Араса и народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова, последний поинтересовался, что Рюшту Арас и его правительство думает о «сотрудничестве» Турции и СССР «в защиту проливов». Р. Арас ответил, что Турция не имела такого намерения «и вопрос был снят» (Р. 52).

⁵⁶ Следует отметить, что советский зондаж по поводу Проливов осенью 1939 г. в Москве, когда состоялся советско-турецкие переговоры в Москве об оборонительном союзе (25 сентября–16 октября 1939 г.) по сравнению с 1937 г. был воспринят турками более эмоционально. Когда в конце первой встречи В. М. Молотов передал министру иностранных дел Шюкрю Сараджоглу листок бумаги, заявив, что в нем содержатся изменения в режиме конвенции Монтрё, последний, по словам М. Улгула, «отказался даже прикасаться к бумаге» (*Ulgul M.* Op. cit. P. 24).

⁵⁷ *Coş K., Bilgin P.* Op. cit. P. 57.

⁵⁸ Ibid. P. 58.

⁵⁹ Ibid. P. 45.

⁶⁰ Ibid. P. 56.

⁶¹ Ibid. P. 55–56.

⁶² Муса Казым Карабекир (1882–1948) — османский и турецкий военный и политический деятель. В конце Первой мировой войны командовал армейским корпусом, В 1920 г. руководил военными действиями против Армении. Был спикером Великого национального собрания Турции (ВНСТ). В 1945 г. – депутат ВНСТ.

⁶³ *Coş K., Bilgin P.* Op. cit. P. 56.

⁶⁴ *Ulgul M.* Op. cit. P. 44.

⁶⁵ Имеется в виду установка «Юпитеров» – американских баллистических ракет средней дальности, ставших исходной точкой для советско-американских осложнений и знаменитого Карибского кризиса начала 1960-х гг.

⁶⁶ *Bilge Suat A. Güç Komşuluk: Türkiye-Sovetler Birliği İlişkileri.* S. 352. (Цит. по: *Ulgul M.* Op. cit. P. 44–45).

⁶⁷ *Bilgin M.* Op. cit. P. 56.

⁶⁸ Coş K., Bilgin P. Op. cit. P. 58.

⁶⁹ Ulgul M. Op. cit. P. 37.

⁷⁰ Т. е. традиционной политики К. Ататюрка, которую после Второй мировой войны пытался продолжить И. Инёню (см. выше).

⁷¹ Davut Han A., Bugra S. Reflections of the Second World War On Turkey's Foreign Policy // Vistula University – Warsaw, Poland. 1(39): 2014. P. 149. URL: file:///C:/Users/Sony/Downloads/KNUV_1_39_2014.138-151%20(4).pdf (дата обращения: 25.08.2020).

⁷² Это было обусловлено в первую очередь личной дипломатией И. С. Сталина (См.: Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. URL: <https://www.libfox.ru/92239-feliks-chuev-sto-sorok-besed-s-molotovym.html> (дата обращения: 10.11.2021).

⁷³ Недостаточной закрытостью Черного моря от германских военных судов.

⁷⁴ Т. е. не акцентировать внимание на том периоде, когда Турция была вынуждена проводить менее жесткую политику и стараться не замечать советских требований.

Карсский договор 1921 г. во внешней политике Турции (по материалам работ современных турецких исследователей)

Карсский договор – это документ о дружбе и границе между Турцией, с одной стороны, и Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР – с другой. Он был заключен 13 октября 1921 г. при непосредственном участии РСФСР и стал результатом российско-турецкого Московского договора, подписанного 16 марта 1921 г., подтверждая его положения от имени закавказских советских республик. Оба договора устанавливали северо-восточную границу Турции с советскими республиками. Новая граница отличалась от предыдущих, установленных Батумским (1918) и Александропольским (1920) договорами тем, что Армении возвращались Александрополь и восточная часть Александропольского уезда, Грузии – северная часть Батумской области, Азербайджану – территория бывших Нахичеванского и Шарур-Даралагезского уездов

Эриванской губернии. Карс, Ардаган и гора Арарат оставались в Турции.

Карсский договор вступил в силу 11 сентября 1922 г., определив современные границы Турции и республик Закавказья. Документ также регулировал торговые и финансовые отношения советских республик и Турции, порядок перехода границы жителями пограничной зоны и пользования пастбищами, расположенными по другую сторону границы.

В работах турецких авторов Карсский договор не без оснований называется «восточной Лозанной» для Турции. Это прописано и в предисловии сборника статей, подготовленного по итогам прошедшего 13–15 октября 2011 г. в Карсе Третьего международного кавказского исторического симпозиума, на котором были подробно рассмотрены последствия Карсского договора для государств региона¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению значения Карсского договора для нынешней Турции необходимо, на наш взгляд, раскрыть основные тенденции в турецкой внешней политике и определить, какое значение в контексте современной внешнеполитической концепции Анкары отводится кавказскому направлению.

В настоящее время концептуальные основы внешней политики Турции претерпевают очередной период трансформации. Формируется новая турецкая внешнеполитическая концепция. Официального названия и текстового оформления у нее пока нет, но имеется ряд монографий и публикаций ведущих турецких аналитических центров, в которых осуществлена попытка осмысления ее целей и задач, основополагающих принципов, ключевых положений и приоритетных направлений.

Одним из главных трудов следует считать книгу, изданную Фондом политических, экономических и социальных исследований (SETAV) под названием «В процессе глобальных перемен. Большая стратегия Турции»². В качестве основной цели в работе ведущего мозгового центра страны провозглашается «обеспечение защиты долгосрочных интересов Турции и создания вокруг нее такой реальности, в которой она смогла бы занять сильное место

в новом пост турбулентном мире»³. По мнению авторов SETAV, «новая позиция Турция должна основываться на сдерживающей военной силе страны»⁴.

Таким образом, в основе формирующейся турецкой внешнеполитической концепции, условно названной «Большой стратегией Турции», лежит стремление расширить зону турецкого военно-политического влияния. Сегодня мы видим, что Турция обеспечила себе военное присутствие на достаточно обширной территории – от Азербайджана, Афганистана, Северного Ирака и Сирии до Катара, Ливии и Сомали. Свое присутствие сами турки объясняют тезисом о том, что «оборона Турции начинается с дальних рубежей», который в свою очередь восходит к натовской стратегии «передовой обороны». Конечно же, турецкая трактовка этой стратегии сильно отличается от натовской интерпретации. Поэтому здесь, на наш взгляд, уместнее говорить не о самой стратегии «передовой обороны» как таковой, а о том, какой смысл данному понятию придают турки. В турецком понимании «передовая оборона» – это защита турецких национальных интересов на дальних подступах. В то же время в Турции нет однозначного понимания относительно инструментария и способов реализации данной стратегии⁵.

Не вдаваясь во внутритурецкие споры, выделяю лишь три основные интерпретации стратегии «передовой обороны». Первую из них в своей книге «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» представил бывший премьер-министр и министр иностранных дел Ахмет Давутоглу в контексте концепции «ноль проблем с соседями»⁶. Вторую изложил адмирал Рамазан Джем Гюрдениз в своей работе под названием «Труды о голубой родине»⁷. Третья интерпретация – это синтез идей А. Давутоглу и Дж. Гюрдениза, который стал проявляться с 2015 г. – а именно после создания альянса правящей Партии справедливости и развития (ПСР) с Партией националистического движения (ПНД).

По мнению А. Давутоглу, Турции для расширения своего влияния необходимо отойти от политики, где ее воспринимают в качестве «моста» между Западом и Востоком, между Севером и Югом,

между Европой и Азией, между «христианским миром» и «мусульманским». Турции, по словам А. Давутоглу, необходимо стать моделью/ориентиром в преобразовании Большого ближневосточного региона (не путать с «Большим Ближним Востоком»). Стратегическое значение Турции заключается не только и не столько в географическом месторасположении, сколько в ее «способности интегрирования с мировой системой». Тезисы А. Давутоглу легли в основу турецкой внешней политики периода с 2002 по 2015 гг., особенно проявившись во время событий «арабской весны».

В свою очередь доктрина «голубая родина» была впервые изложена в 2006 г. Дж. Гюрденизом во время симпозиума в командном центре Военно-морских сил Турции. Главная идея этой доктрины заключается в обеспечении морского превосходства Турции в Восточном Средиземноморье, Персидском заливе и Красном море с опорой на создаваемые повсеместно турецкие военно-морские базы. Это, по мнению Дж. Гюрдениза, должно привести, в том числе, к расширению морской юрисдикции Турецкой Республики⁸.

Согласно доктрине «голубой родины», существует три жизненно важных аспекта безопасности турецкой геополитики в Восточном Средиземноморье: 1) проблемы с Грецией/ЕС относительно районов турецкой морской юрисдикции; 2) потенциал независимого Курдистана с возможностью свободного доступа к Средиземному морю; 3) будущее Северного Кипра с геополитическими последствиями для Турции, особенно в отношении прав на гарантии безопасности⁹. Следует отметить, что основная часть сторонников идей «голубой родины» являются антизападниками и придерживаются евразийских взглядов.

В 2015 г. мы наблюдаем слияние этих двух концепций. Поводом послужило то, что в результате парламентских выборов, состоявшихся 7 июня 2015 г., правящая ПСР утратила возможность формирования правительства в одиночку. Был создан «народный альянс» правящей партии и ПНД. Партия «Родина/Отечество» поддержала этот союз. Усилились позиции сторонников доктрины «голубой родины». В результате – стала меняться турецкая внешняя политика и политика Турции в области безопасности по всему

фронту – от курдской проблемы до Ф. Гюлена, от России до США, от ЕС до арабского мира. Демократический дискурс и демократические лозунги сменялись на националистическую риторику.

В турецкой общественно-политической жизни формировались новые связи, новые форматы взаимодействия, которые ранее казались невозможными. Политический ислам уже не воспринимался кемалистами-националистами в качестве главной угрозы. У власти возникло гибридное образование, которое на сегодняшний день состоит из неоосманистов-исламистов, националистов-консерваторов и левых кемалистов.

Во внешней политике это привело к слиянию некоторых тезисов «стратегической глубины» с доктриной «голубой родины». Общим для обеих доктрин оказалась стратегия «передовой обороны», то есть, обеспечение безопасности государства на дальних рубежах. А. Давутоглу в свое время говорил, что «оборона Стамбула начинается с Боснии, а оборона Эрзурума с Грозного». Это вписывалось и в доктрину «голубой родины»¹⁰.

«Стратегическая глубина» А. Давутоглу в свое время критиковала республиканскую Турцию за ее чрезмерную осторожность во внешней политике. Такую же критику мы видим и среди левых кемалистов. Оба лагеря сходятся в том, что считают «национальный обет» термином сужающим внешнеполитические горизонты Турции. То есть, турецкие внешнеполитические интересы должны простираться, по их мнению, далеко за территории «национального обета» и только в этом случае может быть обеспечена безопасность турецких границ и турецкой территории.

Наиболее демонстративным проявлением этой доктрины стал турецко-ливийский меморандум по разграничению морских зон в Средиземном море, подписанный 27 ноября 2019 г. Согласно данному документу, Турция и Ливия рассматриваются в качестве морских соседей, и морские границы между ними проходят через область, которая не учитывает морские претензии греческих островов, включая Крит.

В 2020 году турецкие военно-морские силы провели масштабные военные учения под кодовым названием «Голубая

Родина». Дж. Гюрдениз считает, что республиканская Турция до сих пор чрезмерно мягко относилась к Греции и Кипру, призывая против них к более решительным и жестким мерам. И то, что мы наблюдаем сегодня в восточной части Средиземного моря, а именно – геолого-разведочное бурение и периодические нарушения греческого воздушного пространства, является ничем иным как одним из проявлений доктрины «голубой родины». Разумеется, эта доктрина далека от глубоких теоретических разработок «стратегической глубины». Возможно, поэтому она и не стала полностью ее заменять, а наполнила новым содержанием практически до неузнаваемости.

Новая внешняя политика Турции, воплотившая в себе элементы доктринальных установок «стратегической глубины» и «голубой родины», характеризуется следующими тремя особенностями. Первая особенность заключается в ее растущей милитаризации и использовании средств «жесткой силы» при одновременном ослаблении роли дипломатии. Вторая особенность турецкой внешней политики на современном этапе состоит в широком распространении тезиса о том, что оборона Турецкой Республики начинается за пределами турецких границ. Третья особенность заключается в развитии военно-промышленного комплекса страны, способного надлежащим образом реализовать взятые на вооружение внешнеполитические идеи. Во главу угла турецкой политики в области безопасности поставлена задача усиления турецкого военного присутствия за пределами турецких границ и создания военных баз.

Сегодня правительство ПСР, создав альянс с левыми кемалистами и националистами-консерваторами при помощи традиционных государственных механизмов пытается обеспечить региональное лидерство республики, используя жесткую силу и военный инструментарий. В свою очередь националистические и левокемалистские круги, используя появившиеся возможности сформированного альянса, продвигают с помощью Реджепа Тайипа Эрдогана свои внешнеполитические идеи и политику в области безопасности.

Ужесточение позиции по курдской проблеме, проведение военных операций в Сирии главным образом против прокурд-

ских отрядов народной самообороны, вмешательство в ситуацию в Ливии, создание военных баз, наращивание вооружения, активное использование радикальных исламистских группировок с целью снижения потерь в рядах турецкой армии в ходе проведения трансграничных или зарубежных военных операций – всё это вписывается и в левокемалистскую стратегию по повышению уровня безопасности турецкого государства. В то же время, нельзя сказать, что между правительством ПСР и левокемалистскими кругами страны царит полное взаимопонимание. Это, в частности, выражается как на египетском направлении, так и в политике Турции в отношении сирийского правительства. Данное обстоятельство является серьезной проблемой не только для Анкары, но и для ее партнеров.

Что касается кавказского направления турецкой внешней политики, то в работах современных исследователей отмечается, что географически Кавказ является «естественным продолжением Анатолии (Турции), представляя собой составную часть Передней Азии»¹¹. То есть, подчеркивается естественность неразрывности географического пространства Анатолии и Кавказа, и соответственно – региональных путей и коридоров¹². Соответственно, стабильность Кавказа имеет важное значение для стабильности и процветания Турции. Данное обстоятельство, по их мнению, следует рассматривать в контексте «общей исторической судьбы»¹³, которую разделяют страны региона, и это отражается, в том числе, на социокультурных особенностях региона. Карс – это ворота на Восток для Турции. Но необходимо также, чтобы он воспринимался кавказскими республиками в качестве окна на Запад (в Европу)¹⁴.

Особенно часто турецкие исследователи апеллируют к Карсскому договору в периоды кризиса на Кавказе. Так было, например, во время Аджарского кризиса 2003–2004 гг., грузино-югоосетинского конфликта 2008 г.¹⁵ или в период эскалации Нагорно-Карабахского конфликта в 2020 г., особенно когда появились сообщения о том, что армянские ракеты оперативно-тактического назначения были направлены и упали на территории Нахичеванской автономии Азербайджана¹⁶.

Кроме того, в отношении Карсского договора сложилась некая традиция. Практически через каждые четверть века ставится вопрос о его законности и продлении. Первый раз вопрос о продлении карсского документа встал в 1945–1946 гг. Следующим этапом были 1970-е гг., когда советско-турецкие отношения шли на подъем. Затем в период распада СССР. Тогда нужно было решать более насущные вопросы и у подписавшихся сторон не было желания еще больше отягощать и без того достаточно сложные проблемы. Ну а в 2021 г. у договора юбилей – 100 лет. Безрезультатность попыток пересмотреть положения Карсского договора была обусловлена трудностями, которые могли бы возникнуть при пересмотре границ на всем Южном Кавказе¹⁷.

Таким образом, в настоящее время с точки зрения международного права, Карсский договор по-прежнему в силе. Поскольку не было принято нового договора, а также не было сделано официальных заявлений о денонсации карсского документа. Важно отметить, что это «не столько шаблонный договор о делимитации границ, сколько соглашение об установлении территориального статуса-кво в регионе, а также фиксация отсутствия взаимных территориальных претензий»¹⁸.

В работах турецких исследователей периодически отмечается, что для понимания сути Карсского договора крайне важен исторический контекст, поскольку это было соглашение, заключенное между молодыми советскими республиками, с одной стороны, и не менее молодым правительством Мустафы Кемаля, с другой. Ни СССР, ни Турция на тот момент еще окончательно не сформировались. В те годы многое представлялось неясным, многое решалось ситуативно, участники договоров пытались строить новые государства на руинах бывших империй, и обе стороны были не на пике своих политических возможностей¹⁹.

Именно поэтому пришлось идти на взаимные уступки. Туркам пришлось расстаться с нефтеносной Батумской областью, которая была включена в состав Грузинской ССР. Нахичевань отошла Азербайджанской ССР. Больше всего, безусловно, пострадали интересы Армянской ССР, поэтому Армения до сих пор считает Карсский

договор «позорным». По его положениям, республика потеряла почти 30 процентов своей территории, а национальный символ – гора Арарат – оказался под турецкой юрисдикцией²⁰.

Многие турецкие эксперты в своих исследованиях задаются вопросом, Карсский договор – это самостоятельный документ или же идет в увязке с Московским договором?²¹ С юридической точки зрения это два разных документа. Однако, фактически, конференция в Карсе, состоявшаяся в сентябре 1921 г., была организована во исполнение положений Московского договора и была завершена, в свою очередь, принятием отдельного карсского документа. Между двумя договорами нет противоречий, и они обладают логической связью. Договоры зачастую рассматриваются в качестве некоей единой системы соглашений по разграничению сфер влияния между молодыми республиками. Несмотря на то, что многие положения в договорах дублируются, Карсский договор содержит ряд принципиально новых положений по сравнению с Московским, особенно по вопросу привилегий для жителей пограничных зон. Кроме того, карсский документ окончательно установил недействительность Александропольского договора, заключенного ранее между Арменией и турецким правительством в Анкаре. С другой стороны, Московский и Карсский договоры не связаны между собой и по срокам. То есть, если Карсский договор по какой-либо причине будет отменен, то московский документ будет продолжать действовать, пока не будет принято решение о его денонсации или не будет заключено новое международное соглашение.

Часто можно встретить в исследованиях турецких авторов споры по поводу права Анкары на введение войск в Аджарию и Нахичевань. Многие считают, что турецкое правительство обладает этим правом при наличии соответствующих условий, и среди них экс-посол Турции в Азербайджане, ныне главный советник председателя Народно-республиканской партии (НРП) по внешней политике Ахмет Унал Чевикёз, который в период аджарского кризиса 2003–2004 гг. заявил, что Турция в соответствии с положениями Карсского договора вправе ввести войска в Аджарию²².

Турция ссылалась на Карсский договор, так как он упоминается в турецко-грузинском соглашении о дружбе, сотрудничестве и добрососедских отношениях, подписанном 30 июля 1992 г.²³. В предисловии этого соглашения говорится о том, что стороны обязуются соблюдать те границы, которые были установлены Карсским договором, в шестом пункте которого указывается, что Турция готова уступить Грузии суверенитет Батумского округа при условии, что, во-первых, его население будет пользоваться широкой автономией, во-вторых, Турция получает право свободной транспортировки грузов из Турции через Батумский округ и порт Батуми²⁴. Однако в карсском документе нет ни слова о введении войск.

Произвольная трактовка договора вызвала обеспокоенность у стран региона, в том числе и у Азербайджана. К примеру, 19 марта 2004 г. в азербайджанской газете «Эхо» было написано, что Карсский договор был истолкован Турцией неверно. Данный документ, по словам профессора Айдына Гаджиева, не предусматривает введения в Аджарию ни турецких, ни российских войск. Он отметил, что вопрос о введении войск третьего государства был зафиксирован лишь в статье 12 Александропольского договора, подписанного 2 декабря 1920 г. как следствие капитуляции дашнакского режима Армении в войне с Турцией. В ней, в частности, говорилось, что: «Правительство Турции, не нарушая прав, предоставленных настоящим договором Армении, будет иметь право принимать военные меры на территории Армении». При этом А. Гаджиев указывал на то, что статья 1 Карсского договора уже гласила, что: «Правительство Великого национального собрания Турции и правительства Советских Социалистических Республик Азербайджана, Армении и Грузии признают аннулированными и потерявшими силу и все договоры, заключенные между правительствами, осуществлявшими ранее суверенитет над территорией договаривающихся сторон, и касающиеся означенных территорий, а также договоры, заключенные с третьими государствами и касающиеся Закавказских Республик»²⁵.

Грузинская сторона на заявления турецкого посла тогда ответила, что при подписании турецко-грузинского соглашения ссылка

на Карсский договор была исключительно в контексте определения границ. Соответственно, действительными являются те положения договора, которые определяют границы между Турцией и Грузией²⁶.

Касаясь грузинской позиции относительно интерпретации Карсского договора, следует также отметить, что в свое время (9 марта 1990 г.) Верховный совет Грузинской ССР принял постановление о гарантиях защиты государственного суверенитета Грузии. Согласно данному документу, ввод войск Советской России в Грузию в феврале 1921 г. и занятие всей ее территории с правовой точки зрения являлись военным вмешательством (интервенцией) и оккупацией с целью свержения существующего политического строя, а с политической точки зрения – фактической аннексией. Таким образом, от грузинской стороны в подписании Карсского договора участвовал фактически оккупационный режим. И это является поводом для отказа от положений Карсского договора и признания его недействительным. Поскольку все соглашения, которые заключаются с государством, находящимся под оккупацией, с точки зрения международного права являются недействительными²⁷. Но это, однако, не помешало грузинскому правительству спустя пять месяцев после данного постановления (30 июля 1992 г.) подписать в Тбилиси соглашение с Турцией, в котором было прописано, что «Грузия и Турция обязуются выполнять все договоренности, заключенные с Карсского соглашения 1921 г.»²⁸.

Позднее Грузия неоднократно пыталась пересмотреть Карсский договор. К примеру, 28 апреля 2004 г. Комитет по внешним связям парламента Грузии изучал правовой аспект договора. Тогда по итогам закрытого заседания был подготовлен проект обращения к парламенту о том, что Грузия не будет пересматривать Карсский договор, который, по мнению большинства грузинских парламентариев, не угрожает суверенитету Грузии. Поэтому посчитали, что в Грузии никакой необходимости в пересмотре соглашения нет. Более того, в случае пересмотра документа у Грузии могли бы осложниться отношения с Турцией²⁹.

Одновременно с кризисом в Абхазии разгорались споры и по Нахичеванской автономии. Согласно статье 5 Карсского дого-

вора, правительства Турции, Азербайджана и Армении соглашались, что Нахичеванская область образует автономную территорию под покровительством Азербайджана. 16 марта 2004 г. Союз писателей Армении организовал форум по Московскому и Карсскому договорам. По итогам форума в парламент Армении было направлено письмо с призывом обратиться к Государственной Думе РФ с требованием признать недействительными Карсский договор и касающиеся Армении пункты Московского договора³⁰.

В материалах турецких исследователей нередко обращается внимание на важную роль России (РСФСР) в ходе заключения Карсского договора. Отмечая, что де-юре карсский документ был заключен между Турцией и тремя закавказскими республиками, турецкие эксперты в то же время обращают внимание на то, что РСФСР при заключении договора выступала гарантом и официальным посредником с правом подписи. Более того, подчеркивают турецкие аналитики, договор был составлен не в четырех, а в пяти экземплярах, с учетом российской стороны. Одновременно с этим в турецких работах отмечается, что многие проблемы региона в дальнейшем возникли именно из-за того, что Армения, Грузия, Азербайджан и Россия в 1920-е гг. рассматривали друг друга не в самостоятельном качестве, а именно как части большого целого³¹. Компромисс Карсского договора заключался как раз в том, что четыре советские республики фактически выступали за одну команду, поэтому суть была не столько в том, кто и сколько потерял по отдельности, уступив Турции, а в том, сколько было приобретено в итоге для решения общих задач по строительству советского государства³².

Важно также отметить, что в работах турецких исследователей Карсский договор довольно редко рассматривается в отрыве от армянского вопроса. Обращается внимание на то, что между Турцией и Арменией в настоящее время нет дипломатических отношений. Более того, Ереван не признает Карсский договор и отказывается его ратифицировать, мотивируя это тем, что сначала нужно урегулировать взаимные претензии между Арменией и Турцией, начиная с признания турецкой стороной факта геноцида армян в Османской империи и заканчивая территориальными претензиями.

В Турции же, напротив, считают, что для установления дипломатических отношений между Турцией и Арменией сначала Ереван должен отказаться от территориальных претензий к Турции, содержащихся в армянской конституции и декларации о независимости страны³³.

Однако по факту у Армении в отношении Карсского договора позиция не совсем однозначная. С одной стороны, в Декларации о независимости и Конституции Армении содержатся положения, которые ставят под сомнение территориальную целостность Турции. Ереван настаивает на том, что восточные земли Турции относятся к западной Армении. И 2 ноября 2005 г. в армянской газете «Азг» писалось о том, что Армения никогда не признает Карсский договор³⁴. Однако 23 июня 2006 г. другая армянская газета «Айоц ашхар», приводила слова заместителя главы МИД Армении Армана Киракосяна, обвинявшего Турцию в том, что она для установления дипломатических отношений и открытия границы с Арменией выдвигает ряд оговорок, основная из которых – окончательное решение карабахской проблемы, что является, по мнению армянского дипломата, нарушением Карсского договора³⁵. Следует отметить, что в Армении пересмотра границы с Турцией и возвращения Арарата главным образом требует партия Дашнакцутюн. По мнению сторонников этой партии, существующая между Арменией и Турцией граница не имеет правовых основ. И, соответственно, Карсский договор, определивший данную границу, не имеет юридической силы. Правовой основой армяно-турецкой границы должен стать, по их мнению, Севрский договор 1920 г. А это означает, что территория Армении должна увеличиться более чем в пять раз (160 тыс. кв. км вместо нынешних 29 тыс. кв. км), и страна должна получить выход к Черному морю³⁶.

По мнению большинства турецких исследователей, Карсский договор, сколько бы к нему ни накопилось объективных или субъективных претензий, вот уже на протяжении ста лет поддерживает в регионе статус-кво. Это в любом случае предпочтительнее военных столкновений и силового передела границ. А потому, по их мнению, любые попытки пересмотра положений Карсского договора должны пресекаться.

¹ Uluslararası Kafkasya Tarih Sempozyumu (Kars Antlaşması ve Bölgesel Etkileri). S. 13–15 Ekim 2011 / Kars. Ed. Ural S., Tekir S., Kafkas Üniversitesi yay., Kars 2012. S. VII.

² *Yeşiltaş M., Pirinççi F.* Küresel Dönüşüm Sürecinde Türkiye'nin Büyük Stratejisi, İstanbul, SETA Yayınları, 2020.

³ A.g.e., S. 8.

⁴ A.g.e., S. 9.

⁵ *Güçlüer E.* NATO'nun Türkiye Paradoksu, Global Savunma Dergisi, 14.09.2020 // URL: www.globalsavunma.com.tr/nato-nun-turkiye-paradoksu.html (дата обращения: 15.11.2021).

⁶ *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu, Küre yay., İstanbul, 2010.

⁷ *Gürdeniz C.* Mavi Vatan Yazıları, Kırmızı Kedi Yay., İstanbul, 2017.

⁸ *Gürdeniz C.* Mavi Vatan'ın Güney Cephesi: Doğu Akdeniz, Pankuş Yay., Ankara, 2020, S. 26–28.

⁹ S. 43–47.

¹⁰ *Uzgel İ.* Mavi Vatan ve Türkiye'nin yeni güvenlik doktrini, Gazete Duvar, 15 Haziran 2020 // URL: www.gazeteduvar.com.tr/yazarlar/2020/06/15/mavi-vatan-ve-turkiyenin-yeni-guvenlik-doktrini (дата обращения: 17.11.2021).

¹¹ *Işık M.* Kafkasya'nın Geleceği için Stratejik Düşünce, Stratejik Düşünce Enstitüsü (SDE), 05 Ekim 2018 // URL: <https://www.sde.org.tr/mithat-isik/genel/kafkasyanın-gelecegi-icin-stratejik-dusunce-kose-yazisi-7374> (дата обращения: 17.11.2021).

¹² Данный тезис особенно интересен с учетом продолжающегося процесса по возобновлению транспортных и торгово-экономических связей в Закавказье после окончания второй карабахской войны в 2020 году.

¹³ Kader birliği.

¹⁴ KAÜ ve NDU'dan Tarih Sempozyumu, Gazete Kars, 14 Ekim 2011 // URL: www.gazetekars.com/kau-ve-ndudan-tarih-sempozyumu-6504h.htm (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁵ *Yalçınkaya A.* Gürcistan'da Yeni Dönem ve Kars Antlaşması, Turkish News, 09 Kasım 2013 // URL: www.turkishnews.com/tr/content/2013/11/09/gurcistanda-yeni-donem-ve-kars-antlasmasi/ (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁶ *Karabulut K.* Kars Antlaşmasının Önemi ve Nahcivan, Yeşil İğdir Gazetesi, 07.10.2021 // URL: www.yesiligdir.com/yazar/yazi/7749 (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁷ «Решить отдельно карабахский вопрос все-таки можно», Коммерсант, 05.10.2020 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4512466> (дата обращения: 17.11.2021).

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Okur M.* Gümrü, Moskova ve Kars Antlaşmaları çerçevesinde Ermeni Sorunu üzerine genel bir değerlendirme, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Sayı 8, Sonbahar 2011, S. 73–90.

²⁰ «Решить отдельно карабахский вопрос все-таки можно», Коммерсант, 05.10.2020 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4512466> (дата обращения: 17.11.2021).

²¹ *Boy A. Gümrü-Moskova – Kars Antlaşmaları Kapsamında Muhacir ve Mülteci Problemi*, MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi, 2018, Cilt 7, Sayı 4, S. 557–566.

²² *Demirağ Y. Bağımsızlıktan Kadife Devrime Türkiye-Gürcistan İlişkileri*, Uluslararası İlişkiler Dergisi, Cilt: 2, No: 7 (Güz 2005), S. 125–155.

²³ Türkiye Cumhuriyeti ile Gürcistan Cumhuriyeti arasında 1992 yılında imzalanan Dostluk, İşbirliği ve İyi Komşuluk Antlaşması, Resmi Gazete: 29.09.1992, Sayı: 21348.

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. IV, М., 1960, с. 420–429.

²⁵ *Багиров М. Карсский договор неверно истолкован*, Эхо, 19.03.2004 // Информационное агентство «ИАМИКЪ» // URL: www.iamik.ru/news/tema-dnya/41648/ (дата обращения: 17.11.2021).

²⁶ *Demirağ Y. A.g.e.*, S. 135.

²⁷ «Парад суверенитетов. Последние дни СССР», РИА Новости, 17.08.2016 // URL: <https://ria.ru/20160817/1474492864.html> (дата обращения: 17.11.2021).

²⁸ Türkiye Cumhuriyeti ile Gürcistan Cumhuriyeti arasında 1992 yılında imzalanan Dostluk, İşbirliği ve İyi Komşuluk Antlaşması, Resmi Gazete: 29.09.1992, Sayı: 21348.

²⁹ *Кварацхелия М. В Грузии изучают Карсский договор 1921 г.*, РИА Новости, 28.04.2004 // URL: www.ria.ru/20040428/579509.html (дата обращения: 17.11.2021).

³⁰ *Крайчек А. Россию втягивают в передел территорий на Кавказе*, Утро News, 25.03.2004 // URL: www.ytro.news/articles/2004/03/25/291458.shtml (дата обращения: 17.11.2021).

³¹ *Topal C. Türk-Rus İlişkileri ve Moskova Anlaşması*, Karadeniz Araştırmaları Enstitüsü Dergisi, 2018, 4/6, S. 313–330.

³² «Решить отдельно карабахский вопрос все-таки можно», Коммерсант, 05.10.2020 // URL: www.kommersant.ru/doc/4512466 (дата обращения: 17.11.2021).

³³ *Okur M. Gümrü, Moskova ve Kars Antlaşmaları çerçevesinde Ermeni Sorunu üzerine genel bir değerlendirme*, Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi, Sayı 8, Sonbahar 2011, S. 73–90.

³⁴ Армения не признает Карсский договор Азг, 02.11.2005.

³⁵ Айоц Ашхар, 23.06.2006 // Следующий президент Армении будет родом из Мозамбика? Армения за неделю // URL: www.regnum.ru/news/666622.html (дата обращения: 17.11.2021).

³⁶ *Нынешняя армяно-турецкая граница должна быть пересмотрена – Дашнакцутюн, АМИ «Новости – Армения»* // URL: www.newsarmenia.am/news/politics/arm1-20071221-41794339/ (дата обращения: 17.11.2021).

Бухарское золото для турецкой революции? К вопросу об источниках советской финансовой помощи правительству ВНСТ (Великого национального собрания Турции)

Во время советско-турецких переговоров в Москве в феврале-марте 1921 г. была достигнута договоренность о предоставлении Турции военной и финансовой помощи. Положения о военно-технической и финансовой поддержке в текст самого договора не вошли, поскольку руководство Советской России опасалось, что это может осложнить начавшийся процесс нормализации отношений с Великобританией. Было подписано соглашение о предоставлении Турции 10 млн рублей золотом безвозмездно, а также о передаче военного имущества и вооружения для оснащения двух дивизий¹.

Фактически советская военная и финансовая помощь начала поступать в Ангору (Анкару) еще до подписания Московского договора и документального закрепления договоренностей о помощи. В июле 1920 г. Халил-паша, направленный Мустафой Кемалем для установления первых контактов с советским правительством, получил 100 тыс. золотых рублей в слитках для передачи турецким властям². Данное золото весом более 200 кг передал турецким властям первый советский полпред Я. Я. Упмал-Ангарский по прибытии в Эрзерум в сентябре 1920 г.³ Юсуф Кемаль Тенгиршенк, который вел переговоры с советским правительством осенью 1920 г., перед возвращением в Турцию 6 октября 1920 г. в качестве помощи получил 1 млн рублей золотом⁴.

Первые поставки оружия и боеприпасов в Турцию начались в сентябре 1920 г., когда в Трабзон было доставлено несколько тысяч винтовок со штыками и патронов к ним⁵. По официальным данным, в течение 1920–1922 гг. через Новороссийск, Туапсе и Батуми Турции было поставлено 39 тыс. винтовок, 327 пулеметов, 54 орудия, 63 млн патронов, 147 тыс. снарядов, много тысяч

сабель, штыков, ручных гранат, шрапнели, противогазов и другого военного снаряжения⁶. Для пополнения морского флота Турции Советское правительство 30 октября 1921 г. передало ей два миноносца «Живой» и «Жуткий»⁷. Советское правительство помогло Турции перебросить часть вооружения и военного имущества, оставленного русской армией в 1918 г. в городах Восточной Анатолии, через Трабзон в Самсун⁸. Однако, трофейное оружие турки не всегда могли использовать⁹.

В связи с тем, что биржи драгоценных металлов находились в оккупированном союзниками Стамбуле, для правительства ВНСТ возникла проблема использования и продажи этого золота¹⁰. Значительная часть российского золота использовалась для закупки вооружения и военных материалов во Франции, Италии, Германии, Болгарии. В связи с тем, что английские и греческие военные корабли досматривали торговые суда в Черном море, часть военных материалов, купленных в Германии, с разрешения Советского правительства доставлялась в Новороссийск или Батум по железной дороге¹¹.

Помимо золота, оружия и боеприпасов Советская Россия поставляла в Турцию также стратегическое сырье и оборудование. По просьбе Мустафы Кемаля от 25 мая 1921 г. советское правительство организовало постройку в Анкаре порохового производства и поставило Турции оборудование для патронного завода и сырье для производства патронов¹².

1 февраля 1922 г. СНК РСФСР одобрил предложение Г. К. Орджоникидзе о поставке Турции авиационного и автомобильного бензина. «Азнефтесиндикат», осуществлявший в то время экспортно-импортную торговлю, ввез через батумский порт в Турцию 9294 т керосина и 340 т бензина¹³.

Секретарь советской дипломатической миссии в Анкаре в 1922–1924 гг. А. Глебов приводит эпизод, когда пароход под советским флагом доставлял в Инеболу партию оружейной стали, предусмотрительно замаскированной в бункерах под толстым слоем угля¹⁴.

9 апреля 1921 г. временно исполнявший обязанности посла Советской России в Турции Буду Мдивани передал Мустафе

Кемалю от имени Советского правительства и трудящихся масс Страны Советов 30 тыс. руб. золотом для облегчения положения населения наиболее пострадавших от войны областей¹⁵. Во время политической миссии в Анкару М. В. Фрунзе передал в Трабзоне турецким властям 100 тыс. руб. золотом для организации приюта детей-сирот¹⁶. В апреле 1922 г. советский полпред С. И. Аралов передал турецкой армии в дар 20 тыс. лир на приобретение походных типографий и киноустановок¹⁷.

Как видно, советская военная и финансовая помощь начала поступать намного раньше Московского договора. Ее объемы существенно превысили договоренности, достигнутые в столице Советской России в феврале–марте 1921 г.

Эти ресурсы выделялись Турции в условиях революционной разрухи и гражданской войны в Советской России, которая сама нуждалась в экономической помощи. При этом исследователи, пишущие о советско-турецких отношениях этого периода, зачастую не учитывают объем финансовой помощи, оказанной членам младотурецкого правительства в России – в основном Джемаль-паше и Энвер-паше, на развертывание революционного движения в Азии. Эта тема, несомненно, заслуживает отдельного рассмотрения.

Советская финансовая помощь, предоставленная по итогам московских договоренностей февраля-марта 1921 г., была передана турецкой стороне в составе четырех траншей: 4 млн руб. в апреле 1921 г., 1,4 млн руб. в мае-июне 1921 г., 1,1 млн руб. в ноябре 1921 г. и 3,5 млн в мае 1922 г.¹⁸

Необходимо отметить, что характер помощи и ее передача были заложниками политического недоверия в советско-турецких отношениях. На фоне заключения франко-турецкого соглашения осенью 1921 г. советское правительство на время приостановило все поставки и транши до выяснения ситуации в ходе миссии М. В. Фрунзе в Турцию¹⁹. В свете недавно обнаруженных архивных документов можно сказать, что в этой ситуации осенью 1921 г. И. В. Сталиным была предпринята попытка пересмотреть безвозмездный характер финансовой помощи «кемалистам» и передать оставшуюся часть финансовой помощи в обмен на Мургул-

ские медные рудники, до Первой мировой войны принадлежавшие Российской империи и оказавшиеся после советизации Грузии на турецкой территории²⁰.

В связи со сложными российско-турецкими отношениями нарратив о советской финансовой помощи подвергается попыткам переоценки и пересмотра со стороны как российских²¹, так и турецких исследователей. В данной статье будет рассмотрена попытка турецких исследователей дать иную трактовку данной помощи.

В последнее время в Турции идет активное переосмысление истории финансовой помощи советского правительства. Активно обсуждается утверждение о том, что советская сторона присвоила часть золота, предназначенного правительству ВНСТ. Базируется оно на эпизоде, описанном в мемуарах одного из бухарских джадидов, первого председателя Президиума ЦИК БНСР Полат Усмона Ходжаева. Он упоминает о встрече во время своего пребывания в Москве в июле 1920 г. с председателем турецкой делегации Бекиром Сами. Во время данной встречи Усмон Ходжаев якобы предложил передать для борьбы с иностранными интервентами правительству в Анкаре 100 миллионов золотых рублей, которые хранились в казне бухарского эмира еще с царского времени. По его воспоминаниям, возвратившись в Бухару, он тут же поставил этот вопрос на голосование в бухарском меджлисе, который единогласно одобрил этот трансфер, а деньги якобы были переданы советской стороне²². Основываясь на этом утверждении, некоторые турецкие исследователи делают вывод о том, что советское руководство присвоило около 90 млн из казны бухарского эмира. Версию о бухарском происхождении советской помощи Турции впоследствии поддержал и бывший участник переговоров в Москве Юсуф Кемаль Тенгиршенк в своих мемуарах, опубликованных в газете «Акшам»²³. Впоследствии эта версия получила дальнейшее развитие в интервью, взятом известным исследователем Центральной Азии Э. Элворсом у одного из бухарских джадидов²⁴.

Этот эпизод в советско-турецко-бухарских отношениях оценивается турецкими историками по-разному. Автор фундаменталь-

ной монографии по финансовым источникам Национально-освободительной борьбы Альптекин Мюдеррисоглу считает данный эпизод недостоверным. Подтверждений подобным обещаниям в других турецких источниках он не обнаружил, а сам факт в свете советско-турецкого сближения начала 1920-х гг. считал маловероятным. По его словам, большевики не пошли бы на такой шаг, который подвергал бы риску дискредитации всю их восточную политику в отношении мусульманского мира²⁵.

Другие исследователи бездоказательно делают вывод о том, что советская сторона или недодала, или даже присвоила часть золота, которое братские узбеки хотели добровольно передать борющейся Турции²⁶. Вопрос об этом часто встает в последнее время, и за ним следует в целом отрицание роли советской помощи и принижение советского вклада в спасение Турции от интервентов. Для того, чтобы рассмотреть этот вопрос более детально, необходимо понять, насколько объемными были денежные запасы бухарского эмира, и какова была их судьба после захвата М. В. Фрунзе Бухары в сентябре 1920 г.

Судя по свидетельствам современников, эмир Бухары обладал весьма значительным капиталом. Бывший дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе, известный востоковед и археолог Туркестанского края А. А. Семенов писал: «Казна ханов и эмиров Бухары хранилась в подземных помещениях Арка²⁷. Оригинально было зрелище этой казны: длинные ряды туго завязанных матовых мешков, по преимуществу с серебряной монетой (теньгой), с прикрепленными к ним ярлыками с обозначением суммы, были расположены по годам. Здесь же для текущих расходов были сложены в пачках русские государственные кредитные билеты. [...] В казне же хранились золотые и серебряные вещи, дарившиеся эмирам и ханам, разными коронованными особами, а также индийскими вице-королями и туркестанскими генерал-губернаторами. Весьма нередко эти вещи сносились в подземелье Арка и там забывались – тем более, что вещи европейского образца были не в моде, разве только нужно было серебро или золото на монету или на изготовление золотых и серебря-

ных вещей местного производства для подарков; тогда подаренные вещи из благородных металлов брались из кладовых казны и отдавались в переделку. Драгоценные камни, представлявшие наиболее устойчивой валютой, также хранились в большом количестве в казне вместе с разными ценнейшими предметами искусства древнего происхождения, вроде греко-бактрийских и прочих старинных монет, древнего оружия и прочего»²⁸.

Вот как описывал богатства бухарского эмира один из участников Гражданской войны в Туркестане, белый офицер и востоковед Б. Н. Литвинов: «Со времен арабов бухарский эмир и повелители Центральной Азии – Чингиз, Тамерлан, Шейбани, Абдуллах-хан и все теперешние правители (Мангыты) складывали все свои колоссальные богатства в подвалах Арка, т. е. дворца в Бухаре. Они так огромны, что вывозить их всех оттуда во время многочисленных переворотов никто из них не мог. Поэтому знающими людьми Эмиры Бухарские считались самыми богатыми людьми на свете в металле, камнях, коврах и тканях. И действительно: если только подлинный доход эмиров Музаффара, Абдулахад-хана и Мир-Алима [...] с 1866 г. по 1916 г., [...] 2 миллиона тенге, т. е. по 400 тысяч тенге или по 10 миллионов в год золотом; за 50 лет эта сумма является уже $\frac{1}{2}$ миллиарда одних откупных и т. д.

Кроме того, с момента революции, т. е. с марта 1917 г. почти все страховые и транспортные общества России стали отсылать в город Бухару все свои колоссальные запасы всяких товаров, порученных им доверительно на хранение или транспорт. Такова была вера деловых людей в честность и твердость власти в Бухаре и обратно, таково было их неверие к временному правительству.

Один только мой престарелый офицер запаса, 57-летний Федор Федорович Попов, бывший главноуправляющим Российского транспортного и строительного общества на юге России, говорил мне, что он отправил на хранение в Бухару товаров, едва поместившихся во временно поставленных дощатых бараках длиной в 400 аршин! [...] Один эмир Бухарский мог выдержать мировую войну в течение года! (Л. 8 об.)»²⁹. По всей видимости, денежные запасы эмира могли быть значительными.

«Бухарская операция», проходившая 29 августа по 2 сентября 1920 г., завершилась разгромом армии бухарского эмира и взятием столицы эмирата – Бухары. Штурм Бухары стал, по-видимому, самым кровопролитным эпизодом всей операции. После захвата Бухары среди находившихся в городе воинских частей неоднократно отмечались случаи мародерства³⁰. В этой ситуации 5 сентября произошло заседание командования операцией с членами Бухревкома, которые постановили ввиду опасности расхищения ценностей Бухарской республики в период военных действий принять необходимые меры охраны и «войти с ходатайством в РСФСР с просьбой взять на себя охрану этих ценностей в одном из своих отделений Народного банка в Самарканде или Ташкенте для установления полного спокойствия в Бухаре»³¹. Формально это решение принималось от имени местных революционеров, и Турккомиссия, рассмотрев 10 сентября вопрос о вывозе денег из Бухары, постановила, что «так как Бухревком не возбуждает вопрос относительно слитков золота, серебра и монет, а только запрашивает о натуральных ценностях, то слитки и монеты [следует] продолжать вывозить», а все остальные ценности собрать «так, чтобы при случае они могли бы быть вывезены»³². В приведенных документах обсуждение возможности передачи золота эмира правительству Анкары не упоминалось. Фактически, Бухревком послушно исполнял указания Турккомиссии и М. В. Фрунзе. Утверждения П. У. Ходжаева о единогласной поддержке передачи эмирского золота российскими документами не подтверждаются. Интересно и то, что обсуждение П. У. Ходжаевым судьбы эмирского золота с членами турецкой делегации в Москве происходило еще до начала бухарской операции, в середине июля 1920 г. Из доступных российским исследователям архивных документов следует, что до начала августа 1920 г. вопрос о проведении военной операции против Бухары не являлся предпрешенным³³. Это заставляет сомневаться в правдивости сведений П. У. Ходжаева.

Тем не менее часть бухарских коммунистов, по-видимому, возражала против вывоза ценностей, опасаясь того, что их больше не вернут в Бухару. Так, председатель Турккомиссии Г. Я. Соколь-

ников докладывал В. И. Ленину о том, что «часть казны эмира» была отправлена в Ташкент, но некоторые из бухарских коммунистов «задним числом повели агитацию против ее вывоза». Сокольников полагал, что оставлять ценности в Бухаре все же небезопасно, поскольку эмир еще контролировал около трети территории Бухары, а сами ценности подвергались опасности расхищения. Отправку в Ташкент эшелонов с ценностями Сокольников обосновывал стремлением спасти их от грабежа³⁴.

Описание вывезенных из Бухары на хранение в Ташкент ценностей весьма обширно³⁵, однако, из него можно сделать вывод, что большую часть ценностей сопоставляли ткани, тюбетейки, халаты, драгоценные камни, ювелирные украшения, посуда, предметы интерьера, выполненные из драгоценных металлов и т. п. Большую часть монет составляли серебряные российские и бухарские монеты (102129 кг), серебро в слитках (6637 кг), золото в слитках и россыпи (98 кг), бухарская золотая монета (10036 шт.), русская золотая монета (на сумму 239835 руб.) Акт о приемке на хранение бухарских ценностей в Ташкенте датирован 22 декабря 1920 г. Таким образом, бухарское золото не могло быть передано в качестве первых траншей турецким властям осенью 1920 г. Из турецких источников известно, что часть полученного от Советской России золота была пущена правительством ВНСТ в обращение, на выплату жалованья чиновникам и офицерам³⁶. Советское золото поступало в Турцию в форме царских рублей, и это также может поставить под сомнение утверждения П. У. Ходжаева и Ю. К. Тенгиршенка.

Судя по российским архивным документам, до середины 1921 г. ценности бухарского эмира хранились в Ташкенте. Только летом 1921 г. советскими финансовыми властями начала обсуждаться возможность их вывоза в Москву. Однако против этого выступил нарком иностранных дел Г. В. Чичерин. В своем письме В. М. Молотову от 4 июля 1921 г. он писал: «Я слышал от тов. Альского³⁷, что поднят вопрос об овладении нами бухарским золотом, находящимся в Ташкенте. Это было бы крайне рискованным и вредным шагом. При бухарской революции наши части, к сожа-

лению, кое-что пограбили, и в то же время масса ценностей, принадлежащих Бухаре, была вывезена в Ташкент. Известие об этом разнеслось по всему Востоку и сильнее всего образом вредит нашему престижу. Этим пользуются англичане, чтобы указывать на нас как на поработителей Востока и на грабителей. В Индии, например, это производит впечатление. Между тем в настоящее время мы можем ссылаться на то, что мы просто храним вывезенные ценности, чтобы вернуть их Бухаре, когда там все успокоится. Но положение станет несравненно худшим, если мы сами это золото используем. Тогда уже окончательно мы восстановим против себя не только все национально настроенные массы Бухары, но и весь Восток. Можно постараться достигнуть той же цели более сложным путем – попыткой соглашения с бухарцами. Мы оттуда вывезли чрезвычайно много сырья и не дали эквивалента, они считают себя обиженными и ограбленными нами и нельзя это впечатление еще увеличивать»³⁸. Итогом борьбы мнений о судьбе ценностей бухарского эмира стала ревизия ценностей, хранившихся в Ташкенте, в октябре 1921 г. В итоге, после долгого обсуждения, в конце ноября – начале декабря 1921 г. Турккомиссия отказалась от перевода этих денег в Москву и приняла решение оставить их на хранение в Ташкенте³⁹.

Таким образом, в период активного осуществления советской финансовой помощи Турции – с апреля по ноябрь 1921 г., ценности бухарского эмира, по всей вероятности, находились в Ташкенте и для выполнения советско-турецких договоренностей использованы быть не могли. Последний транш советской финансовой помощи Турции также, по-видимому, осуществлялся за счет других источников, учитывая решение Турккомиссии.

По всей видимости, утверждение П. У. Ходжаева, сделанное более чем через 40 лет после «Бухарской операции» и советско-турецких переговоров, следует считать отголоском тех возражений бухарских коммунистов против вывоза ценностей, о которых говорилось выше. Г. В. Чичерин оказался в данном случае в роли политического провидца, предвидевшего использование слухов о судьбе эмирского золота в качестве инструмента антирос-

сийской пропаганды. Необходимо также принимать во внимание время появления его мемуаров – 1962 г. Именно в конце 1950-х – начале 1960-х гг. начинается потепление в советско-турецких отношениях, сопровождавшееся целой серией советских публикаций, в которых важным элементом повествования был нарратив о безвозмездной материальной и финансовой помощи Советской России Турции в 1920-е гг.⁴⁰ Советская безвозмездная помощь Турции стала неотъемлемым элементом советской и российской «мягкой силы» на турецком направлении. Публикации мемуаров П. У. Ходжаева, а затем и Ю. К. Тенгиршенка могли быть своего рода ответом на советский нарратив тех сил, которые не были заинтересованы в советско-турецком сближении. В таком контексте можно расценивать данные публикации как элемент «войны памяти».

Однако, дальнейшая судьба бухарских ценностей остается исследованной не до конца. По некоторым сведениям, советское руководство все же использовало их в дальнейшем для помощи правительству Афганистана в проведении индустриализации⁴¹.

¹ СССР и Турция. 1917–1979. М.: Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 38. Также см.: *Müderrişoğlu A. Kurtuluş savaşının mali kaynakları*. 2. baskı. Ankara: AKDİTYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2013. S. 518.

² Передача была осуществлена в сентябре 1920 г. См.: *Müderrişoğlu A. Kurtuluş savaşının mali kaynakları*. 2. baskı. Ankara: AKDİTYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2013. S. 512–513.

³ *Хейфец А. Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М.: «Наука», 1964. С. 114.

⁴ *Müderrişoğlu A.* Указ. соч. S. 513.

⁵ Там же С. 513.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. III. 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. М., Госполитиздат, 1959. С. 675.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по: СССР и Турция. 1917–1979. М.: С. 45–46.

⁹ Фрунзе М. В. Собрание сочинений. Том первый. 1905 – 1923 годы. Государственное издательство. Москва – Ленинград, 1929. С. 281–282.

¹⁰ *Müderrişoğlu A.* Указ. соч. S. 514–516.

¹¹ СССР и Турция. 1917–1979. С. 47.

¹² Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. М.: Госполитиздат, 1960. С. 597–604.

- ¹³ Равич Н. Молодость века. М.: Воениздат, 1960. С. 298–299.
- ¹⁴ Глебов А. Линия дружбы. Рассказы о Турции. М.: Советский писатель, 1960.
- ¹⁵ Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 59.
- ¹⁶ Цит. по: Кузнецова С. И. Установление советско-турецких отношений. М.: Изд-во вост. лит., 1961. С. 72.
- ¹⁷ Аралов С. И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960. С. 87–88.
- ¹⁸ Müderrisoğlu A. Указ. соч. S. 516. Также см.: Документы внешней политики СССР. Т. III, с. 675.
- ¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Л. 85.
- ²⁰ РГАСПИ, Ф. 159, Оп. 2, Д. 57, Лл. 83–84.
- ²¹ См., например: Мосякин А. Г. Золото Российской империи и большевики. 1917–1922 гг.: документы с комментариями и анализом. В 3-х томах. М., 2021, 528 с.
- ²² Yakın Tarihimiz. Haftalık Dergi. Cilt 1, S. 292. Цит. по: Müderrisoğlu A. Указ. соч. С. 517.
- ²³ «Akşam», 04.05.1970.
- ²⁴ Allworth, E. Conversation with Ahmad Naim Nasratullah Bek, Bukharan Jadid // Türkistan'da Yenilik Hareketleri ve İhtilaller. Ed.: T. Kocaoglu, SOTA, Naarlem, 2001. P. 77–108.
- ²⁵ Müderrisoğlu A. Указ. соч. S. 517–518.
- ²⁶ См., например: Andican A. Osmanlı'dan günümüze Türkiye ve Orta Asya. İstanbul, Doğan Yayıncılık 2009. S. 396–398.
- ²⁷ Цитадель Бухары.
- ²⁸ Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II. Труды Академии наук Таджикской ССР: Институт истории, археологии и этнографии. Т. XXV. Сталинабад, 1954, С. 57–58.
- ²⁹ Литвинов Б. Н. Воспоминания. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918–1920. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2017. С. 223–224.
- ³⁰ О них см.: Генис В. Л. «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М.: Центр стратегических и политических исследований, МНПИ, 2001. С. 39–45
- ³¹ Там же. С. 45.
- ³² Генис В. Л. Указ. соч. С. 46.
- ³³ «Считать необходимой скорейшую ликвидацию эмирата...». М. В. Фрунзе о внутри-и внешнеполитической ситуации вокруг экспорта революции в Бухару. Публикация А. Д. Васильева // Восточный архив, №2 (38). М.: ИВ РАН, 2018. С. 71–76.
- ³⁴ РГАСПИ, Ф. 122, Оп. 1, Д. 10, Л. 80; Ф. 2, Оп. 1, Д. 16000, Лл. 3–4; ф. 5, оп. 1, д. 2022, л. 22. Цит. по: Генис В. Л. Указ. соч. С. 46.

³⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 122, д. 223, лл. 47–48; ф. 62, оп. 2, д. 48, лл. 11–39. Цит. по: *Генис В. Л.* Указ. соч. С. 46–47.

³⁶ *Müderrişoğlu A.* Указ. соч. С. 515.

³⁷ Альский А. О., в 1921–1927 гг. член коллегии Наркомфина РСФСР.

³⁸ РГАСПИ, Ф. 5, Оп. 2, Д. 315, Л. 83; Оп. 1, Д. 2922, Л. 32. Цит. по: *Генис В. Л.* Указ соч. С. 47–48.

³⁹ *Генис В. Л.* Указ. соч. С. 48–49, 87.

⁴⁰ См., например: *Колядко Л. С.* Посол М. В. Фрунзе // *Огонек*. 1958. № 39. С. 12; Миссия Фрунзе в Турцию. Новые документы // *Международная жизнь*. 1960. № 7. С. 155–158; *Аралов С. И.* Воспоминания советского дипломата. М., 1960; *Глебов А. Г.* Линия Дружбы. Рассказы о Турции. М., 1960; *Ильичев Я.* С доброй миссией // *Звезда*. 1963. № 4. С. 152–155; *Хейфец А. Н.* Роль миссии М. В. Фрунзе в укреплении дружественных советско-турецких отношений // *Вопросы истории*. 1962. № 5. С. 90–104; *Шамсутдинов А. М.* Украинско-турецкий договор 2 января 1922 г. // *Ученые записки Института востоковедения*. Вып. XVII. Ред. Б. Н. Захoder. М., 1959. С. 174–181.

⁴¹ По устному замечанию известного исследователя русско-афганских отношений, проф., д.и.н. Ю. Н. Тихонова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

СОВЕТСКО-ПЕРСИДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ от 23 декабря 1917 г.

А.

Сообщение, сделанное представителем Народного Комиссариата по Иностранным Дела Персидскому Посланнику

От имени Народного Комиссара по Иностранным Дела
м сообщая, что в силу договора, заключенного Россией с Гер
манией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией в Бресте 2(15)
декабря 1917 г., на основании 12-й статьи договора:

«Договаривающиеся стороны, непосредственно после под
писания настоящего договора о перемирии, приступая к мирным
переговорам, выражают готовность вывести свои войска из Пер
сии: для разработки деталей такого вывода войск, а также для обе
спечения вышеуказанных принципов Русское и Турецкое Верхов
ные Командования вступают немедленно в переговоры с Персид
ским Правительством». Совет Народных Комиссаров выражает
свое согласие на немедленное открытие переговоров с Пер
сией о выводе своих войск с персидской территории – при усло
вии соблюдения статьи Договора Правительством Турции, и ждет
от Персидского Правительства принятия соответствующих в этом
направлении мер.

Уполномоченный Комиссара по Иностранным Дела
м (подп.)

В.***Народный Комиссар по Иностранным Дела
об ответной ноте персидского правительства
и о плане эвакуации русских войск из Персии***

Мною получена от поверенного в делах Персии в Петрограде нота, которая гласит:

«Настоящим считаю долгом поставить в известность, что Персидское Правительство, будучи своевременно осведомлено о содержании 12-й статьи договора о перемирии, заключенном в гор. Бресте от 2(15) декабря с. г., текст которого приведен выше, уполномочило меня вступить в переговоры о выводе войск из пределов Персии с подлежащей и уполномоченной на такие переговоры Русской Властью, и что согласно депеше Тегеранского Правительства полученной Персидским Посольством в Петрограде, одновременно преподаны тождественные инструкции Персидскому Послу в Константинополе на предмет вступления в переговоры о выводе с Персидской территории турецких войск Правительством Турции.

Сообщая о вышеизложенном, нижеподписавшийся просит благоволить уведомить его в возможно кратчайший срок о дне и часе, когда могли бы быть начаты переговоры об эвакуации русских войск из Персии. Поверенный в делах Персии в Петрограде М. Ассад-Хан».

По этому поводу я считал бы необходимым:

1) Выработать общий план вывода русских войск из Персии в возможно короткий срок и предложить Турции через Персидское правительство и непосредственно через Турецкую делегацию в Брест-Литовске сообразовать план эвакуации турецких войск с планом эвакуации русских войск.

2) Немедленно же приступить к выводу тех частей, которые по своему расположению в Персии не имеют значения с военной точки зрения и служили орудием оккупации Персидской территории.

3) Вызвать из Персии нашу военную миссию, которая там фигурирует в качестве инструкторов казачьей бригады.

4) Назначить немедленно к Русским властям в Персии Комиссаров, которые разъяснили бы расположенным в Персии частям общеполитическое положение в России и смысл нашей новой международной политики, построенной на уважении к правам каждого народа, независимо от его силы или слабости. На обязанности этих Комиссаров лежало бы принятие мер к тому, чтобы персидское население не подвергалось никаким обидам и насилиям со стороны менее сознательных элементов армии.

5) Необходимо принять меры к тому, чтобы обеспечение продовольствием Русской армии за тот период времени, который она еще останется в Персии, ложилось возможно меньшей тяжестью на бедные массы персидского населения.

Прошу Вас, по возможности, безотлагательно сообщить, какие практические шаги считаете Вы возможным предпринять в намеченном направлении.

В этом деле необходима величайшая поспешность, чтобы как можно скорее ликвидировать те насилия, какие царизм и буржуазные правительства России учиняли над персидским народом.

Народный Комиссар по Иностранным Делах (подпись)

Источник: Документы внешней политики СССР.
М.: Политическая литература, 1958. Т. 1. С. 72–73

Приложение № 2

***Заявление Совета Народных Комиссаров
об аннулировании всех соглашений
(в том числе и англо-русского соглашения 1907 г.),
направленных против независимости Персии.
Опубликовано 16/29 января 1918 г.***

Персидскому посланнику в Петрограде.

Гражданин Посланник!

В виду того, что в среде персидского народа существуют сомнения относительно дальнейшей судьбы англо-русского соглашения 1907 г., я имею честь от имени Советского Правительства Российской Республики, довести до Вашего сведения нижеследующее:

В точном соответствии с принципами международной политики, утвержденными 26-го октября 1917 г. Вторым Всероссийским съездом Советов, Совет Народных Комиссаров объявляет англо-русское соглашение 1907 г., как направленное против свободы и независимости персидского народа, раз и навсегда расторгнутым. Равным образом объявляются со стороны Совета Народных Комиссаров недействительными и утратившими всякую силу, все как предшествовавшие указанному, так и последовавшие соглашения, которые в каком бы то ни было отношении ограничивают или стесняют права персидского народа на свободное и независимое существование.

Поскольку еще недалекие с персидской территории русские войска причиняют какие-либо притеснения персидскому народу, я прошу Вас верить, гражданин Посланник, что это происходит против нашей воли и объясняется либо темнотой части солдат, либо злой волей контрреволюционного элемента командного состава.

Советская власть предпринимает со своей стороны все меры к тому, чтобы освободить Персию от старых агентов царизма и империалистической буржуазии, которые являются одинаково врагами как персидского, так и русского народа. Все русские граж-

дане, виновные в незаконных или насильственных действиях против персидских граждан, будут нами наказаны по всей суровости законов революции.

Советская власть сделает со своей стороны все, что от нее зависит в области международных отношений, чтобы добиться полного очищения Персии также и от турецких и английских войск.; Мы горячо надеемся, что наступает эпоха, когда народы заставят свои правительства положить предел насилиям над персидским народом и что этот последний получит возможность свободно развивать свои силы на своей земле.

Во всяком случае, Совет Народных Комиссаров считает для себя допустимым только такие отношения с Персией, которые основаны на свободном соглашении и на взаимном уважении народов.

Источник: Документы внешней политики СССР.
М.: Политическая литература, 1958. Т. 1. С. 91–93

Приложение № 3

***Благодарность персидского правительства
Совету Народных Комиссаров
за аннулирование всех соглашений,
направленных против независимости Персии.
Опубликовано 14/27 февраля 1918 г.***

«Настоящим имею честь, согласно полученным мною от моего правительства инструкциям, довести до вашего сведения, что персидское правительство, приняв к сведению акт расторжения правительством Российской Республики англорусской конвенции, заключенной в С.- Петербурге 18(31) августа 1907 г., равно всех, как предшествовавших названной конвенции, так и следовавших, направленных против свободы и независимости персидского народа соглашений, объявляет уничтоженными и раз навсегда утратившими всякую силу все те договоры и соглашения, которые были насильственно исторгнуты у Персии или же противоречили принципу ее независимости и неприкосновенности, ограничивая и стесняя свободное развитие и осуществление воли персидского народа на занимаемой им территории и прилегающих к ней морях. В то же время ставя в основу дальнейших взаимоотношений между Персией и Россией главные положения вышеприведенной ноты Правительства Российской Республики, персидское правительство выражает свою полную готовность вступить в переговоры для заключения новых договоров, консульских конвенций и иных актов на принципах свободного соглашения и взаимного уважения народов.

Будучи одновременно с сим уполномочен принести Правительству Российской Республики от имени персидского народа в лице его правительства признательность за акт справедливости, проявленный к Персии так же, как за принятое Советом Народных Комиссаров решение вывести войска из пределов Персии, прошу вас, гражданин Народный Комиссар, не отка-

зять в вашем любезном посредничестве для передачи Советской
Власти искренних чувств, питаемых Персией к РОССИЙСКОЙ
Республике.

Поверенный в делах Персии в Петрограде
М. Ассад-Хан»

Источник: Советско-иранские отношения в договорах,
конвенциях и соглашениях. МИД СССР. М.: 1946, С. 75

Приложение № 4

***Персидскому народу
и персидскому правительству.
26-го июня 1919 г.***

В ноте своей на имя персидского Поверенного в Делах в Петрограде от 14 января 1918 г. за № 137. в копии при сем прилагаемой и опубликованной затем в № 11 «Известий» В. Ц. И. К. С. Р. и Кр. Депутатов того же года, Народный Комиссар по иностранным делам известил персидский народ о главных основаниях политики Советской России по отношению к Персии.

Считаясь с имевшими место печальными фактами разорения Северной Персии войсками бывших российских правительств, вместе с турецкими и английскими оккупационными отрядами, разорения, ответственность за которое всецело падает на капиталистические правительства Великобритании, Турции и царской России, – Российское Советское Правительство, преисполненное по отношению к угнетенной союзными империалистами Персии самых доброжелательных чувств, желает справедливо возместить те убытки, которые были причинены русскими отрядами, полагая, что Персидское правительство, опираясь на мощь Персидского народа, изыщет способы возместить соответственные убытки с империалистического правительства Великобритании.

В своем стремлении компенсировать персидский народ, Советское Правительство провозглашает, что:

1) Все платежи Персии по царским обязательствам аннулируются.

2) Россия раз навсегда прекращает всякое вмешательство в доходы Персии таможенные, телеграфные, почтовые, малиатные и др.

3) Каспийское море, по очищении его от разбойных судов английского империализма, будет объявлено свободным для плавания судов под персидским флагом.

4) Границы Советской России с Персией будут установлены согласно свободному волеизлиянию населяющих пограничные территории жителей.

5) Прекращают свое действие все бывшие русские казенные и частные концессии.

6) Учетно-Ссудный Банк Персии со всем земельным инвентарем, со всеми своими отделениями, находящимися в Персии, объявляется собственностью свободного персидского народа.

7) Телеграфная линия Мешхед – Сеистан; телеграфы Астрабадского района; Энзели – Тегеранская шоссе́йная дорога: все шоссе́йные дороги, построенные русскими войсками во время пребывания в Персии за период войны 1914–1918 г. г., со всеми сооружениями; Энзелийские портовые сооружения со всем имуществом, как электрическая станция, молы, здание, инвентарь и т. д.; Джульфа-Тавризская жел. дорога с веткой на Сафьян, со всем железнодорожным имуществом, инвентарем, зданиями и пр.; а также все русские почтовые учреждения, телефонные, телеграфные линии Персии передаются в пользование и собственность свободного, независимого персидского народа, который должен вознаградить служащих и рабочих вышеперечисленных учреждений.

8) Полностью отменяется прежняя консульская юрисдикция.

9) Уничтожается Урмийская Духовная Миссия.

10) Российские граждане, проживающие в Персии, обязаны уплачивать все виды податей и сборов, наравне с местным населением, если эти сборы налагаются законным порядком и преследуют народные нужды.

11) Российское правительство согласно совместно с персидским правительством рассмотреть вопрос о владении русских граждан землею в Персии, о способах арендования, уплаты налогов и т. д. и разрешить его в интересах персидского и русского народов.

12) Русско-персидская граница открывается для свободного проезда и провоза товаров. Персии разрешается транзит через Россию товаров любого происхождения и наименования.

13) Российское Советское правительство соглашается совместно с персидским правительством разработать железнодорож-

ные, пароходные и иные тарифные ставки на перевозимые русскими транспортными средствами персидские товары.

14) Россия отказывается от всякого участия в организации военных сил на территории Персии.

15) Российское правительство соглашается на отмену института каргузариатов.

16) Персии предоставляется право назначать своих консулов во все города и местности Советской России, а также в Туркестане, Закаспийской области и в союзных нам Бухаре и Хиве.

Провозглашая и предлагая вышеизложенное, Народный Комиссариат по Иностранным Делах питает твердую уверенность, что настоящий шаг Российского Советского Правительства открывает новую эру в истории взаимоотношений России и Персии, которой российский революционный народ шлет братский привет и искренние пожелания свергнуть с изнуренных плеч персидского народа гнет англичан и союзных империалистов, пытающихся окончательно задушить, скованную по рукам и ногам, Персию.

Российский народ верит, что 15-миллионный народ Ирана не может умереть, что он, имеющий такое славное героическое прошлое, имеющий на страницах своей истории и культуры имена, пользующиеся справедливым преклонением всего цивилизованного мира, – могучим порывом сбросит вековую спячку, свергнет гнет гнусных хищников и вольется в братские ряды свободных культурных народов, для нового светлого творчества на благо всего человечества.

Замнаркома иностр. дел (подпись)

Источник: Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 198–200

К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ ПЕРСИИ

Обращение Народного Комиссара по Иностранным Делах РСФСР. 28 августа 1919 г.

В течение всего последнего столетия русское и английское правительства обращались с вами, как с порабощенным народом. Пользуясь тем, что некогда могущественный персидский народ под невыносимым игом своих деспотических шахов и жадных до наживы и удовольствий феодалов дошел до крайней степени нищеты и унижения, английские хищники и агенты стремящегося все к новым завоеваниям царизма постепенно низводили вас на все более низкую 'ступень порабощения и поддерживали в вашей стране иго ваших угнетателей, не давая вам подняться и все более превращая персидский народ в своего раба и данника. В России царил безграничный деспотизм самодержавного царя, в Великобритании царила и до сих пор царит власть кучки всемогущих хищников капиталистов. И тем и другим было выгодно, чтобы ваш народ оставался в темноте и рабстве, чтобы как умственное, так и хозяйственное развитие вашей страны было задерживаемо, чтобы силы и способности вашего народа не могли выйти наружу и развернуться. Царское правительство заключало несколько раз тайные договоры с вашим деспотическим шахским правительством, обещая оказывать ему поддержку и обязывая его не строить железных дорог и не развивать естественных богатств вашей страны. Оба враждующих хищника, русский и английский, постоянно ссорились между собою из-за Персии, но ссорились лишь из-за того, кто из них в большей степени будет обирать ваш народ и поддерживать его угнетение.

Настал момент, когда поднялись персидские народные массы и в смелом порыве стремились сбросить с себя невыносимые многовековые цепи как неограниченной шахской власти, так и угне-

тателей кровопийц-феодалов. Персидскому народу оказали братскую помощь и русские революционеры, боровшиеся в то время у себя в России против царского деспотизма и тяготевших на русском народе варварских форм эксплуатации и гнета; но царизм в этот момент еще стоял на ногах, и как раз тогда, когда персидский народ боролся за свою свободу, английское и русское правительства, целое столетие враждовавшие между собой из-заладычества в Персии, заключили между собою соглашение и поделили между собой персидскую землю. Благодаря помощи царских войск, и в особенности посланных русским правительством зверских казаков, было растоптано освободительное движение в Персии, и лучшие борцы за ее свободу погибли на плахе в Тегеране и позднее в Тавризе. В последующие годы на персидском народе лежал двойной гнет – как своих собственных персидских деспотов и кровопийц, так и русских и английских хищников, видящих в нем объект для наживы и для выжимания из него последних соков. Персидский меджлис из высшего законодательного учреждения был превращен в слепое орудие персидских принцев и капиталистов, а позднее совсем разогнан по требованию английского и царского правительств.

Но настала великая русская революция, и трудящиеся массы России не только повергли в прах варварский дикий царизм, но и впервые в истории освободили труд от власти капитала. Трудящиеся массы России взяли власть в собственные руки и стали сами хозяевами своей собственной судьбы. Одним из первых актов, выразившего их волю рабоче-крестьянского Советского правительства Российской республики, было объявление о том, что каждый народ, велик ли он или мал. где бы ни находился, жил ли он до сих пор независимой жизнью, или был включен против своей воли в состав другого государства, должен быть свободен в своей внутренней жизни и никакая власть не должна удерживать его насильно в своих границах.

В отношении Персии Народный Комиссариат Иностранных Дел в ноте своей от 14-го января 1918 г. торжественно сообщил персидскому народу, что все тайные договоры между Россией

и Англией и другими державами, касающиеся Персии и нарушающие ее права, как независимого государства, Россией расторгаются и что русский народ возвращает Персии все то, что отняли у нее, что награбили у персидского народа царские генералы.

Персидское правительство со своей стороны объявило также уничтоженными все подобные договоры. Казалось, что для персидского народа должны были начаться новая свободная жизнь и возрождение ее после векового гнета иностранных хищников.

Однако случилось не так. Весной 1918 г. английские войска постепенно заняли всю территорию Персии. Англичане клялись, что как только турки будут изгнаны, они очистят персидскую территорию и вознаградят персов за все грабежи и реквизиции, причиненные английскими солдатами. Нота английского правительства от 12-го марта 1918 г. с этими обещаниями была напечатана 14-го марта в официальном персидском органе «Рааб». Англичане обещали, – хотя никто их об этом не просил, – помочь персидскому народу после войны восстановить его разрушенное хозяйство. А вместо этого они превратили персидский народ в своего раба.

Русская рабоче-крестьянская революция еще борется против бесчисленных врагов, против всемогущих владык мира, крупных капиталистов и против их агентов и слуг, которых они посылают в надежде потопить в крови революционное движение трудящихся масс в России. И как раз в то же время могущественный английский капитал в союзе с американским и французским раздавил своего мирового соперника – хищный германский империализм – и празднует над ним победу. Пользуясь благоприятным для себя моментом английский капитал решил захватить окончательно и бесповоротно в свои руки всю Персию. Персия вычеркнута из числа независимых стран, персидский народ исключен из числа свободных народов, его собственные деспоты и угнетатели получают деньги от Великобритании и окончательно превращаются в ее слуг, состоящих у нее на жалованье, они остаются на шее персидского народа и будут продолжать его угнетать, но они сами будут лишь агентами и слугами более крупного мирового хищника –

английского капитала, который будет выжимать из персидских несчастных тружеников последние соки.

В этот момент, когда торжествующий победитель, английский хищник, пытается набросить на шею персидского народа аркан окончательного порабощения, Советское рабоче-крестьянское правительство Российской Республики торжественно заявляет, что не признает англо-персидского договора, осуществляющего это порабощение. Трудящиеся массы России видят в трудящихся массах Персии своих братьев и друзей и своих завтрашних товарищей по революционной борьбе за полное освобождение труда, и выражающее их волю рабоче-крестьянское Советское правительство России смотрит, как на клочок бумаги, за которым оно никогда не признает законной силы, на позорный англо-персидский договор, которым ваши властители продали себя и продали вас английскому хищнику.

Ввиду мошеннического и разбойничьего акта, содеянного англичанами вместе с персидским правительством, мы считаем своим долгом еще раз подтвердить то, что сделал русский народ для персидского народа, что было изложено в нашей ноте персидскому правительству 26-го июня 1919 г., и что, конечно, продажное персидское правительство скрыло от персидского народа:

все платежи Персии по царским обязательствам аннулируются;

Россия раз навсегда прекращает всякое вмешательство в доходы Персии;

Каспийское море, по очищении его от разбойных судов английского империализма, будет объявлено свободным для плавания судов под персидским флагом;

границы Советской России с Персией будут установлены согласно свободному волеизъявлению населяющих пограничные территории жителей;

прекращают свое действие все бывшие русские казенные и частные концессии;

отменяется консульская юрисдикция;

учетно-ссудный банк Персии, все бывшие в русских руках железные дороги, шоссейные дороги, портовые соо-

ружения, почтовые учреждения, телефонные, телеграфные линии в Персии передаются в пользование и собственность свободного, независимого персидского народа; уничтожаются или отменяются все другие учреждения или постановления, ставившие персидский народ в подчиненное положение или представлявшие вмешательство в его внутреннюю жизнь.

Время вашего освобождения близко. Час расплаты пробьет скоро и для английского капитала, против которого все более грозно разрастается широкое революционное движение среди

трудящихся масс самой Великобритании. Приближается момент, когда во всем мире все капиталистические хищники падут под ударами собственных восставших трудящихся масс. Могучее революционное движение российских трудящихся масс, сбросивших с себя цепи всех своих угнетателей и эксплуататоров, служит заражающим примерам, которому уже начинают следовать трудящиеся массы других стран. Против мирового капитализма, и его агентов, и слуг, и своих собственных контрреволюционеров Российская Революция ведет все более успешную победоносную борьбу, и скоро наша доблестная революционная Красная армия уже будет проходить через Красный Туркестан к границе все еще порабощенной Персии.

Русский рабочий народ протягивает вам, угнетенным массам Персии, свою братскую руку, и близок тот час, когда мы па деле будем в состоянии осуществить нашу задачу совместной с вами борьбы против больших и малых хищников и угнетателей, источника ваших бесчисленных страданий.

Народный Комиссар по Иностранным Делах РСФСР
Георгий Чичерин

Источник: Документы внешней политики СССР.
М.: Политическая литература, 1958. Т. 2. С. 238–242

*Приложение № 6***СОВЕТСКО-ПЕРСИДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ*****Радиотелеграмма Народного Комиссара
по Иностранным Делах РСФСР Министру
Иностранных Дел Персии 5 июня 1920 г.***

Российское Советское Правительство, с удовлетворением приветствуя высказанное в вашем заявлении от 4-го июня желание установить добрососедские отношения между нашими народами, каковое желание вполне соответствует желанию рабоче-крестьянской России, тем не менее не может не выразить своего глубокого сожаления по поводу того, что ваше правительство не обращает внимания на неизменно дружественную и братскую политику рабоче-крестьянской России по отношению к Персии и не учитывает бескорыстия и неподдельной искренности, с которой Советское правительство всегда относилось к вашей стране. Лишь правительство, представляющее собою массы трудящихся, как наше, могло совершенно отрешиться от каких-либо завоевательных или эгоистических вождений и своекорыстных целей, направленных против народа и правительства Персии, и могло окончательно порвать со всеми традициями империализма и присущими ему грабительскими тенденциями. Инцидент с десантом в Энзели, решение которого уже было достигнуто решениями нашего правительства задолго до получения вашей декларации, не может быть рассматриваем вне всякой связи с общей политикой Советской России по отношению к Персии, так как сохранение господства трудящихся масс в России вполне совпадает с реальными интересами персидского народа, для которого существование этого режима в России является единственной гарантией его полной международной безопасности. Уже 14-го января 1918 г. народный комиссар по иностранным делам изложил основы политики рабоче-крестьянского правительства по отношению к Персии. Эти основы следующие: отказ от всяких

договоров, направленных против свободы и независимости персидского народа; невмешательство во внутренние дела Персии и полная эвакуация персидской территории царскими войсками и войсками других империалистических правительств и возвращение персидскому народу всего, что было от него силою отобрано царизмом и его союзниками. Провозглашенные в этой ноте принципы были развиты детально в ноте от 26-го июня 1919 г., в которой народный комиссар по иностранным делам, предлагая персидскому правительству вступить в переговоры с целью окончательного уничтожения всех следов империалистического наследия политики царизма, формулировал в 16 точных и подробных пунктах все, что рабоче-крестьянское правительство желает возвратить Персии. Нотой от 20-го мая 1920 г. народный комиссар по иностранным делам еще раз подтвердил прежние предложения Советского правительства в предположении, что нота 26-го июня 1919 г., хотя и опубликованная в нашей печати, в свое время не дошла до Тегерана, так как полномочный представитель Советской Республики Коломийцев, везший эту ноту с собою и направлявшийся в Тегеран, был захвачен в пути английскими бандами и русскими контрреволюционерами и расстрелян ими на персидской территории, причем этот гнусный акт не вызвал со стороны персидского правительства ни малейшего протеста. В связи с этим случаем мы не можем обойти молчанием того факта, что представители Российской Советской Республики, единственного истинного друга Персии, подвергались систематическим преследованиям и гонениям со стороны агентов персидского правительства и что английские власти арестовывали наших консулов в Персии и увозили их в плен в Багдад и в Индию с согласия персидского правительства, не только не протестовавшего против этих преступлений, совершенных на его территории, но оставлявшего без всякого ответа протесты Российского Советского правительства по этому поводу, вместе с тем не заявившего ни малейшего протеста против присутствия английских войск на персидской территории. Как только нам стало известно об инциденте в Энзели, мы нашей нотой от 23-го мая уведомили персидское правитель-

ство, что, согласно нашим предыдущим заявлениям о возвращении Персии портовых сооружений Энзели и об установлении свободного и беспрепятственного судоходства по Каспийскому морю, революционный отряд, высадившийся в Энзели, будет отозван немедленно, как только русский флот, находившийся в Энзели и захваченный контрреволюционерами под покровительством Великобритании, будет возвращен его законному владельцу, рабоче-крестьянскому правительству.

В вашей ноте от 4-го июня, к сожалению, нет никакого указания на то, что ваше правительство приняло во внимание предыдущие декларации, как и всю вообще политику Советского правительства по отношению к Персии. Поэтому, господин министр, я считаю своим долгом еще раз обратить ваше внимание на то обстоятельство, что вопрос, поставленный в вашей ноте, уже давно разрешен самым торжественным и самым положительным образом, и могу лишь еще раз выразить наше сожаление по поводу того, что некоторые внешние обстоятельства не дали персидскому народу с ясностью, не оставляющей ни малейших сомнений, что всякая тревога народа и правительства Персии по случаю появления нашего флота в Энзели, ставшему убежищем последних остатков контрреволюционного флота, совершенно неуместна, тем более, что председатель Революционного Военного Совета Республики приказом от 26-го мая уже предписал командующему революционным флотом Каспийского моря эвакуировать территорию и территориальные воды Персии, принадлежащие персидскому народу, и только ему одному. Приказ о немедленной эвакуации Энзели и всей персидской территории был повторен еще раз до получения нами вашей ноты. Поэтому мы можем считать это временное недоразумение вполне исчерпанным и признать его лишь результатом недостаточной осведомленности персидского правительства. Пользуюсь этим случаем, чтобы еще раз обратить ваше внимание на наше предложение достигнуть соглашения путем формальных переговоров между Персией и Россией относительно окончательного возвращения персидскому народу того, что было у него отнято, и точно

формулировать неизменное решение Советского правительства относиться с полным и безусловным уважением к независимости, суверенитету и праву располагать своей собственной судьбой персидского народа, связанного с братским рабоче-крестьянским народом России узами дружбы, которую впредь ничто не могло бы нарушить.

Народный Комиссар по иностранным делам
Чичерин

Источник: Документы внешней политики СССР.
М.: Политическая литература, 1958. Т. 4. С. 557–559.

Приложение № 7

***Закон № 1718:
проект закона об отмене Статей 5 и 6
Договора о дружбе между Россией и Ираном***

Отменить Статьи 5 и 6 Договора о дружбе между Ираном и Россией, заключенного в Москве 8 хута 1399 г. по иранскому календарю, что соответствует 26 февраля 1921 г. по христианскому календарю, и разрешить правительству объявить данные статьи Договора недействительными и аннулированными.

Революционный Совет Исламской Республики Иран

Дата ратифицирования законопроекта: 10.11.1979

Дата доведения до сведения другой стороны: 01.12.1979

Дата официальной газетной публикации: 13.12.1979

Источник: Махдиян М. Х. История межгосударственных отношений Ирана и России (XIX – начало XXI века) / Отв. ред. Н. М. Мамедова. М.: ИВ РАН, 2014. С. 202

***Послание Председателя Совета
Народных Комиссаров РСФСР В. И. Ленина
Эмиру Афганистана Аманулла-хану.
Между 20 апреля и началом мая 1921 г. 10S***

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики выражает Вам свою благодарность за Ваши собственноручные письма и искренние и дружеские высокие мысли об отношениях между двумя великими государствами – Афганистаном и Россией.

Я счастлив известить Вас, что дружественный Договор между обоими государствами подписан в Москве 28 февраля 1921 г. * уполномоченными обоих государств и утвержден верховным органом Российской Советской Республики – Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов.

Договор между обоими государствами формально закрепил, дружбу и взаимные симпатии, которые вот уже два года развиваются и упрочиваются между Афганистаном и Россией и для укрепления коих положили много труда Представитель Высокого Афганского Государства в России высокоуважаемый Мухаммед Вали-хан и Чрезвычайный Полномочный Представитель РСФСР в Кабуле Яков Захарович Суриц.

Российское Советское Правительство и Высокое Афганское Государство имеют общие интересы на Востоке, оба Государства ценят свою независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока. Оба государства сближают не только вышеуказанные обстоятельства, но и в особенности то, что между Афганистаном и Россией нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласии и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу. Старая империалистическая Россия исчезла навсегда, и северным соседом Высокого Афганского Государства

является новая Советская Россия, которая протянула руку дружбы и братства всем народам Востока и афганскому народу в первую очередь.

Высокое Афганское Государство было одним из первых государств, представителей которого мы с радостью встретили в Москве, и мы счастливы отметить, что первый Договор о дружбе, который заключил афганский народ, был Договор с Россией.

Мы уверены, что искреннейшее наше желание будет осуществлено и что Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского Государства на благо обоих народов.

Правительством РСФСР приняты меры к устранению мелких недоразумений между афганскими служащими и российскими местными властями, и, по нашим сведениям, отношения на местах наладились в соответствии с духом дружбы, существующим между обоими Высокими Государствами.

Затронутые Вашим Величеством в последнем письме некоторые мысли, касающиеся обоюдного сочувствия к освобождению народов Востока, приняты нами с великим сочувствием и радостью. Мы отнеслись к ним с серьезностью, соответствующей высоким мыслям, затронутым в них. Мы поручили нашему Чрезвычайному Представителю Сурицу лично объяснить Вам наши мысли.

Правительство РСФСР хотело бы отметить еще достойные величайшего одобрения заслуги Вашего Чрезвычайного Посла Мухаммеда Вали-хана в деле укрепления дружбы между обоими государствами и заключения дружественного Договора.

Убежденный в дальнейшем упрочении уз дружбы между Россией и Афганистаном, позволяю себе выразить Вам свои симпатии и уверенность, что независимость Высокого Афганского Государства ни силой, ни хитростью никем не будет поколеблена.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Приложение № 9

(Печат. по арх.). Это письмо В. И. Ленина явилось ответом на два письма Амануллы-хана от 6 ноября и 1 декабря 1920 г. аналогичного содержания. В его последнем письме говорилось:

"По случаю того, что благоприятно закончились последние переговоры об установлении основ добрососедских дружественных отношений между Правительством Российской Советской Республики, находящимся под Вашим Высоким председательством, и моим Королевским Правительством и что они завершились дружественным договором, я поздравляю своего Высокого друга Председателя Ленина, выражаю по этому поводу свою радость и надеюсь, что упомянутый договор получит возможно скорое утверждение и содержащиеся в нем постановления вступят в действие.

Ввиду того, что Правительство Российской Советской Республики направило свои доброжелательные намерения и чувства на ниспровержение во всем мире империализма и особенно на освобождение народов Востока от деспотизма и мировых империалистов и на укрепление того положения, что каждый народ сам определяет свои государственные судьбы, эти вопросы явились единственной причиной величайшего стремления к урегулированию отношений между моим Королевским Правительством и Правительством Российской Советской Республики.

Взаимные обязательства, имеющиеся в заключенном договоре в сфере той же политики, касательно обеспечения и охраны полной независимости Правительств Бухары и Хивы, мы также рассматриваем как реальное доказательство тех же свобододолюбных идей.

От прибывшего на этих днях в нашу столицу Его Превосходительства Джемаль-паши 22 мы услышали о всех благородных мыслях и намерениях Правительства Советской России по освобождению всего восточного мира и о том, что упомянутое Правительство

заключило союз с правительством Турции, которая в настоящей войне подверглась нападению самым несправедливым образом, и в подкреплении этого союза оказало ей материальную и моральную помощь. Эти разъяснения и сообщения укрепили и утвердили еще более, чем раньше, наши надежды и упования на действия Вашего Государства.

Афганское Правительство питает добрые надежды относительно этих общих целей, которым оно придает огромное значение, ставит в основу своей политики эту гуманную в отношении всего человечества цель и готово всеми мерами и во всякое время преследовать продолжение взаимной дружбы. Поэтому Афганское Правительство надеется, что эта искренность в его мыслях и упованиях будет встречена с Вашей Высокой стороны с тем уважением и доверием, которые она заслуживает, и я самым твердым образом надеюсь, что ради претворения в дело этих мыслей и упований Вы особым образом с Вашей Высокой стороны облегчите предпринимаемые старания по достижению некоторых реальных возможностей.

Заклученный нами договор установил основы наших искренних отношений, и мы нисколько не сомневаемся в том, что эти основы в будущем еще более укрепятся и утвердятся и что достижение этих высоких общих целей оправдает пожелания обеих сторон.

Так как моим монаршим желанием является то, чтобы некоторые недоразумения, вызывавшиеся до сих пор чиновниками обеих сторон при текущих сношениях обоих Государств, были спешно ликвидированы, то отданы необходимые распоряжения соответствующим лицам. Уповаю, что Вы со своей Высокой стороны соизволите отдать тождественные распоряжения соответствующим лицам в целях облегчения дружественных отношений.

Отдельно прошу не отказать дать Ваши распоряжения о том, чтобы возможно скорее были приняты предложения, сделанные нашим Министром Иностранных Дел Комиссару Иностранных Дел Вашего Высокого Правительства относительно некоторых дополнительных соглашений, как-то: экономического и о консуль-

ских представителях, кои укрепят и урегулируют сношения между обоими Государствами.

Надеюсь, что преследуемые нами стремления, целью коих является освобождение всего восточного мира, увенчаются успехом, и прошу принять выражение моего чрезвычайного уважения».

Источник: Документы внешней политики СССР.
М.: Политическая литература, 1958. Т. 4. С. 93–95.

SUMMARY

The formation of new Russian's foreign policy took place in complicated geopolitical conditions, when in the result of The First World War state's borders were reshaped and the revolution movement expanded. After the establishment of Bolsheviks' power in the country the civil war broke out, and the separatist movements of various ideological orientations arose.

On the Lenin's initiative in March 1919 was established Comintern for realization of ideas of revolutionary socialism around the world, i. e. for preparing and caring out revolutions. Although the main hopes for revolutionary changes in the nature of power, the Bolsheviks associated with European countries the eastern countries also remained in the orbit of their attention. As early as November 20, 1917 (December 3), the Council of People's Commissars of Russia issued an Appeal "To all the working Muslims of Russia and the East", which called for "arranging your national life freely and without hindrance. ... We declare that the agreement on the division of Persia is torn and destroyed. As soon as the hostilities cease, the troops will be withdrawn from Persia and the Persians will be provided with the right to freely determine their fate. We declare that the agreement on the division of Turkey and the seizure of Armenia from it has been torn and destroyed. As soon as hostilities cease, the Armenians will be guaranteed the right to freely determine their political destiny.»

Little by little, the ideas of the revolutionary reorganization of the countries of the East were replaced by more pragmatic goals – the establishment of legal foundations for relations with these countries. After a turbulent period of activity of the Comintern, Soviet Russia signed in 1921 a series of first treaties with a number of neighboring

countries located to the south of it, incl. with Iran (February 26, 1921), with Afghanistan (February 28, 1921) and Turkey (March 13, 1921). In October, in addition to the Moscow Treaty with Turkey, after the establishment of Soviet power in the republics of Transcaucasia, the Treaty of Kars was signed. On the occasion of the 100th anniversary of the signing of these treaties by Russia, the Center for the Study of the Countries of the Near and Middle East in September 2021 held a conference “Russian Policy on the Southern Frontiers. To the 100th anniversary of the signing of agreements with Afghanistan, Iran, Turkey.” The materials of this conference formed the content of the collective monograph offered to the reader. The arrangement of chapters is based on the principle of chronological signing of treaties (Iran, Afghanistan, Turkey). A feature of the work was not the writing of sections according to a pre-planned plan, but the completion of chapters from sections written on the basis of the reports made at the above-mentioned conference. It seems that this made possible to make the monograph more diverse, to emphasize the peculiarities not only of the Treaties themselves, but also the differences in the positions of the countries, their internal situation, and relations with Soviet Russia and other Soviet republics. Some sections focus on the content of the Treaties, others on the complex situation in countries, and other focuses on treaty evaluations at the present time.

The first chapter is devoted to the analysis of the agreement with Iran. In its first section, a general assessment of the 1921 treaty (Z. A. Arabadzhyan) is given in terms of what should have been the subject of the treaty, what was reflected in the treaty, and what Russia should have done at that time. Articles that have so far provoked criticism from the Iranian side are analyzed. A. Z. Arabadzhyan notes that the principle of equality was not observed in the agreement, the terms and conditions for the withdrawal of Soviet troops were not determined, although in economic terms the agreement was more beneficial to the Iranian side. For the first time in domestic oriental studies, the opinion of I.V. Stalin on the articles of the 1921 treaty is mentioned, which legally allowed in 1941 to bring Soviet and British troops into Iran.

When analyzing the geopolitical situation of this period under review (Maryasov A. G.), attention is drawn to the fact that the idea of the spread of socialist revolutions in the East was embodied in support for the creation of the Persian (Gilyan) Soviet Republic. But this support, as well as the participation of Soviet Azerbaijan in the Gilan events, was determined not only by ideological factors, but was a means of pressure on the Anglophile government of Iran in order to prevent Iran from becoming a base of aggression against the southern borders of the Soviet republics.

A special section of the chapter is devoted to the analysis of the economic articles of the agreement (N. M. Mamedova), their significance for Russia and for the economy of Iran. It is no coincidence that in none of the agreements with other countries economic problems have received such a significant place, because for the young Soviet republics, the most urgent problem during this period was to ensure the security of the southern borders and prevent anti-Soviet military aggression from the south. Of interest to the reader may be the characteristics of the actions of the young Soviet government to restore economic positions in Iran and the formation of new forms of cooperation after the refusal of concessions by Tsarist Russia in Iran.

The signing of the treaty with Persia had an impact not only on Iran's relations with Russia, but also on Iran's relations with other countries. The activities of Russia in concluding the treaty, as well as the content of the treaty, were a signal to Great Britain to change its forms and methods of action in Iran (I. E. Fedorova). In the face of political chaos and the real danger of Iran's disintegration, London abandoned direct pressure on the leadership in Tehran and supported the coup on the eve of the signing of the treaty on February 21, 1921, which opened the way to strengthening the authority of Reza Khan, who soon became the new Shah of Iran. This support helped the UK to maintain a fairly significant position in Iran.

The authors did not limit themselves only to the period of signing the treaty, showing its significance in the development of further relations between Iran and the USSR. The reader will be interested in descriptions of the visits of the last Iranian Shah to the USSR (A. I. Pol-

ishchuk), an assessment of the entry of allied troops into Iran, which prevented Iran from becoming a military-political satellite of Nazi Germany (V. I. Sazhin), contributed to the creation of a transport corridor for supplies lend-lease.

The Treaty of 1921 from the time of its signing to the present day causes ambiguous assessments from both Russia and Iran. Equally contradictory are its assessments from the West. In different periods, these assessments have changed, at present, as shown in the work, most modern Iranian authors evaluate it more or less negatively (E. V. Dunaeva). To a large extent, this can be explained by the fact that these assessments are based on the works of Western authors, although the new generation of Iranian historians are increasingly beginning to take into account the interests of both countries in a period that was difficult for both Iran and Russia. Among the French Iranianists, the Treaty of 1921 generally receives positive assessments (Yu. A. Zotova). Most French authors, noting its incomplete equality for the parties associated with the inclusion of the 5th and 6th articles in the text, consider them as a relatively small compensation for the political and economic advantages received by Iran. In the final section of this chapter, written by Iranian researchers (Mohammad Mahdi Nejad, Yu. A. Zotova-Talatchiyan), it is recognized that this Treaty was completely unique and unprecedented for its time from the point of view of relations between Russia, in the recent past a strong power and semi-colonial Iran, and that Iran's gains far exceeded Russia's.

The chapter "Afghanistan" is opened by a general description of the relations between Soviet Russia and Afghanistan, as well as the 1921 Treaty itself (O. E. Mitrofanenkova). It is natural that considerable attention is paid to the Afghan-British relations of this period, the struggle for influence in the region between Soviet Russia and Great Britain. It was shortly after the signing of an agreement with the RSFSR that Afghanistan, as an independent state, signed agreements with Great Britain, Turkey and Iran.

The monograph shows that from the first days of its establishment, the Soviet government tried to provide Afghanistan with its economic and technical assistance even before the conclusion of the Treaty

of Friendship (U. V. Okimbekov), and in the Treaty itself the possibility of providing such assistance was enshrined in law. The topic of economic cooperation is not limited to the period of the 1920s. Using statistical materials, the paper shows that bilateral trade and economic relations until the 1990s, although they developed unevenly, grew in volume and scale. However, the active participation of the Soviet and then the Russian side in the economic development of Afghanistan ended with the coming to power of the Afghan Islamists in 1992 and subsequently depended to a large extent on the will of the Afghan authorities and external forces that actually ruled the country.

This section of the second chapter on economic ties is successfully supplemented by an analysis of the emergence of military and military-technical cooperation between Soviet Russia and the Emirate of Afghanistan, which declared its independence in 1919 (M. M. Slinkin). It should be considered expedient to describe the causes and results of the combat use of armed Soviet and Afghan formations on the territory of Afghanistan, which may be of interest to both orientalists and the general reader.

Particularly difficult were the conditions for the signing in 1921 of the Treaty with Turkey, which, after the collapse of the Ottoman Empire, had by that time not been recognized as an independent state with fixed borders. Therefore, in Chapter 3, devoted to the analysis of the Moscow Treaty of 1921, the main attention is paid to both the complex geopolitical situation of this period and the role of Russian financial assistance for the development of political cooperation with Turkey. The paper draws attention to the fact that at the conclusion of the agreement in Moscow, an agreement was reached on providing Turkey with gratuitous financial assistance, as well as assistance with weapons (N. Yu. Ulchenko). The very readiness of the Russian side for these negotiations gave Turkey the opportunity to choose between two poles of confrontation – Russia and Western countries, especially since by the beginning of the Moscow negotiations the situation had transformed into an open struggle between Russia and England for Turkey. But having chosen Russia as a political ally, Turkey began to persistently demand financial and military assistance from it in order to resist military pressure from Western states.

The problem of obtaining financial and military assistance to Turkey remains relevant to nowadays. In the light of recently discovered archival documents, it can be said that in the autumn of 1921 I. V. Stalin even tried to reconsider the gratuitous nature of financial assistance to the "Kemalists". (A. D. Vasiliev). A truly detective investigation is being conducted in relation to the Bukhara gold and valuables, which were not fully transferred to Turkey. The fate of the Bukhara values remains not fully explored, and according to some information, the Soviet leadership used them in the future to help Afghanistan.

In this chapter, a significant place is devoted to the assessments of Turkish researchers and the Moscow Treaty itself and the initial stage of the establishment of Soviet-Turkish relations. For this, the materials of the fundamental Turkish publication, published in Istanbul in 2001, "Turkish Foreign Policy. (1919–1980)". (I. I. Ivanova).

The positions of modern Turkish researchers are also considered in the analysis of the Treaty of Kars (Gadzhiev A. G.), which was concluded on October 13, 1921 between Turkey and the Soviet republics of Transcaucasia with the direct participation of the RSFSR, confirming the provisions of the Moscow Treaty on behalf of the Transcaucasian republics. In modern Turkish foreign policy doctrines, the Treaty of Kars is considered as one of the key elements in ensuring peace and stability in the region. The paper notes that Turkish researchers appeal to the Kars Treaty during periods of crisis in the Caucasus region. Until now, the treaty remains in force and contributes to the preservation of the territorial status quo in the region.

The assessments of Turkish researchers regarding the territorial problems raised by them at the end of the Second World War (A. V. Boldyrev) are interesting. In the modern historiography of Turkey, the topic has repeatedly been raised regarding the attempts of the Soviet Union to revise the territorial articles of the Moscow Treaty of 1921 regarding the straits. It seems that Turkish researchers are deliberately tilting towards the post-war period, without considering the situation that developed between the two world wars.

The work was prepared on the basis of a wide variety of sources and literature – from archival materials to publications of international

organizations. The authors managed to display the conditions for the preparation of the Treaties and their influence on the further development of relations between Iran, Afghanistan and Turkey with Russia, using an extensive body of literature in Russian and European, as well as in Turkish, Persian and Dari.

The monograph is provided with interesting Appendixes, which are the texts of documents, letters, official statements, allowing to more fully reveal the fate and significance of the Treaties signed in 1921 with Afghanistan, Iran and Turkey.

Managing editor – N. M. Mamedova.

СПИСОК АВТОРОВ

- Арабаджян З. А.* – канд. экон. наук, вед. науч. сотр., ИВ РАН
- Болдырев А. В.* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН
- Васильев А. Д.* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН
- Гаджиев А. Г.* – канд. ист. наук, науч. сотр., ИВ РАН
- Дунаева Е. В.* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН,
доц. ИСАА МГУ
- Зотова Ю. А.* – преп. Университета Азад, Тегеран, ИРИ
- Иванова И. И.* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН
- Мамедова Н. М.* – канд. экон. наук, вед. науч. сотр., ИВ РАН
- Марьясов А. Г.* – канд. ист. наук, Чрезвычайный и Полномочный
Посол РФ
- Митрофаненкова О. Е.* – мл. науч. сотр., ИВ РАН
- Мохаммаднежад Нешили М. М.* – исследователь Университета
Азад, Тегеран, ИРИ
- Окимбеков У. В.* – канд. экон. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН
- Полищук А. И.* – канд. ист. наук, доц. МГЛУ
- Сажин В. И.* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН
- Слинкин М. М.* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН
- Ульченко Н. Ю.* – д-р экон. наук, вед. науч. сотр., ИВ РАН,
ИСАА МГУ
- Федорова И. Е.* – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., ИВ РАН

LIST OF AUTHORS

Arabadzhyan Z. A. – Leading Researcher, IOS RAS PhD. Economics

Boldyrev A. V. – Senior researcher, IOS RAS, PhD History

Dunaeva E. V. – Senior researcher, IOS RAS, PhD History

Fedorova I. E. – Senior researcher, IOS RAS, PhD History

Gadzhiev A. G. – Researcher, IOS RAS, PhD History

Ivanova I. I. – Senior researcher, IOS RAS, PhD History

Mamedova N. M. – Leading Researcher, IOS RAS, PhD. Economics

Mariyasov A. G. – Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary,
PhD History

Mitrofanenkova O. E. – Junior Researcher, IOS RAS

Mohammadnejad Nesheli M. M. – researcher, Azad University,
Tehran, Iran

Okimbekov U. V. – Senior researcher, IOS RAS, PhD. Economics

Polishchuk A. I. – Associate Professor, Moscow State Linguistic
University, PhD History

Sazhin V. I. – Senior researcher, IOS RAS, PhD History

Slinkin M. M. – Senior researcher, IOS RAS, PhD History

Ulchenko N. Y. – Leading Researcher, IOS RAS, PhD. Economics

Zotova Y. A. – University lecturer, Azad University, Tehran, Iran

Научное издание

**ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ
(к 100-летию договоров с Ираном, Афганистаном и Турцией)**

Коллективная монография

Редактор *М. С. Грикурова*
Верстальщик *Н. В. Макеева*
Оформитель *П. А. Трошина*
Корректор *И. С. Батышев*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 15.11.2022 г. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 16,2. Тираж 500 экз. Заказ № 3638

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru